

Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области

С. Добровольскаго

Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись
можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не
можетъ обойтись

Тургеневъ

Отъ автора

Настоящая работа имѣетъ своей цѣлью освѣтить одинъ изъ эпизодовъ гражданской войны — борьбу на нашемъ далекомъ Сѣверѣ съ большевиками. Въ газетѣ и журналахъ удѣлялось много мѣста фронтамъ Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича и лишь борьба въ Сѣверной Области мало привлекала общественное вниманіе, такъ какъ этотъ клочекъ Россіи казался далекимъ отъ ея жизненныхъ центровъ и силы его борцовъ столь ничтожными, что этотъ фронтъ не могъ сыграть роль рѣшающаго фактора въ борьбѣ. Между тѣмъ событія, которыя разыгрались здѣсь, далеко не лишены интереса. Это былъ единственный фронтъ, гдѣ фактически была осуществлена интервенція путемъ вмѣшательства въ нашу внутреннюю борьбу вооруженныхъ силъ союзниковъ. Архангельскъ, хотя и не на большой срокъ, вошелъ въ орбиту вліяній высокой политики пословъ великихъ державъ, нашедшихъ въ немъ гостепріимный пріютъ послѣ покинутія ими Совѣтской Россіи, заключившей позорный Брестъ-Литовскій договоръ, и здѣсь искренно и честно была произведена попытка возрожденія Россіи на началахъ правового строя и демократическаго режима, положенныхъ въ основаніе государственнаго бытія всѣхъ европейскихъ странъ.

Мнѣ пришлось тоже принять въ этой борьбѣ свое посильное участіе; мои впечатлѣнія и воспоминанія и составляютъ содержаніе настоящей работы*. Судьба поставила меня въ счастливое положеніе въ смыслѣ возможности прослѣдить какъ вооруженную борьбу нашей маленькой арміи, такъ и попытки государственнаго строительства на новыхъ началахъ. Находясь во

* За исключеніемъ 3ей главы I части, въ которой вкратцѣ со словъ другихъ лицъ описаны событія, имѣвшія мѣсто до моего прибытія въ Сѣверную область.

главѣ военно-судебнаго вѣдомства Области, я какъ военный былъ въ непрерывной связи съ представителями арміи, а какъ юристъ принималъ самое широкое участіе въ творческой дѣятельности власти, входя для этого въ общеніе какъ съ членами Правительства, такъ и съ представителями общественно-политическихъ круговъ.

При изложеніи я старался возможно объективнѣе и точнѣе описать тѣ событія, свидѣтелемъ или участникомъ которыхъ мнѣ пришлось быть, пропуская весь матеріалъ не только черезъ горнило своего скромнаго разума, но и тщательно прислушиваясь къ голосу своей совѣсти.

Цѣль работы — выяснитъ причины гибели носителей національно-патріотической идеи возрожденія родины и торжества въ нашей отсталой странѣ героев III интернаціонала. Цѣль эта побуждаетъ не утаивать ничего и держаться только правды, какой бы горькой она не оказалась, что мною обѣщано тѣмъ моимъ лучшимъ друзьямъ изъ доблестной офицерской среды, которые или погибли въ неравной борьбѣ со смертельными врагами нашей несчастной родины, или, что пожалуйъ еще хуже, попали въ руки терзающихъ ее до сихъ поръ палачей и тѣмъ обречены на тяжкія и длительныя страданія... Ихъ свѣтлой памяти и посвященъ мой скромный трудъ.

Декабрь 1920 г.

Введеніе

Февральская революція застала меня въ гор. Кременцѣ Военнымъ Прокуроромъ XI арміи. Съ быстротой кинематографической драмы въ нѣсколько десятковъ тысячъ метровъ пронеслись передо мною выдающіяся событія этой богатой впечатлѣніями эпохи развитія революціоннаго процесса въ арміи. Здѣсь не время и не мѣсто отдаваться пмъ: ое заслонены сейчасъ не менѣе яркими событіями гражданской войны на бѣлыхъ фронтахъ, участникомъ которой мнѣ суждено было сдѣлаться въ Архангельскѣ и описанію которой и будутъ посвящены дальнѣйшія строки.

Въ Ноябрьѣ 1917 г. власть въ XI арміи перешла въ руки революціоннаго большевистскаго комитета, открывшаго военныя дѣйствія противъ самоопредѣлившейся Украины; я не считалъ болѣе возможнымъ оставаться въ арміи и въ первыхъ числахъ Декабря отбылъ въ Петроградъ.

Я не буду утомлять вниманіе читателей описаніемъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть за время годичнаго пребыванія въ Петроградѣ при большевикахъ. Весь разрушительный процессъ дѣятельности Совѣтской власти и попытка строительства жизни на новыхъ коммунистическихъ началахъ, все это произошло на моихъ глазахъ и было предметомъ самаго внимательнаго наблюденія съ моей стороны. Только испытавъ дѣйствіе такого эксперимента надъ собой и окружающими, человекъ понимаетъ все безуміе этой затѣи и пріобрѣтаетъ увѣренность, что она

никогда не уцѣлѣетъ и будетъ отброшена жизнью, а, кромѣ того, только такимъ путемъ пріобрѣтается тотъ опытъ и усвоеніе цѣлей и методовъ борьбы, безъ которыхъ трудно достичь полной побѣды надъ такимъ грознымъ явленіемъ современности, какъ большевизмъ, жертвой котораго уже три года является наша родина и который угрожаетъ благополучію всего міра.

Послѣ годичныхъ мытарствъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба, голодовки, ужаснаго нравственнаго состоянія, въ связи съ необходимостью почти все время мѣнять мѣсто почлега, въ виду систематическихъ обысковъ и попытокъ къ аресту, мнѣ удалось въ Ноябрь послѣ долгихъ хлопотъ отправить семью въ Финляндію. Руки были развязаны и начались хлопоты о личномъ бѣгствѣ туда же. О переходѣ границы въ частномъ порядкѣ при посредствѣ фишовъ-проводниковъ, бравшихъ большія суммы (отъ 3000—15000 р.), нечего было и мечтать, а потому я приступилъ къ розыску бѣлыхъ организаціи, чтобы прибѣгнуть къ ихъ помощи. Принимая во вниманіе конспиративность такихъ организаціи, задача была нелегкая, но, какъ часто бываетъ, помогъ случай. Въ одной хорошо знакомой морской семьѣ я познакомился съ однимъ изъ членовъ морской бѣлой организаціи, который, узнавъ, что цѣлью моего ухода изъ совдѣлія является желаніе принять активное участіе въ борьбѣ съ большевиками, обѣщаль мнѣ оказать свое содѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней мнѣ была пазначена явка на конспиративную квартиру, гдѣ я долженъ былъ быть переданъ «по принадлежности» представителю сухопутной бѣлой организаціи. Не безъ волненія переступилъ я порогъ конспиративной квартиры, занимаемой одной извѣстной русской артисткой, такъ какъ со времени вступленія въ связь съ организаціей можно было всегда ожидать всякихъ неприятныхъ неожиданностей: тогда только что былъ опубликованъ списокъ разстрѣлянныхъ членовъ морской организаціи во главѣ съ докторомъ Балтійскаго флота Ковалевскимъ; но обаятельная личность встрѣтившаго меня моряка сразу же подѣйствовала успокоительно. Появившійся вскорѣ послѣ этого представитель «сухопутной» организаціи былъ столь удачно загримированъ подъ «товарища» въ своемъ «френчевомъ нарядѣ» и съ папوماженнымъ чубомъ на лбу, что хозяинъ поспѣшилъ представить его, послѣ чего при общемъ нашемъ смѣхѣ по поводу такого удачнаго маскарада мы приступили къ обсужденію нашего дѣла. Поразительны то мужество и самоотверженность, съ которой эти люди творили въ Петроградѣ свое опасное дѣло въ обстановкѣ провокаціи и блестяще организованнаго большевиками сыска. Какъ мнѣ послѣ стало извѣстно, одинъ изъ тогдашнихъ моихъ собесѣдниковъ былъ разстрѣлянъ послѣ наступленія ген. Юденича на Петроградъ. Еще болѣе поразительна та скромность, съ которой они расцѣнивали свою опасную работу. Прощаясь со мной, тотъ изъ нихъ, кто помогъ мнѣ прибѣгнуть къ помощи бѣлой организаціи, просилъ меня, какъ представителя военной прокуратуры, заступиться въ будущемъ за него, когда его привлекутъ къ отвѣтственности за службу въ красномъ флотѣ. Тогда мнѣ эта мысль показалась и чудовищной и смѣшной, но потомъ за границей въ кругахъ российскихъ обывателей, своевременно «эвакуировавшихся» изъ Россіи въ первый періодъ революціи, или уже очутившихся тамъ до ея начала, мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, палецъ объ палецъ не ударившихъ для дѣла спасенія родины, кровожадные разговоры о примѣрномъ наказаніи безъ всякаго разбора всѣхъ тѣхъ, кто очутился на службѣ у большевиковъ. Такихъ господъ много спуетъ въ тылу бѣлыхъ фронтовъ, гдѣ они большей частью

занимаются спекуляціей, еще больше ихъ устроилось по заграничнымъ центрамъ, гдѣ они, устроившись на теплыхъ мѣстахъ, ждутъ того момента, когда усилями борцовъ на бѣлыхъ фронтахъ и тѣхъ самоотверженныхъ героевъ, о которыхъ я упомянулъ выше, будетъ для нихъ открыта граница Россіи. Увы, ихъ много, этихъ господъ, и имъ мы должны быть главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что часто европейское мнѣніе слагается не въ пользу Бѣлой Россіи.

21 Декабря съ трехъ часовъ дня началось мое путешествіе въ Финляндію. Съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ пустой крынкой изъ поды молока (для маскировки намѣреній) прибылъ я на одну изъ площадей Петрограда, гдѣ «сухопутный» представитель передалъ меня изъ рукъ въ руки проводнику — крестьянину финну. Началось томительное и жуткое путешествіе сначала въ трамваѣ, а затѣмъ въ вагонѣ одной изъ мало извѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, полного крестьянами финнами, привозящими въ Петроградъ молоко. Разговоры ихъ, которые я понималъ, такъ какъ немного владѣю финскимъ языкомъ, сводились все къ обмѣну впечатлѣніями объ обыскахъ, которые, хотя и не каждый день, но по нѣсколько разъ въ недѣлю производились на одной изъ станцій, которую намъ предстояло проѣхать. Трудно передать тѣ ощущенія, которыя охватили меня, при приближеніи къ этой станціи. Остановка, холодный воздухъ отъ вливанія новой пассажирской волны, а затѣмъ передаваемая шопотомъ сверлящая душу фраза: «Идутъ» — «Никто не идетъ» — «Какъ не идутъ, уже начали обходъ съ двухъ концовъ поѣзда» — «Плохо будетъ, если ѣдетъ кто-нибудь изъ буржуевъ или офицеровъ, доберутся до него и арестуютъ» — «Вчера былъ обходъ и одного вытащили» — «Ну, значитъ, сегодня не пойдутъ, разъ вчера обходили». Только уцѣпишься за эту отрадную мысль, какъ опять слышишь: «Идутъ, уже осматриваютъ въ сосѣдномъ вагонѣ». Болѣзненно сжимается сердце и слышишь черезъ толстое пальто сильное бѣненіе его. Свистокъ, поѣздъ трогается. Не пришли! Кровь приливаетъ къ лицу, радостно бьется сердце, крѣпнетъ вѣра въ счастливый исходъ предпринятаго путешествія, на душѣ тепло и хочется обнять симпатичныхъ финновъ, польщенныхъ моимъ умѣніемъ говорить на ихъ родномъ языкѣ и радушно угощающихъ меня, голоднаго петроградца, хлѣбомъ.

Пересадка въ товарную теплушку, небольшой перегонъ стоя и мы высаживаемся на маленькой станціи среди сосноваго лѣса. Проводникъ подхватываетъ чемоданчикъ и мы идемъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Послѣ двухъ верстъ ходьбы мы въ избѣ у проводника. Большая семья въ девять душъ, проводникъ — старшій сынъ 18 лѣтъ. Хозяйка угощаетъ меня кофе и со слезами на глазахъ рассказываетъ свою печальную новѣсть. Мужа убили красные, а теперь хотятъ окончательно загубить семью, требуя 15.000 р. единовременнаго налога и угрожая въ случаѣ неуплаты конфискаціей дома съ земельнымъ участкомъ. «Слава Богу, сынъ зарабатываетъ, но вѣдь его дѣло опасное, могутъ донести и его разстрѣляютъ». И, какъ всегда послѣ такого рода разговоровъ, мучительный вопросъ: «Какъ вы полагаете, скоро ли все это кончится?»

Въ два часа ночи подають лошадей; прощаюсь съ гостепримной хозяйкой и начинаю усаживаться въ сани. Кучеръ помогаетъ садиться и чистымъ русскимъ языкомъ безъ всякаго акцента, дружески улыбаясь, говоритъ: «Закутайтесь хорошенько, г-нъ полковникъ, холодно, а дорога длинная». Не

успѣваю выяснитъ, кто онъ, проводникъ вскакиваетъ къ нему на облучекъ и среди завывающей метели, завязавъ въ снѣгу, совершаемъ путешествіе въ 17 верстъ до второго проводника, который долженъ будетъ перевести меня черезъ границу.

Маленькая избушка на курьихъ ножкахъ и новый радушный пріемъ въ простой финской семьѣ. Угощаютъ чаемъ съ ватрушками изъ чернаго хлѣба съ картофелемъ вмѣсто творога. Угощеніе кажется царскимъ послѣ петроградской голодовки. За ѣдой кучеръ расшифровывается — это молодой фельдфебель одного изъ полковъ, стоявшаго когда-то подъ Петроградомъ. Онъ смертельно ненавидитъ большевиковъ и самъ готовится бѣжать къ бѣлымъ въ случаѣ объявленія мобилизаціи красными. Сердечно расцѣловавшись, прощаюсь съ нимъ и съ первымъ проводникомъ и ложусь на дровни для дальнѣйшаго путешествія. Плыдемъ въ снѣгу, лошадь вязнетъ по горло и только немного легче становится въ лѣсу, гдѣ дорога не такъ завесена. Послѣ двухчасового путешествія выѣзжаемъ въ поле, по которому гуляетъ снѣжная метель. Оставляемъ лошадь привязанной у какого-то одивокаго сарая, такъ какъ кругомъ жилья нѣтъ, проводникъ скидываетъ мой чемоданъ на плечи и начинается самый переходъ границы по поясъ въ снѣгу черезъ болотистое поле, изрытое канавами. Часа два продолжается эта мука съ провалами въ воду; временами кажется, что истощенный голодомъ организмъ не выдержитъ этого испытанія, но собираешь послѣднія силы и движешься впередъ. Среди почти механическихъ движеній, связанныхъ съ вытаскиваніемъ все время вязнущихъ ногъ, забываешь, что переходишь границу и что въ карманѣ два конверта съ секретными свѣдѣніями, почеркнутыми изъ штаба красной арміи. Достигаемъ лѣса; дорога немного лучше, но она становится совсѣмъ легкой послѣ того, какъ проводникъ оборачивается и со свѣтящейся при лунѣ улыбкой заявляетъ: «А мы уже въ Финляндіи, граница за нами въ трехъ километрахъ». И бурная радость заливаетъ душу, вырвавшуюся изъ совѣтскаго ада; не чувствуешь болѣе усталости и начинаешь наслаждаться картиной первобытнаго густого лѣса съ постукивающими дятлами и загадочными тѣнями, падающими на узкую дорогу отъ мерцающей луны, которую то открываютъ, то закрываютъ летящія снѣжныя тучи. Но вотъ, видво жилье и въ 6 часовъ утра входимъ въ финскую деревню. Предстояло сдѣлать 75 километровъ до ст. Теріоки и вновь началось тяжелое путешествіе при невѣроятной стужѣ и метели, съ одного воинскаго поста на другой. Подъѣзжая вечеромъ къ Теріоки, я совсѣмъ закоченѣлъ, а моя усталость послѣ физическихъ и нравственныхъ переживаній дошла до того, что я положительно сталъ галлюцинировать и въ сосновомъ лѣсу, среди котораго мы проѣзжали, мнѣ мерещились огромные замки съ зеркальными стеклами.

Въ 7 часовъ вечера я предстаю передъ теріокскимъ комедантомъ, который отпустилъ меня вочевать въ гостиницу, гдѣ я сразу же легъ спать и лишь на слѣдующій день, проснувшись около часу, отправился отыскивать представителей бѣлой русской организаціи, которымъ я долженъ былъ передать доставленные изъ Петрограда пакеты.

Каждый изъ насъ, испытавшихъ ужасы петроградской жизни при большевикахъ, знаютъ, что обитатели Петрограда жили и живутъ до сихъ поръ иллюзіями о приходѣ извнѣ избавителей, причемъ положеніе большинства петроградцевъ столь тяжкое, что они согласны купить свое спасеніе какой угодно цѣной, а потому приближеніе непріятели къ столицѣ въ 1918 году

вызвало среди населенія нескрываемую радость. Въ періодъ перехода мною границы, Петроградъ жилъ иллюзіями объ англійской помощи и всюду можно было услышать передаваемые изъ «достоверныхъ» источниковъ свѣдѣнія объ англійскомъ штабѣ въ Теріокахъ и войскахъ ген. Юденича на финляндской границѣ. Иллюзіи эти въ своихъ интересахъ поддерживались и бѣлыми организаціями въ Петроградѣ въ цѣляхъ привлеченія большого количества участниковъ въ свои кадры. Каково же было мое разочарованіе, когда вмѣсто всего этого я нашелъ въ Теріокахъ лишь конспиративную квартиру, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ въ своей своеобразной полувоенной формѣ владели жалкое существованіе въ пустой дачѣ съ кроватями безъ одеялъ и бѣлья. Имъ очень быстро я былъ информированъ, что организація ген. Юденича еще только что зарождается, а объ иностранной помощи ничего и не слышно.

Среди этихъ офицеровъ мое вниманіе привлекъ морской лейтенантъ Г., только что вернувшійся со свѣжими новостями изъ за границы. Онъ выдѣлялся среди другихъ своимъ широкимъ развитіемъ и большой освѣдомленностью въ дѣлахъ бѣлыхъ. Въ то время въ антибольшевистскихъ кругахъ преобладало мнѣніе, что безъ помощи союзныхъ вооруженныхъ силъ съ большевиками не справиться. Лейтенантъ Г. рѣзко высказывался противъ подобнаго мнѣнія, утверждая, что интервенція принесетъ только вредъ, такъ какъ союзники преслѣдуютъ лишь свои интересы и спасеніемъ Россіи не интересуются; единомыслія въ русскомъ вопросѣ среди нихъ нѣтъ, Россіи они совершенно не знаютъ и не понимаютъ, потому надѣлаютъ массу глупостей и вмѣшательство ихъ, даже при удачѣ, будетъ дорого стоить русскому народу. Кромѣ того, вмѣшательство иностранцевъ позволитъ большевикамъ играть на патріотическихъ чувствахъ русскаго народа, придавая борьбѣ съ бѣлыми національный характеръ, и лишитъ бѣлыхъ должной самостоятельности и инициативы, такъ какъ иностранцы при оказаніи помощи будутъ претендовать на руководящую роль. Опора на иностранные штыки, а не на свою собственную силу, деморализующе отразится на бѣлыхъ, вызывая у нихъ ложное представленіе, что спасеніе Россіи придетъ извнѣ, а не благодаря самоотверженности и патріотизму ея сыновъ, и лишитъ бѣлыхъ той энергіи и вѣры въ свои собственныя силы, которая однѣ только смогутъ обезпечить имъ побѣду. Подѣлившись далѣе своими грустными впечатлѣніями отъ тѣхъ темныхъ элементовъ, которые уже тогда «примазывались» къ бѣлымъ организаціямъ и отъ отсутствія въ средѣ бѣлыхъ политическаго единомыслія, лейтенантъ Г., проведя параллель между великой французской революціей и развитіемъ революціоннаго процесса у насъ, высказалъ опасеніе, какъ бы борьба бѣлыхъ не только не принесла бы пользы, но даже вредъ, задержавъ то естественное изжитіе большевизма внутри, которое уже началось и будетъ имѣть свой логическій конецъ...

Часть I

Путешествіе въ Сѣверную Область и исторія возникновенія въ ней борьбы

Глава I

Россійскій посланникъ въ Стокгольмѣ г. Гулькевичъ.

Дорожныя впечатлѣнія и бесѣды. Фіорды

Въ Январѣ 1918 года мною была получена телеграмма отъ Россійскаго посланника въ Стокгольмѣ г. Гулькевича съ предложеніемъ ѣхать въ Архангельскъ для занятія должности по военно-судебному вѣдомству, такъ какъ глава Временнаго Правительства Сѣверной Области Чайковскій вызывалъ туда специалистовъ. Я тотчасъ же отвѣтилъ принципиальнымъ согласіемъ, но отъѣздъ мой изъ Финляндіи затянулся, такъ какъ я хотѣлъ устроиться въ возникшую къ этому времени въ Финляндіи организацію ген. Юденича, считая, что мнѣ нѣтъ никакой надобности ѣхать такъ далеко, когда работать можно здѣсь же на мѣстѣ.

Убѣдившись, однако, что предпріятіе ген. Юденича принимаетъ затяжной характеръ, я рѣшилъ ѣхать на Сѣверъ и, исхлопотавъ необходимыя визы, въ томъ числѣ и англійскую на право вѣзда въ Архангельскъ, выѣхалъ 5 Апрѣля изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ. Въ нарядной столицѣ Швеціи я пробылъ 9 дней, поджидая партію офицеровъ изъ Финляндіи, съ которыми долженъ былъ ѣхать на Сѣверъ. Здѣсь я былъ представленъ Россійскому посланнику г. Гулькевичу, обаятельная личность котораго произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе. Чрезвычайно внимательный ко всѣмъ, г. Гулькевичъ поражалъ своей удивительной освѣдомленностью во всѣхъ вопросахъ, касающихся внутренняго и внѣшняго положенія Россіи, а также своимъ поразительнымъ умѣніемъ вѣрно оцѣнить переживаемыя событія и сдѣлать изъ всей обстановки правильный выводъ. И немудрено: для него не существовало среди насъ, русскихъ, гражданъ перваго и втораго разряда, онъ принималъ всѣхъ и выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ cadaго. Сильное впечатлѣніе произвела на него переданная мною

просьба представителей бѣлой организаціи въ Петроградѣ поспѣшить съ помощью, такъ какъ они, по ихъ словамъ, могли удержаться только до весны, когда имъ предстояло или ждать кровавой ликвидаціи, или выступить противъ бѣлыхъ. Онъ попросилъ меня составить объ этомъ депешу, которая и была немедленно отправлена въ Парижъ.

15 Апрѣля въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ я выѣхалъ изъ Стокгольма по желѣзной дорогѣ въ Нарвикъ — одинъ изъ малевкихъ портовъ Сѣверной Норвегіи. Судьба послала мнѣ въ дорогѣ очень интереснаго спутника, полковника ген. штаба Б., только что бѣжавшаго изъ совдепіи. На его перепетіяхъ намъ стоить немного остановиться. Разъединенный съ женой, которая находилась въ Новониколаевскѣ, Б. рѣшилъ бѣжать черезъ линію восточнаго фронта въ Сибирь. Но попытка эта не удалась; онъ былъ схваченъ красными и ему угрожалъ разстрѣлъ, когда было получено распоряженіе Троцкаго предложить ему на выборъ, какъ «спецу», или вачальника штаба арміи или разстрѣлъ. Б. согласился на службу большевикамъ и вскорѣ выхлопоталъ себѣ болѣе спокойное мѣсто — инспектора пѣхоты Сѣвернаго фронта, штабъ котораго находился въ то время въ Ярославлѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ въ отдѣльномъ салонѣ-вагонѣ съ почетнымъ карауломъ выѣхалъ на инспекцію пѣхотныхъ частей фронта въ Лугу. Въ Петроградѣ ночью, въ то время, какъ его вагонъ передавали съ Николаевского вокзала на Варшавскій, онъ бѣжалъ черезъ финляндскую границу.

Съ виду мрачный и веобщительный, но въ дѣйствительности сердечный и крайне симпатичный, полк. Б. прекрасно разбирался въ положеніи у большевиковъ, обнаруживая большой умъ и наблюдательность. Онъ сознавалъ всю силу противника и трудность борьбы съ нимъ, но считалъ, что у насъ есть три могучихъ союзника, съ которыми большевикамъ никакъ не справиться — продовольственный кризисъ, разстройство транспорта и отсутствіе топлива. Невольно всѣ разговоры вертѣлись вокругъ вопроса, что насъ ожидаетъ на далекомъ Сѣверѣ, причемъ, такъ какъ составъ правительства мы не знали, то естественно, что мы интересовались личностями генераловъ, стоявшихъ во главѣ военнаго вѣдомства: Миллеромъ и М—скимъ. О генералѣ Миллерѣ полковникъ Б. былъ самаго высокаго мнѣнія, сохранивъ о немъ самыя лучшія воспоминанія по совмѣстной службѣ въ Московскомъ военномъ округѣ. Его отличительными свойствами онъ считалъ: глубокой пронизательный умъ, чрезвычайную работоспособность и гуманное отношеніе къ своимъ подчиненнымъ. Что же касается оцѣнки личности ген. М—скаго, то полковникъ Б. отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя и способномъ, но порывистомъ, поверхностномъ, лѣнливомъ и неспособномъ къ систематической, вдумчивой работѣ.

17 Апрѣля въ 1 часъ дня мы прибыли въ Нарвикъ, гдѣ намъ суждено было просидѣть до 20-го и встрѣтить Пасху, такъ какъ, по случаю «Великой Пятницы», чтимой норвежцами болѣе самой Пасхи, очередной пароходъ на Ледингенъ не пошелъ. Здѣсь мы могли ознакомиться съ радушіемъ и гостепріимствомъ норвежцевъ и ихъ сердечнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ намъ. Хозяйка гостиницы и всѣ служащіе приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы своимъ вниманіемъ скрасить встрѣчу нами Свѣтлаго Праздника на чужбинѣ. Еще болѣе незабываемой сердечности было намъ проявлено тогда, когда мы, вторично потерявъ родину, попали въ Норвегію въ порядкѣ бѣгства изъ Сѣверной Области, но объ этомъ ниже.

Съ Нарвика началось наше знакомство съ норвежскими фіордами и трехдневное путешествіе по нимъ до Вардэ. Извиваясь голубой лентой, какъ рѣка, потянулись они среди безконечной цѣпи снѣговыхъ горъ, у подножья которыхъ, гдѣ-то вверху, какъ карточные домики, расположились рыбацьи поселки. И такая панорама продолжается положительно до безконечности... Закроешь глаза и вновь черезъ нѣкоторое время откроешь, — все та же картина: голубое небо, голубая вода и безконечная цѣпь снѣжныхъ горъ поразительной бѣлизны. Начинаешь понимать всю силу характера героевъ Ибсеновскихъ драмъ — Бранта и др., и то созерцательно углубленное настроеніе, вызываемое окружающей природой, которое конденсируетъ глубокія чувства и сильныя страсти, вырывающіяся иногда могучимъ фонтаномъ, какъ горячій гейзеръ на ледяной Исландіи, изъ-подъ ледяной маски внѣшней невозмутимости и спокойствія.

А, вѣдь, на фонѣ этой мертвой величественной природы люди тоже пылали другъ къ другу ненавистью на почвѣ социальныхъ противорѣчій (д-ръ Штокманъ) и на днѣ чистаго, прозрачнаго, голубого фіорда остался заигравшійся на пристани и нечаянно упавшій въ воду, «Маленькій Эольфъ», котораго не спасли бѣдные рыбаки, питавшіе ненависть къ его родителямъ-богачамъ...

23 Апрѣля рано утромъ мы прибыли въ послѣдній пунктъ нашего пребыванія за границей — Вардэ, маленькій норвежскій городокъ на голой скалѣ, со всѣхъ сторонъ открытый для вѣчно дующаго холоднаго вѣтра. Здѣсь намъ пришлось пробыть три дня въ ожиданіи русскаго парохода, который долженъ былъ насъ доставить на родину.

Глава II

«Купава». Незамерзающій русскій портъ Мурманскъ. Русскій административный персоналъ и союзное командование. Ледовитый океанъ. Борьба со льдами. Прибытіе въ Архангельскъ

26 Апрѣля вечеромъ мы вступили на бортъ русскаго парохода «Купава». Грязный пароходъ съ неряшливо одѣтой и смотрѣвшей исподлобья командой несомнѣнно большевистской оріентаціи, видѣвшихъ въ насъ враговъ народа, ѣдущихъ «пить его кровушку», произвелъ на меня и на моихъ спутниковъ тяжелое впечатлѣніе: мы ожидали другой встрѣчи въ Бѣлой Россіи. Только развѣвавшійся на кормѣ нашъ русскій національный флагъ радовалъ сердце и напоминалъ намъ, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила намъ много непріятностей: мы почти всѣ переболѣли морской болѣзнью.

Лишь подъ утро все стихло: мы стали приближаться заливомъ, составляющимъ какъ бы продолженіе норвежскихъ фіордовъ, къ незамерзающему русскому порту Мурманску и около 12 часовъ дня причалили къ одной изъ

его грандіозныхъ пристаней. Больно рѣзнула по сердцу провѣрка нашихъ паспортовъ союзнымъ военнымъ контролемъ и англійской военной полиціей; оказывается, мы еще пока у себя не хозяева. Рельсовыми путями черезъ грязный портъ, заваленный издающими зловоніе пустыми ящичками и консервными коробками, мимо маленькой замурзанной станціи «Мурманскъ» и составовъ поѣздовъ, частью пустыхъ, а частью занятыхъ подъ постои союзныхъ войскъ и учреждений, прибыли мы по непролазной грязи въ вештатный городъ Мурманскъ — небольшой поселокъ со свѣжими срубамн для жилья и переносными бараками амерпканскаго типа, занятыми союзными войсками. Даже прекрасная солнечная погода не могла скрасить неказистый видъ этого молодого русскаго портоваго города, расположеннаго среди болотистой мѣстности, покрытой лишайниками, мелкими кустами березняка, и прижатаго къ морю снѣговыми горами. Но все это искупается никогда не замерзающей и защищенной отъ вѣтровъ обширной гаванью, допускающей по своей глубинѣ стоянку самыхъ крупныхъ океанскихъ судовъ.

Устроившись въ старомъ и грязномъ вагонѣ 1 класса, который намъ отвели для ночлега, мы пришли въ штабъ начальника военнаго отдѣла Мурманскаго района, расположенный въ небольшомъ деревянномъ зданіи. Здѣсь мы познакомились съ встрѣтившимъ насъ чрезвычайно радушно Начальникомъ военнаго отдѣла, полковникомъ Л. И. Костанди, молодымъ и способнымъ офицеромъ Ген. Штаба, который въ теченіе десятидневнаго пребыванія нашего въ Мурманскѣ ознакомилъ насъ съ исторіей бѣлаго переворота на Мурманѣ и съ положеніемъ, которое существовало тамъ къ нашему приѣзду, а также съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ.

Самый переворотъ произошелъ совершенно безболѣзненно въ порядкѣ соглашенія союзниковъ съ Мурманскимъ совдепомъ послѣ разрыва его съ Москвой, въ виду заключенія послѣдней Брестъ-Литовскаго договора. Предсѣдатель Мурманскаго совѣта, кочегаръ Юрьевъ, сообщилъ объ этомъ соглашеніи по прямому проводу Ленину, обозвавъ его при этомъ измѣнникомъ. Такимъ образомъ, разрывъ произошелъ лишь на почвѣ разногласія въ международной политикѣ, а совѣтская организація была сохранена, что нисколько не смущало союзниковъ, преслѣдовавшихъ свои спеціальныя цѣли — защиту Мурманска отъ возможнаго появленія туда оперировавшихъ въ то время въ Финляндіи германцевъ, для борьбы съ которыми были приняты на англійскую военную службу бѣжавшіе изъ Финляндіи красные финны, образовавшіе отдѣльный отрядъ во главѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ народныхъ комиссаровъ Токоемъ. Власть совѣтовъ на Мурманскѣ была уничтожена лишь послѣ образованія въ Архангельскѣ сначала Верховнаго Управленія, а затѣмъ Временнаго Правительства Сѣверной Области, въ составъ которой вошелъ и Мурманскъ. Совѣтская власть пустила на Мурманѣ, особенно въ Мурманскѣ, глубокіе корни, такъ какъ большинство населенія составляло пришлый элементъ рабочихъ вновь выстроенной желѣзной дороги (Мурманъ—стройка); недаромъ Мурманскъ, лишенный осѣдлыхъ буржуазныхъ элементовъ, считался центральной совѣтской властью «удобнымъ полемъ для социалистическихъ опытовъ», какъ-то и значилось въ одномъ изъ попавшихъ мнѣ потомъ въ руки большевистскихъ документовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего приѣзда мы могли сами воочию убѣдиться въ большевистскихъ симпатіяхъ населенія. Согласно приказа Командующаго войсками Сѣверной Области, ген. М—скаго, былъ разрѣшенъ свободный выѣздъ въ

совсѣмъ всеѣмъ желавшимъ туда ѣхать и, вотъ, на нашихъ глазахъ отошелъ поѣздъ, перегруженный красными, которыхъ дружески, съ явнымъ сочувствіемъ провожало почти все остальное населеніе Мурманска. На меня это произвело тогда крайне непріятное впечатлѣніе, а изъ бесѣды съ высшими чинами англійскаго штаба я убѣдился, что ихъ это сочувствіе населенія большевикамъ привело положительно въ ярость и, можетъ быть, послужило впоследствии однимъ изъ мотивовъ ихъ нежеланія оставаться тамъ для нашей поддержки. Я помню, тогда мы подѣлились съ полковникомъ Б. опасеніями, что станетъ съ русской властью, въ случаѣ ухода союзниковъ, и наши опасенія оказались не безосновательными, ибо Мурманскъ сыгралъ печальную роль при ликвидаціи Сѣверной Области, такъ какъ съ него началось возстаніе на Мурманѣ, повлекшее за собою паденіе Мурманскаго фронта.

Въ описываемый моментъ русскія вооруженныя силы Мурманскаго фронта состояли изъ . . . двухъ полковъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ добровольческій подъ англійскимъ командованіемъ; борьбу вели партизанскаго характера. Изъ союзныхъ войскъ большую часть составляли англичане, которымъ и принадлежало высшее командованіе въ лицѣ генерала Мейнарда.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, полковникъ Б. и я были приняты имъ въ присутствіи чиновъ его штаба. Генераль прежде всего поздравилъ насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ большевиковъ, а затѣмъ приступилъ къ самому подробному разспросу о положеніи въ Совѣтской Россіи. Узнавъ, что полк. Б. былъ Инспекторомъ пѣхоты Сѣвернаго фронта у большевиковъ, онъ прежде всего съ любезной улыбкой попросилъ его рассказать о состояніи «ввѣренной ему пѣхоты». Выслушавъ обстоятельный докладъ полк. Б. о состояніи красной арміи, генераль долго интервьюировалъ меня о политическомъ и финансово-экономическомъ положеніи въ Совѣтской Россіи, а также о царящемъ тамъ террорѣ. Видно было желаніе узнать правду о Россіи и чувствовалось искреннее и сердечное расположеніе къ намъ, а отъ полк. Костанди намъ было извѣстно, что генераль не ограничивается словами, а проявляетъ свое расположеніе и на дѣлѣ, побуждая свое правительство къ активной поддержкѣ. На другой день послѣ пріема насъ генераломъ Мейнардомъ, къ намъ зашелъ глава французской военной миссіи, полковникъ Бигу, обмѣнъ мнѣніями съ которымъ носилъ самый оживленный характеръ. На наши сѣтованія о слабой поддержкѣ насъ союзниками полковникъ Бигу объяснилъ, что такое невмѣшательство вызывается необходимостью истеченія извѣстнаго срока для изжитія большевизма самимъ русскимъ народомъ, ибо иначе для насильственнаго водворенія порядка потребовались бы громадныя вооруженныя силы и все таки врядъ ли бы этотъ порядокъ былъ бы обезпеченъ подобнымъ методомъ дѣйствій. Свою мысль о томъ, что время работаетъ противъ большевиковъ и преждевременное вмѣшательство въ этотъ цѣлительный процессъ только вредитъ дѣлу, полк. Бигу иллюстрировалъ выступленіемъ чехо-словаковъ на Волгѣ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, и гдѣ народныя массы неохотно поддерживали бѣлыхъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней я и полк. Б. представились Начальнику Мурманскаго края Е., который произвелъ на насъ впечатлѣніе чловѣка практической складки, прекрасно учитывающаго моментъ и чуждаго бюрократической рутинѣ. Между прочимъ, онъ вполне опредѣленно высказался, что будущимъ хозяиномъ земли русской будетъ крестьянинъ,

которому должна быть уступлена захваченная имъ въ революціонномъ порядкѣ земля, а поэтому онъ, лично, окончательно и безповоротно разстался со своимъ имѣніемъ, находящимся въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Свою дѣятельность на Мурманѣ и въ Олонецкой губерніи онъ развивалъ на базисѣ дружной и дѣловой работы съ волостными земствами, выѣзжая обыкновенно на мѣста сразу же послѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ.

Задержка съ ледоколами вызвала наше десятидневное пребываніе въ Мурманскѣ, въ теченіе котораго полковникъ Костанди подробно ознакомилъ насъ съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ. Отзывъ его, равно какъ и Е., о генералѣ Миллерѣ вполне соответствовалъ оцѣнкѣ личности послѣдняго полк. Б.

Большіе усилія стоило намъ устроиться на одинъ изъ ледоколовъ, отходящихъ въ Архангельскъ 7 мая. Отправка судовъ, распределеніе на нихъ мѣстъ и груза, — все это находилось въ рукахъ англичанъ и намъ пришлось неоднократно ходить въ штабъ генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контръ-развѣдка) и къ старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разрѣшенія проѣхать изъ одного русскаго города въ другой. Наконецъ, наряду съ англійской визой, поставленной мнѣ въ Стокгольмѣ на въѣздъ въ Архангельскъ, появилась «виза» союзаго военного контроля, разрѣшающая слѣдовать туда же на ледоколѣ «Бонавенчуръ».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеровъ сѣли на «Бонавенчуръ», оказавшійся русскимъ ледоколомъ «Русановымъ», зачисленнымъ вмѣстѣ со всей своей командой на службу по англійскому адмиралтейству. Всѣ лучшія мѣста на пароходѣ были отведены англійскимъ офицерамъ, а намъ были предоставлены мѣста въ трюмѣ, гдѣ царило зловоніе отъ погруженныхъ туда продуктовъ, и въ которомъ намъ предстояло путешествовать въ обществѣ нѣсколькихъ сумасшедшихъ и моихъ будущихъ кліентовъ — арестантовъ, которыхъ везли на судъ въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что нашему возмущенію не было предѣла; оно раздѣлялось даже «красной» русской командой ледокола, задѣтой вмѣстѣ съ нами въ патріотическихкихъ чувствахъ. Возмутительное отношеніе къ намъ иностранцевъ, распоряжавшихся на нашемъ же суднѣ, слило насъ въ единую русскую семью, причемъ матросы выражали намъ свое сочувствіе и старались быть съ нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитанъ «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошелъ въ наше положеніе и общалъ намъ, какъ только ледоколъ тронется, открыть лазаретъ, гдѣ и устроить всѣхъ насъ, но попросилъ насъ выждать отхода ледокола, чтобы и лазаретъ отъ насъ не отняли англійскіе офицеры...

Уже во время самаго хода ледокола мы убѣдились въ возможности такого «джемтельменскаго» поступка со стороны послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что каютъ-кампанія ледокола была ими занята подъ свою столовую, гдѣ имъ сервировали то первый завтракъ, то второй завтракъ, затѣмъ чай, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Въ одинъ изъ промежутковъ между ихъ ѣдой, ѣхавшій на ледоколѣ коммерческій капитанъ рѣшилъ тоже отобѣдать въ каютъ-кампаніи вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и директоромъ отдѣленія Московскаго банка въ Архангельскѣ. Только что они расположились, какъ появился одинъ изъ англійскихъ офицеровъ и потребовалъ, чтобы они удалились вонъ, такъ какъ каютъ-кампанія ваходится въ полномъ и исключительномъ распоряженіи англичанъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету

капитана и старикъ Стессель быстро осадилъ зарвавшася иностранца, объяснивъ ему, что въ морѣ онъ единственный распорядитель на судиѣ и что въ случаѣ повторенія подобной выходки онъ закроетъ каютъ-кампанію для всѣхъ англійскихъ офицеровъ. Выступленіе капитана имѣло самыя благоприятныя послѣдствія: виновникъ происшествія ретировался, принеся предварительно извиненія передъ коммерческимъ капитаномъ, но послѣ этого инцидента мы рѣшили, что общество ѣхавшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ не «наше общество» и столовались отдѣльно отъ нихъ въ канцеляріи, любезно отведенной намъ старшимъ помощникомъ капитана.

Но вернусь опять назадъ. Около 7 часовъ вечера мы покинули Мурманскъ и вслѣдъ за ледоколомъ «Ольга» (бывшій Илья Муромецъ), шедшимъ подъ французскимъ флагомъ и съ французской командой, вышли въ открытое море. Вѣтеръ былъ «свѣжій», какъ говорятъ моряки, и мы, спасаясь отъ морской болѣзни, поспѣшили устроиться на койкахъ отведеннаго намъ лазарета. До вечера слѣдующаго дня, когда мы вошли во льды, насъ все время качало и, выходя на палубу нашего громаднаго, скованнаго изъ желѣза и стали ледокола, я любовался, не безъ жуткаго чувства, тѣмъ, какъ могучія, зеленыя волны Ледовитаго Океана, величиной съ многоэтажный домъ, бросали его, какъ перышко. Около 6 часовъ вечера мы вступили во льды; качка сразу же прекратилась и началось красивое и невиданное зрѣлище, для котораго одного можно было бы продѣлать наше путешествіе: началась борьба со льдами — торжество гениальной технической мысли человека надъ могучей природой. Сначала ровныя ледяныя поля, хотя и изъ толстаго льда, но не представляющія серьезной преграды для ледокола. Бѣгу на носъ и вижу какъ, налѣзая на ледъ своимъ приподнятымъ брюхомъ, ледоколъ рѣжетъ или вѣрнѣе колетъ его такъ, какъ прежде всѣмъ извѣстная въ домашнемъ обиходѣ ручная машинка для колки сахара раскалывала сахарную голову. Но вотъ, на встрѣчу приближаются поля торросовъ — сжатыхъ въ горлѣ бѣлаго моря теченіями и вѣтрами льдовъ, спаявшихся въ одну массу невѣроятной толщины подъ водой и съ цѣлыми ледяными горами на верху, обильно усыпанными снѣгомъ. Дается задній ходъ, а затѣмъ ледоколъ съ разбѣга бросается впередъ и на полномъ ходу врѣзается въ ледяной массивъ. Съ невѣроятнымъ шумомъ рушатся ледяныя глыбы, корпусъ ледокола трещитъ отъ сжимающихъ его льдовъ и весь дрожитъ отъ могучаго дѣйствія его мощныхъ машинъ. Все тщетно, — нѣтъ никакого движенія впередъ, несмотря на то, что особые винты, размѣщенные подъ корпусомъ ледокола, стараются своимъ вращеніемъ подтянуть и подмять разбитыя льдины подъ себя. Со всѣхъ сторонъ идутъ льдины на приступъ, атакуютъ ледоколъ и лѣзутъ на него, какъ живые люди, переваливаясь иногда черезъ бортъ на палубу. Становится жутко, кажется, что тебя завалитъ, раздавитъ въ ледяной безднѣ. Но вотъ, раздается электрическій звонокъ — «задній ходъ» и, напрягая всѣ свои мышцы, какъ живой человекъ, ледоколъ могучимъ порывомъ вырывается изъ ледяныхъ объятій и отлетаетъ назадъ, чтобы снова съ разбѣга нанести новый мощный ударъ торросу. Бѣда не вырваться изъ этихъ желѣзныхъ объятій: понадешь въ ледяную пробку и тогда вмѣстѣ со льдами можетъ угнать далеко, какъ былъ угнанъ въ Карское море «Соловей Будимировичъ», откуда его лишь черезъ шесть мѣсяцевъ вывелъ ледоколъ «Святогоръ». А по дорогѣ льды могутъ нанести подхваченное судно на мель или камень и тогда конецъ:

оно будетъ немедленно раздавлено движущимися льдами. Болѣе сильная «Ольга» нѣсколько разъ помогала намъ выбираться; возвращалась назадъ и, обходя насъ кругомъ почти около самаго борта, бросалась впередъ, чтобы расчистить намъ дорогу. Эта титаническая работа продолжалась всю ночь и сонъ нашъ подъ этотъ трескъ, шумъ, лязгъ и содроганіе всего корпуса ледокола былъ очень тревоженъ. Весь слѣдующій день и ночь продолжалась эта борьба и лишь 10 мая утромъ намъ удалось окончательно вырваться на свѣжую воду. Оказывается по словамъ слѣдовавшихъ съ нами ледокольных капитановъ, ледъ былъ легкій... Мы потратили на то, чтобы пробраться всего два дня, а при тяжелыхъ льдахъ на это требуется отъ одной до двухъ недѣль. Благодаримъ капитановъ за компетентное разъясненіе: съ насъ вполне довольно и легкаго перехода.

Вода постепенно начинаетъ мѣнять свой цвѣтъ съ зелено-синяго на сѣровато коричневый: начинаемъ приближаться къ истокамъ Сѣверной Двины. Минуемъ громадный унылаго вида островъ съ нѣсколькими постройками казарменнаго типа на берегу. Это мрачный Мудюгъ съ каторжной тюрьмой для уголовныхъ преступниковъ и большевиковъ. Часа черезъ полтора входимъ въ Маймаксу, одинъ изъ рукавовъ дельты Сѣверной Двины.

По обѣимъ берегамъ громадные лѣсопильные заводы, а среди нихъ русскія двухъярусныя избы съ мезонинами и балкончиками. На берегу въ своихъ обычныхъ костюмахъ крестьяне, бабы и дѣти привѣтливо машутъ намъ платками. Эта родная картина вызываетъ у насъ съ полк. Б. глубокое волненіе, глаза у насъ застилаются какъ бы сѣткой тумана, но мы не стѣсняемся своихъ чувствъ и обмѣниваемся другъ съ другомъ короткими радостными фразами...

Но вотъ, каменные зданія и большая церковь. Это Архангельскъ? Нѣтъ, это его предмѣстье Соломбала съ красивымъ стариннымъ зданіемъ флотскаго полуэкипажа. Соломбала? Что за странное названіе? Директоръ Московскаго банка объясняетъ его историческое происхожденіе, связанное съ нашимъ Великимъ Преобразователемъ. Петръ Великій пріѣзжалъ въ Архангельскъ и далъ балъ въ нынѣшней Соломбалѣ; гости послѣ неумѣреннаго возліянія были слишкомъ невоздержанны и вызвали гнѣвъ царя, который велѣлъ ихъ выдрать. Балъ оказался солонъ, отсюда — Соломбала.

Двигаемся дальше. Рѣка расширяется и на берегу, окаймленномъ красивой набережной, вдоль которой тянется бульваръ, передъ нашими глазами вырисовывается весь Архангельскъ — живописный городъ со старинными зданіями на берегу. Любуемся на свой родной русскій городъ. Къ сожалѣнію на палубѣ холодно и, несмотря на 10 мая, я кутаюсь въ свой зимній тулупъ на мѣху. Ледоколъ медленно пристаётъ къ пристани. Послѣ проверки документовъ насъ выпускаютъ на берегъ, куда мы радостные сбѣгаемъ по сходнямъ. Мы у себя дома, на родинѣ, въ Россіи.

Прибытіе союзниковъ и переворотъ 2 Августа 1918 года.
Верховное Управленіе Сѣверной Области. Coup d'état
6 Сентября. Образованіе Временнаго Правительства Сѣ-
верной Области. Прибытіе ген. Миллера

Прежде чѣмъ перейти къ описанію того, что мнѣ пришлось самому пережить въ Сѣверной Области, я считаю необходимымъ, хотя бы вкратцѣ, остановиться на томъ, что имѣло мѣсто до моего пріѣзда, такъ какъ иначе не получится полной картины той борьбы, которая разыгралась съ большевиками на Сѣверѣ. Мнѣ поневолѣ приходится пропустить подробности этого интереснаго періода первыхъ мѣсяцевъ существованія Области, когда организація власти, какъ военной, такъ и гражданской, еще не выкристаллизовалась и восила сумбурный характеръ.

Нѣкоторыя событія того времени носили характеръ буффонады, гдѣ смѣшались въ одну кучу и «высокая» политика пословъ великихъ державъ и полное непониманія русской жизни поведеніе высшаго англійскаго командованія, и неизлѣчимое политиканство и конкуренція съ большевиками въ области социальныхъ опытовъ перваго правительства черновско-эсеровской ориентаціи и, наконецъ, непримиримое отношеніе нѣкоторыхъ, правда непомногочисленныхъ, офицерскихъ круговъ къ новому строю, съ тенденціей возвратить русскую жизнь вооруженной рукой въ русло ея безвозвратнаго прошлаго. Я могу только ручаться за то, что я постараюсь, излагая схему этихъ событій, по возможности точно передать все то, что мнѣ было рассказано ихъ участниками или свидѣтелями, принадлежащими къ самымъ разнообразнымъ кругамъ общества, какъ по своему положенію, такъ и по своимъ политическимъ воззрѣніямъ.

Еще задолго до прибытія союзниковъ стали стекаться въ Архангельскъ представители бѣлыхъ организацій, проникавшіе туда или при содѣйствіи англійской контръ-развѣдки въ Петроградѣ, или въ порядкѣ частной инициативы путемъ вступленія на службу въ совѣтскія войска и учрежденія. Часть ихъ группировалась около капитана II ранга Ч., дѣйствовавшего подъ видомъ англійскаго офицера Томсона, а главное ядро находилось въ Бѣломорскомъ конномъ отрядѣ, сформированномъ изъ конно-горцевъ ротмистромъ Н., который еще въ Петроградѣ на вербовалъ въ него много офицеровъ для организаціи выступленія въ Архангельскѣ. Ротмистръ Н. находился въ сношеніяхъ съ французами въ лицѣ полк. Д., съ которымъ они часто встрѣчались для переговоровъ на набережной Сѣверной Двины. Мѣстные совѣтскія власти въ лицѣ комиссаровъ вели въ то время осторожную политику въ отношеніи иностранныхъ представителей, находившихся въ Архангельскѣ, боясь открытаго разрыва и прибытія морскихъ вооруженныхъ силъ, которымъ они не могли ничего противопоставить, а командовавшие сухопутными силами полк. Потаповъ и краснымъ флотомъ адмиралъ В., какъ то было установлено въ послѣдствіи произведеннымъ о ихъ дѣятельности предварительнымъ слѣдствіемъ, находились въ сношеніяхъ съ союзниками и къ моменту прибытія послѣднихъ приложили всѣ усилія къ тому, чтобы парализовать всѣ тѣ мѣры, которыя были приняты Совѣтомъ обороны во главѣ съ комиссаромъ Кедровымъ для отраженія союзаго десанта. Потаповъ, къ моменту

прихода союзниковъ, такъ сгруппировалъ красныя войска, что большая часть ихъ очутилась вѣ Архангельска за Сѣверной Двиной, чѣмъ и обезпечилъ свободу дѣйствій конно-горскому отряду ротмистра Н., а адмиралъ В. примѣнилъ саботажд, проявивъ полное бездѣйствіе власти въ принятіи мѣръ къ загражденію фарватера для воспрепятствованія прохода союзнаго флота къ Архангельску.

Когда слухи о приближеніи союзниковъ распространились съ молніеносной быстротой по городу, вызвавъ ликованіе всего населенія, комиссаровъ охватила паника и они начали стремительную эвакуацію на югъ по желѣзной дорогѣ и вверхъ по Сѣверной Двинѣ. Отправленные для затопленія фарватера ледоколы «Святогоръ» и «Микула Селяниновичъ» были затоплены вѣ его, оставивъ союзникамъ свободный проходъ, а огонь Мудожскихъ батарей оказался недѣйствительнымъ и стрѣлявшая тамъ батарея была приведена къ молчанію союзнымъ флотомъ.

Самый переворотъ и захватъ власти былъ произведенъ до высадки союзниковъ конно-горскимъ отрядомъ ротмистра Н., который быстро разоружилъ и арестовалъ растерявшихся и брошенныхъ своимъ начальствомъ и комиссарами красноармейцевъ, а огнемъ своего единственнаго орудія понудилъ къ сдачѣ посыльное судно «Гориславу», пытавшуюся обстрѣливать берега Сѣверной Двины. Большинство комиссаровъ къ сожалѣнію бѣжало и въ руки бѣлыхъ попало лишь нѣсколько видныхъ коммунистовъ. Высадившіяся войска были ничтожны, но большевики были въ такой паникѣ, что очищеніе Архангельской губерніи произошло подъ давленіемъ небольшихъ отрядовъ смѣшаннаго характера, въ которые на ряду съ союзными войсками входили русскіе партизане-крестьяне, офицеры и польскіе добровольцы.

Слава, выпавшая на конно-горскій отрядъ за его смѣлое выступленіе, которое могло стоить участникамъ его головы, если бы большевики не такъ растерялись, была омрачена эпизодомъ, отразившимся впоследствии въ приговорѣ военно-окружнаго суда Сѣверной Области. Во время занятія въ Архангельскѣ штаба красныхъ войскъ, чинами отряда былъ захваченъ казенный денежный ящикъ съ четырьмя милліонами рублей, который ротмистръ Н., по соглашенію съ нѣкоторыми офицерами отряда, подѣлилъ между собой и горцами, причемъ каждому участнику дѣлежа было выдано офицеру — 150—400 тысячъ рублей, а простому всаднику 10—20 тысячъ. Этотъ поступокъ вызвалъ рѣзкое осужденіе въ широкихъ кругахъ общества, справедливо указывавшихъ, что авторы его ничѣмъ не отличаются отъ большевиковъ, противъ грабежей и насилій которыхъ и было поднято возстаніе, а офицерская среда считала, что дѣлежъ поставилъ участниковъ его на одинъ уровень съ той деморализованной солдатской массой, которая во время паденія національнаго фронта дѣлила между собой казенное имущество. Нельзя не признать, что подобный поступокъ сильно подрывалъ моральный авторитетъ бѣлыхъ, давая большевикамъ отличный поводъ для агитаціи на тему о деморализаціи «бѣлогвардейскихъ бандъ». Приговоромъ военно-окружнаго суда былъ положенъ конецъ этой печальной исторіи: виновные были присуждены къ тюрьмѣ на разные сроки съ законными праволишеніями, часть изъ нихъ своими подвигами на фронтѣ заслужили полное прощеніе и возстановили свое доброе имя. Сразу же послѣ захвата власти ротмистръ Н. провозгласилъ себя главнокомандующимъ, по «операціи» съ денежнымъ ящикомъ и рѣзкое заявленіе его Предсѣдателю только что образовавшагося Верховнаго

Управленія Сѣверной Области, Чайковскому, что онъ не желаетъ признавать послѣдняго, вызвали его отставку и назначеніе командующимъ войсками, несомнѣнно не безъ англійскаго вліянія, капитана II ранга Ч.

Мнѣ неизвѣстно, при какихъ условіяхъ произошло образованіе Верховнаго Управленія Сѣверной области и захватъ имъ въ свои руки власти, вырванной отъ большевиковъ. Судя по той поддержкѣ, которая потомъ оказывалась Верховному Управленію очутившимся въ Архангельскѣ послами великихъ державъ — Нюлансомъ (Франція), Френсисомъ (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италія), тутъ тоже не обошлось безъ вмѣшательства иностранцевъ.

Въ составъ Верховнаго Управленія вошли члены Учредительнаго собранія Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерній: Н. В. Чайковскій (н. соц.), Лихачъ (с.-р.), Масловъ (с.-р.), Ивановъ (с.-р.) и Гуковскій (с.-р.), всѣ, за исключеніемъ Чайковскаго, принадлежавшіе къ нашимъ крайнимъ эсеровскимъ теченіямъ, а нѣкоторые, какъ на примѣръ Лихачъ, приложившіе свою руку къ дѣлу развала нашей прежней арміи.

Первыми же актами Верховнаго Управленія, немного страдавшими революціонной фразеологіей и начинавшимися каждый словами: «Во имя спасенія родины и революціи», было объявлено возстановленіе упраздненныхъ большевиками судовъ, органовъ земскаго и городского самоуправленія и администратціи, что, конечно, нельзя было не привѣтствовать, но вся дальнѣйшая дѣятельность Верховнаго Управленія показала, что члены его далеки отъ повиманія жестокой реальной дѣйствительности, не изжили еще своихъ утопическихъ теорій и склонны продолжать ту линію поведенія, которая была взята въ Учредительномъ Собраніи конкурирующимъ съ большевиками въ демагогіи Черновымъ, заслужившимъ за это мѣткое названіе «большевика второго сорта». Дѣло управленія областью совершенно не спорилось въ ихъ неопытныхъ рукахъ. «Своего» административнаго персонала они не имѣли, а къ назначеннымъ изъ прежнихъ кадровъ относились съ недовѣріемъ, заподозривая ихъ въ контръ-революціонности.

Для вновь образовавшейся области возникла опасность — безболѣзненнаго сліянія съ совдепией, если бы не послѣдовало военнаго переворота, хотя и легкомысленнаго и достаточно нелѣпаго по цѣлямъ и характеру своего выступленія, но имѣвшаго положительныя результаты въ смыслѣ повода для реконструкціи власти на болѣе разумныхъ началахъ.

6 сентября группа офицеровъ во главѣ съ Командующимъ Войсками капитаномъ II ранга Ч. арестовала членовъ Верховнаго Управленія и свезла ихъ въ Соловецкій монастырь, причемъ Сѣверная Область осталась безъ всякаго правительства, такъ какъ легкомысленные «переворотчики», какъ ихъ шутя называли впоследствіи, даже не подготовили замѣстителей на мѣсто арестованныхъ. Событіе это привело въ дѣйствіе цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ силъ. Члены Верховнаго Управленія Лихачъ и А. Ивановъ успѣли вынудить обращеніе къ населенію съ описаніемъ учиненнаго надъ Верховнымъ Управленіемъ насилія и съ воззваніемъ противъ офицеровъ, которые «желаютъ возстановить царя и съ этой цѣлью скрываютъ въ Архангельскѣ Великаго Князя Михаила Александровича». Воззваніе это вызвало движеніе на Архангельскѣ вооруженныхъ крестьянъ во главѣ съ мѣстнымъ агрономомъ эсеромъ Канустинымъ, причемъ крестьянская депутація во главѣ съ нимъ была принята и выслушана американскимъ посланникомъ Френсисомъ. Съ другой стороны англійское командованіе немедленно выставило

рогатки на улицахъ, выслало патрули и городъ принялъ видъ вооруженнаго лагеря. Начальникъ союзной контръ-развѣдки, англійскій полковникъ Т., арестовалъ цѣлый рядъ лицъ, распускавшихъ слухи о Михаилѣ Александровичѣ, и, вызвавъ крестьянъ, прибывшихъ съ Капустинымъ, требовалъ въ цѣляхъ изобличенія лжи, чтобы арестованныя лица указали крестьянамъ адресъ квартиры, въ которой офицеры скрываютъ Великаго Князя.

Въ это же время происходило совѣщаніе пословъ великихъ державъ съ англійскимъ главнокомандующимъ ген. Пулемъ, посившее чрезвычайно бурный характеръ, такъ какъ послы настаивали на возвращеніи къ власти членовъ Верховнаго Управленія и арестованіи офицеровъ, учинившихъ надъ ними насиліе. Въ концѣ концовъ, было принято компромиссное рѣшеніе: арестовать совершившихъ переворотъ офицеровъ, якобы для защиты ихъ отъ пришедшихъ въ городъ крестьянъ, а членовъ Верховнаго Управленія возвратитъ изъ Соловокъ, предложивъ Чайковскому сформировать новое правительство изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ. Въ результатъ такого рѣшенія было сформировано новое правительство съ Чайковскимъ въ качествѣ председателя, въ которое вошли: бывшій управляющій дѣлами Верховнаго Управленія П. Ю. Зубовъ, членъ Союза Возрожд. Россіи (земледѣліе), бывшій попечитель учебнаго округа кв. Куракинъ (финансы), бывшій членъ государственной думы докторъ Мефодіевъ, к.-д. (торговля и промышленность), Предсѣдатель суда С. Н. Городецкій (юстиція) и М. М. Федоровъ, нар. соц. (нар. просвѣщеніе).

Для выясненія виновниковъ переворота и степенн ихъ участія была организована слѣдственная коммиссія; формальному обслѣдованію было также подвергнуто и вооруженное выступленіе крестьянъ, но распоряженіемъ Правительства отъ 1 октября всѣ участники того и другого выступленія были амнистированы.

Взамѣнъ скомпрометировавшаго себя выступленіемъ кап. II ранга Ч., командующимъ войсками и генераль-губернаторомъ былъ назначенъ вызванный изъ Лондона полк. Ген.-Штаба Д., а начальникомъ Управленія командующаго войсками — Ген.-Штаба ген. С. Штабъ командующаго войсками капитана II ранга Ч., въ которомъ, благодаря его неопытности въ сухопутныхъ дѣлахъ, царилъ полный беспорядокъ, былъ упраздненъ, причемъ и на этотъ разъ не обошлось безъ новой печальной исторіи: Начальникъ его штаба подп. Н. былъ изобличенъ въ присвоеніи и растратѣ на сумму около 50,000 р. и приговоромъ военно-окружнаго суда Сѣв. Области, уже состоявшимся при мнѣ, былъ присужденъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на полтора года. Отправленный въ порядкѣ смягченія наказанія на фронтъ рядовымъ, Н. заслужилъ тамъ своей работой полное прощеніе и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ.

Съ дѣятельностью полк. Д. и его ближайшаго сотрудника по военной части ген. С. я имѣлъ возможность ознакомиться не только по рассказамъ другихъ лицъ; но и по побывавшему въ моихъ рукахъ слѣдственному производству по поводу беспорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Архангелогородскомъ пѣх. полку, расположенномъ въ Архангельскѣ, произведенному коммиссіей подъ предсѣдательствомъ ген. С—ча. Изъ этого слѣдствія было видно, что, хотя войскъ къ этому времени было очень мало, такъ какъ фронтъ защищался союзниками, а въ Архангельскѣ были расположены лишь пѣхотный полкъ, батарея артиллеріи и автомобильный дивизионъ, высшая военная

власть, въ лицѣ полк. Д. и ген. С., не обнаруживала никакой заботливости, какъ о размѣщеніи и питаніи этихъ частей, такъ и о поддержаніи въ нихъ воинской дисциплины. До разыгравшихся въ полку безпорядковъ они ни разу даже не побывали въ немъ, а между тѣмъ, это была первая попытка созданія мобилизованныхъ частей, то-есть пополненія ихъ людьми, которые были участниками или свидѣтелями развала нашей старой арміи, съ неуравновѣшенной еще революціонной психологіей, и которымъ нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорнымъ трудомъ, внушить правильныя понятія о военной службѣ и ея требованіяхъ. Ничего этого сдѣлано не было, части были предоставлены самимъ себѣ, а всѣ распоряженія, приказы и уставы полк. Д. носили на себѣ отпечатокъ того, что получило въ арміи мѣткое названіе «керенщины» и что характеризуетъ собою отсутствіе твердости, демагогическую болтовню и безсиліе лишеннаго дисциплинарной власти команднаго состава. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никакая армія въ такихъ условіяхъ существовать не можетъ, какой бы политической режимъ въ странѣ не былъ, республиканскій или монархическій, и даже Совѣтская республика, какъ только большевики захотѣли создать у себя прочную красную армію, ввела въ ней воинскую дисциплину, заставивъ солдатскія массы навсегда бросить мечты о всякомъ самоуправленіи и тѣхъ комитетахъ, при посредствѣ которыхъ большевики самп разложили нашу старую армію. Увы, въ глазахъ лицъ категоріи полк. Д. и ген. С. всякое мѣропріятіе, направленное къ поднятію воинской дисциплины, вызывало опасеніе, какъ бы не прослыть контрѣ-революціонеромъ, и парализовало ихъ волю, толкая ихъ на компромиссное рѣшеніе въ духѣ уговариванія офицеровъ «помириться съ оскорбившими ихъ солдатами и простить ихъ» и митингованія съ послѣдними въ цѣляхъ ихъ увѣщеванія.

Такое поведение полк. Д. объясняли тѣмъ, что февральская революція застала его за границей и овъ, не переживъ всего революціоннаго процесса разложенія арміи, при возникновеніи безпорядковъ терялся и слѣдовалъ совѣтамъ «демократическаго» генерала С., бывшаго въ періодъ февральской революціи однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. Ф. Керенскаго.

Отсутствіе твердой власти и организаціонной дѣятельности выводило изъ себя англичавъ, неоднократно предупреждавшихъ, что они пришли не на вѣчныя времена, а поэтому русскимъ надо слѣшить самимъ организоваться, и многія мѣропріятія, какъ, на примѣръ, учрежденіе военныхъ судовъ, прошло подъ непосредственнымъ нажимомъ ген. Пуля, угрожавшаго въ противномъ случаѣ судить виновныхъ въ англійскомъ военномъ судѣ.

Такое направленіе дѣятельности полк. Д. и ген. С. побудило многихъ строевыхъ офицеровъ отказаться отъ службы въ русскихъ войскахъ и вступить въ сформированные союзниками славяно-британскіе и французскіе легіоны, несмотря на то, что имъ тамъ было тоже не легко, такъ какъ они должны были начинать службу въ легіонахъ простыми рядовыми.

Къ этому же времени англичапами была открыта въ Архангельскѣ артиллерійская школа для русскихъ офицеровъ, гдѣ послѣдніе были тоже на положеніи солдатъ, причемъ отношеніе къ нимъ англійскихъ офицеровъ оставяло желать много лучшаго. Англійскіе сержанты также обращались грубо и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взысканія.

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и ихъ неспособность создать русскія вооруженныя силы побудили Временное Правительство, по соглашенію съ союзнымъ командоваіемъ, вызвать на Сѣверъ генерала Миллера и генерала М—скаго. Первымъ прибылъ ген. М—скій, извѣстный союзникамъ по своей службѣ во Франціи, гдѣ онъ въ послѣднюю войну командовалъ на фронтѣ особой бригадой. Приблизительно въ это же время совершилась перемѣна и въ высшемъ союзномъ командоваіи: ген. Пуль покинулъ свой постъ и былъ замѣненъ генераломъ Айронсайдомъ.

По своемъ прибытіи ген. М—скій реорганизовалъ Управление командующаго войсками въ Штабъ, назначивъ начальникомъ штаба молодого полковника Ген. Штаба Ж., изъ мѣстныхъ старожиловъ. Первые шаги дѣятельности ген. М—скаго отличались энергіей и распорядительностью и увѣичались полнымъ успѣхомъ по подавленію мятежнаго духа въ мобилизованныхъ войскахъ. Попытка мятежа въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку была имъ энергично подавлена, что обезпечило ему довѣріе Правительства, войскъ и населенія и привлекло въ русскія войска тѣхъ лучшихъ нашихъ офицеровъ, которые до сихъ поръ уклонялись отъ этого при полковникѣ Д.

Одновременно съ ген. М—скимъ былъ вызванъ и ген. Миллеръ. Насколько мнѣ удалось выяснить, причиной вызова ген. Миллера послужило желаніе создать въ лицѣ его «буферъ» между Временнымъ Правительствомъ и высшимъ англійскимъ командоваіемъ, которое относилось съ явнымъ недовѣріемъ къ внутренней политикѣ Чайковскаго. Пока еще не скрылись съ архангельскаго горизонта послы великихъ державъ, Чайковскій, какъ представитель демократіи, находилъ въ нихъ поддержку, но послѣ ихъ отъѣзда англійское военное командоваіе, не считавшееся съ замѣнившими пословъ повѣренными въ дѣлахъ, усилило нажимъ на Правительство и позиція послѣдняго оказалась совсѣмъ слабою. Для отраженія этого натиска и противопоставленія англичанамъ авторитета образованнаго русскаго генерала и былъ вызванъ ген. Миллеръ, котораго Чайковскій лично не зналъ, но онъ показался ему подходящимъ для намѣченной роли по рекомендаціи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ кабинета Керенскаго—Терещенко, съ которымъ ген. Миллеръ видѣлся, впрочемъ, всего лишь одинъ разъ.

По прибытіи 13 Января 1919 года въ Архангельскъ, ген. Миллеръ отъ Чайковскаго узналъ, что онъ былъ вызванъ для принятія должности Командующаго войсками и Генераль-Губернатора, но оказалось, что во главѣ войскъ уже находился ген. М—скій, завоевавшій, благодаря первымъ удачнымъ шагамъ своей дѣятельности, довѣріе со стороны Правительства, что же касается должности Генераль-Губернатора, которая могла быть предоставлена генералу Миллеру, то она сводилась къ завѣдыванію морскими силами и путями сообщенія, такъ какъ всѣми дѣлами гражданско-административнаго управленія вѣдалъ губернской комиссаръ (начальникъ губерніи) В. П. Игнатьевъ (нар. социалистъ). Послѣдній подчинился исполнявшему должность Генераль-Губернатора ген. М—скому, но на второй день пріѣзда ген. Миллера, Игнатьевъ, личнымъ указомъ Предсѣдателя Вр. Правительства Чайковскаго, въ силу его верховныхъ правъ, какъ онъ разъяснилъ это потомъ въ Правительствѣ, былъ назначенъ Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ безъ подчиненія его ген. Миллеру, какъ Генераль-Губернатору. Такое оригинальное пониманіе функций Генераль-Губернатора не встрѣтило сочувствія среди другихъ членовъ Временнаго Правительства и, послѣ

длинныхъ и горячихъ дебатовъ по этому поводу въ присутствіи самого же генерала Миллера, при явномъ недовольствѣ В. И. Игнатѣева, было рѣшено, что послѣдній будетъ подчиненъ генералу Миллеру, какъ Начальникъ губерніи, по не какъ Управляющій Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Трудно понять смыслъ этого не удовлетворившаго никого компромисснаго рѣшенія, но для меня несомнѣнно, что оно было принято въ цѣляхъ охраненія демократическихъ прициповъ путемъ оставленія руководства по дѣламъ внутренней политики въ рукахъ нар. соц. Игнатѣева и съ возложеніемъ дѣлового, чисто технического руководства на обладавшаго большимъ военно-административнымъ опытомъ ген. Миллера, который, кромѣ того, своимъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ какъ бы страховалъ политику Правительства въ глазахъ англійскаго военнаго командовавія.

Н. В. Чайковскій, судя по единично изданному имъ распоряженію, хотѣлъ совершенно исключить вліяніе ген. Миллера на внутреннія дѣла. Врядъ ли будетъ справедливо, строго судить его за это, вѣдь онъ почти всю свою жизнь боролся съ властью, главную опору которой составляла военная сила, а потому несомнѣнно въ каждомъ носящемъ генеральскіе погоны подозрѣвалъ «врага свободы и демократіи». Надо цѣвить въ этомъ старомъ честномъ революціонерѣ то, что онъ сумѣлъ подавлять въ себѣ эти естественныя для него чувства подозрѣнія и недовѣрія и охотно шелъ на поддержку всякаго честнаго патріотическаго дѣла, разъ оно преслѣдовало святую цѣль спасенія родины, ничуть не опасаясь «загубить свою революціонную репутацію» и обнаруживая гораздо болѣе терпимости къ своимъ политическимъ противникамъ, чѣмъ они къ нему.

Генераль Миллеръ засталъ Правительство въ томъ же составѣ, который былъ указанъ выше, включая еще В. И. Игнатѣева и Предсѣдателя Финансово-Экопомпческаго Совѣта Л., пользовавшагося лишь правомъ совѣщательскаго голоса. 24 Января Н. В. Чайковскій уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ вошелъ въ составъ Всероссійской дипломатической делегаціи (Сазоновъ, Маклаковъ, кн. Львовъ, Чайковскій и Савинковъ), оставивъ своимъ замѣстителемъ П. Ю. Зубова, а въ Апрѣлѣ, для установленія связи съ Правительствомъ Адм. Колчака, въ Сибирь отбылъ кн. Куракинъ, передавъ отдѣлъ финансовъ П. Ю. Зубову.

Важнѣйшими актами Правительства за этотъ періодъ были принадлежащіе перу ген. Миллера: «Отвѣтъ союзникамъ на предложеніе ѣхать на Привцевы острова» (въ концѣ Января) и «Соображенія о необходимости признать адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ и подчиниться ему (въ концѣ Марта), вскорѣ послѣ чего было получено предложеніе упомянутаго выше дипломатическаго совѣщанія признать верховенство Правительства адмирала Колчака.

30 Апрѣля это рѣшеніе было единогласно принято Временнымъ Правительствомъ Сѣверной Области, о чемъ адмиралу Колчаку въ Омскъ была дана телеграмма, объявленная населенію области въ официальномъ сообщеніи; вотъ ея текстъ:

«Въ интересахъ возстановленія единой Россіи и ея Національнаго государственнаго возрожденія и въ согласіи съ предложеніемъ Русскаго политическаго совѣщанія въ Парижѣ, Временное Правительство Сѣверной Области, въ засѣданіи своемъ 30 Апрѣля 1919 года, постановило: Официально

призвать объединяющей и главенствующей властью вышѣ дѣйствующее правительство въ Омскѣ какъ Временное Всероссийское Национальное Правительство, сохраняя за собою требуемую обстоятельствами самостоятельность въ области практическихъ дѣйствій впредь до непосредственнаго соединенія.

Исходя изъ этого основного постановленія, Временное Правительство Сѣверной Области, впредь до полученія полныхъ и исчерпывающихъ директивъ отъ Всероссийскаго Правительства и согласованія уже изданныхъ Сибирскимъ Правительствомъ и Правительствомъ Сѣверной Области основныхъ законоположеній, будетъ продолжать свою дѣятельность на прежнихъ основаніяхъ.

Кн. Куракина просимъ считать по прежнему членомъ нашего Правительства для связи и согласованія нашей дѣятельности.

Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства

Зубовъ».

Одновременно съ этимъ Правительство обратилось къ населенію Области съ воззваніемъ, въ которомъ оно главнымъ мотивомъ своего рѣшенія признать верховенство Правительства адмирала Колчака выставляло, какъ причины международнаго характера, такъ и ту главную роль, которую играло Сибирское Правительство въ очищеніи Россіи отъ большевиковъ.

Сношенія съ Омскомъ были все время очень затруднительны и лишь 13 Іюня Сѣвернымъ Правительствомъ былъ полученъ нижеслѣдующій телеграфный отвѣтъ на телеграмму его съ признаніемъ верховенства Сибирскаго Правительства:

«Россійское Правительство въ Омскѣ привѣтствуетъ мудрое патріотическое рѣшеніе Сѣвера. Правительство признаетъ за вами вызываемую чрезвычайными обстоятельствами самостоятельность въ конкретныхъ практическихъ мѣропріятіяхъ.

Согласно общему принципу Всероссийскаго Правительства, постановленія и распоряженія Областныхъ Правительствъ сохраняютъ силу до согласованія или отмѣны.

Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Вологодскій.

Управляющій дѣлами Тальбергъ».

Въ экстренномъ засѣданіи того же 13 Іюня, Правительство Сѣверной Области постановило: 1) Принять телеграмму къ свѣдѣнію и опубликовать, 2) Впредь всѣ приговоры, рѣшенія и опредѣленія судебныхъ мѣстъ Сѣверной Области объявлять отъ имени Всероссийскаго Временнаго Правительства въ слѣдующей формѣ: «По указу Всероссийскаго Временнаго Правительства».

Часть II

До ухода союзниковъ

Глава I

Первыя архангельскія впечатлѣнія. Генераль М—скій и генераль Миллеръ. Организація военной власти и военной юстиціи. Замѣститель Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубовъ

Возвращаюсь къ своему прибытію въ Архангельскъ. Сразу же съ парохода полковникъ Б., ротмистръ Ч. и я отправились въ Штабъ Командующаго войсками для подачи рапортовъ о своемъ прибытіи и для выясненія вопроса, гдѣ намъ остановиться. Дежурный офицеръ, принявшій отъ насъ документы, видимо доложилъ находившемуся въ штабѣ ген. М—скому о нашемъ прибытіи, потому что мы получили приглашеніе послѣдняго зайти къ нему въ кабинетъ.

Ознакомившись съ нашимъ служебнымъ стажемъ и узнавъ, что мы недавно покинули Совѣтскую Россію, гдѣ полк. Б. занималъ видное мѣсто въ красной арміи на Сѣверномъ фронтѣ, ген. М—скій, хотя разговоръ нашъ длился не менѣе часа, не обнаружилъ никакого интереса ориентироваться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагали, и не назначилъ намъ другого дня для подробнаго доклада. Бесѣда носила совершенно частный характеръ, причемъ особенное вниманіе ген. М—скій удѣлилъ формѣ, жалуюсь на то, что нигдѣ не могъ достать шпоръ, на что штабъ-ротмистръ Ч., посившій шпоры, сконфуженно заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ бы уступилъ ему свои, но для него овѣ дороги по воспоминаніямъ, такъ какъ принадлежали убитому германцами товарищу по полку.

На слѣдующій день мы представились ген. Миллеру, который обстоятельно разспрашивалъ насъ о всемъ, произведя на насъ сразу же чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе своей вдумчивостью и серьезностью.

Устроившись временно въ общежитіи военнаго собранія, мы съ полк. Б. стали изучать по приказамъ организацію военнаго управленія и войсковыхъ частей, а я, кромѣ того, и конструкцію военно-судебной власти.

Согласно собраннымъ даннымъ выяснилось, что всѣ функціи военнаго управленія и снабженія были сосредоточены въ рукахъ высшаго англійскаго

командованія — въ Главномъ Штабѣ Союзнаго экспедиціоннаго корпуса. Штабъ ген. М—скаго не имѣлъ даже оперативнаго отдѣленія, а хозяйственно-административныя функціи его сводились къ учету и регистраціи того имущества и продовольствія, которымъ англичане сами снабжали русскія войска. Между тѣмъ, Штабъ Командующаго войсками, при наличіи на фронтѣ не болѣе одной дивизіи, широко расположился въ зданіи Торгово-Промышленнаго клуба со своими отдѣленіями: общимъ инспекторскимъ, награднымъ и суднымъ, а также всѣхъ видовъ снабженія (артиллерійскаго, инженернаго, интендантскаго и ремонтнаго). Неизвѣстно чему посвящало большую часть своего времени это грандіозное учрежденіе, такъ какъ при уходѣ англичанъ выяснилось, что оно даже не подготовилось къ принятію отъ нихъ всего аппарата управленія и снабженія.

Около 12 часовъ дня въ Штабѣ обыкновенно начинался докладъ у ген. М—скаго. Онъ появлялся какъ метеоръ, всегда куда-то спѣша, и часто въ его кабинетѣ одновременно толпилось нѣсколько докладчиковъ и посѣтителей, которыхъ онъ принималъ на ходу. Я самъ былъ свидѣтелемъ такого скороналительнаго приѣма и удивлялся тому, какъ онъ можетъ усвоить что-нибудь въ такой обстановкѣ, по видимо онъ привыкъ такъ работать, такъ какъ всѣмъ офицерамъ Сѣверной Области памятенъ его приказъ, въ которомъ онъ проситъ посѣтителей и докладчиковъ «не тратить лишнихъ словъ, такъ какъ онъ понимаетъ все съ полуслова». Такъ протекала въ это время дѣятельность Штаба ген. М—скаго, сводившаяся въ сущности къ назначеніямъ и наградамъ личнаго состава одной дивизіи. Въ оправданіе ея ссылались на засилье англичанъ, якобы умышленно забравшихъ все въ свои руки. Какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе передъ своимъ уходомъ категорически отвергали это и, наоборотъ, упрекали насъ въ полной бездѣятельности и неумѣннн организовать до ихъ ухода подъ ихъ прикрытіемъ и при ихъ помощи.

Такую бездѣятельность ничѣмъ нельзя было оправдать и ее какъ рукой сняло, когда военное командованіе перешло къ ген. Миллеру, а Штабъ попалъ въ руки человѣка исключительной работоспособности, ген. К—скаго, что должны признать даже его враги.

Въ моментъ моего прибытія ген. Миллеръ имѣлъ косвенное отношеніе къ военнымъ дѣламъ, больше освѣдомляясь о нихъ отъ ген. М—скаго, чѣмъ непосредственно управляя ими, несмотря на то, что Временное Правительство Сѣверной Области надѣлило его въ отношеніи русскихъ войскъ правами Военнаго Министра и даже, въ нѣкоторыхъ хозяйственно-административныхъ вопросахъ, — Верховнаго Главнокомандующаго. Что было причиною его пассивнаго отношенія къ военнымъ дѣламъ въ этотъ періодъ, установить точно не удалось. Вѣрнѣе всего, что это объясняется однимъ изъ основныхъ свойствъ его характера — врожденной деликатностью, которая диктовала ему щепетильное отношеніе къ правамъ ген. М—скаго, раньше его приѣхавшаго и фактически командовавшаго войсками.

Ознакомленіе съ законоположеніями по военно-судебному вѣдомству привело меня къ отрадному заключенію, что въ основу ихъ были положены основные принципы законовъ, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ послѣ революціи, такъ какъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія наряду съ военнымъ начальствомъ принадлежало военной прокуратурѣ, которая располагала вмѣстѣ съ тѣмъ исключительнымъ правомъ преданія суду.

Однако, ознакомленіе съ приказами Командующаго войсками и бесѣды съ чинами военно-судебнаго вѣдомства установили, что принципы организациі военной юстиціи проведены только на бумагѣ, а въ дѣйствительности вся власть по прежнему принадлежала военному начальству, такъ какъ всѣ назначенія производились распоряженіями ген. М—скаго и даже должность, стоявшаго во главѣ военно-судебнаго вѣдомства, Главнаго Военнаго Прокурора была учреждена приказомъ Командующаго войсками. Ген. М—скій систематически вмѣшивался въ отправленіе правосудія, вызывая къ себѣ предсѣдателя суда и дѣлая ему въ рѣзкой формѣ замѣчанія за неправильные съ его точки зрѣнія приговоры. Въ виду всего этого, я рѣшилъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на коренномъ измѣненіи организациі военно-судебнаго вѣдомства и, когда возникъ вопросъ о фактическомъ привлеченіи меня къ работѣ по моей специальности, составилъ докладъ, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: Должность Главнаго Военнаго Прокурора упразднилась, какъ несоотвѣтствующая по своему характеру и дѣламъ объективной обстановкѣ Сѣверной Области, тѣмъ болѣе, что наличіе Всероссийскаго Правительства въ Омскѣ заставляло предполагать, что тамъ уже учреждена такая должность въ порядкѣ образованія центральныхъ органовъ Военнаго Министерства, что, какъ оказалось, и имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Принимая во вниманіе, что войска Сѣверной Области образовывали отдѣльный фронтъ, учреждалась должность Полевого Военнаго Прокурора, съ подчиненіемъ непосредственно ген. Миллеру, какъ Военному Министру. Ген. Миллеръ утвердилъ мой докладъ и, такимъ образомъ, произошло полное отдѣленіе военно-судебной власти отъ административной, такъ какъ права ген. Миллера, какъ Военнаго Министра были строго урегулированы закономъ, а всѣ назначенія были изъяты изъ Штаба Командующаго войсками и перешли въ вѣдѣніе Управленія Полевого Военнаго Прокурора.

26 Мая состоялось мое назначеніе Полевымъ Военнымъ Прокуроромъ, въ связи съ чѣмъ мнѣ пришлось сдѣлать визиты различнымъ административнымъ лицамъ и, въ числѣ ихъ, Замѣстителю Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубову, Управляющему Отдѣломъ Юстиціи С. Н. Городецкому и Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ и Архангельскому Губернскому Комиссару В. И. Игнатьеву, то-есть тѣмъ членамъ Временнаго Правительства, съ которыми мнѣ надо было имѣть постоянно дѣла по своей будущей дѣятельности.

П. Ю. Зубовъ сразу же произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Спокойный, вдумчивый, серьезный, лишенный и тѣни желанія «позировать и играть роль», онъ съ перваго взгляда казался вѣрнымъ вѣломъ, апатичнымъ и лишенымъ волевыхъ импульсовъ. Однако, такой выводъ былъ бы ошибочнымъ, такъ какъ онъ умѣлъ быть очень стойкимъ въ моментъ политическихъ кризисовъ и натиска на него лѣво-эсеровскихъ элементовъ и спокойнымъ, сохраняющимъ полное самообладаніе во время паники, которая возникала, увы, не только въ обывательскихъ кругахъ, во время эвакуациі англичанъ и незадолго до паденія нашего фронта, когда самое существованіе области висѣло на волоскѣ. Апатичность, вялость, въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ честолюбія, часто вредили ему, такъ какъ онъ способенъ былъ иногда во время политическихъ кризисовъ слишкомъ откровенно подчеркивать, что Правительство не дорожитъ властью и охотно уступитъ ее

своимъ политическимъ противникамъ. Это расцѣнивалось какъ слабость, вызвало злорадство и усиленіе натиска у противниковъ слѣва и рѣзкія обвиненія въ неспособности проявить твердую власть справа. Къ минусамъ его надо отнести и нѣкоторую техническую неосвѣдомленность въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, руководителемъ которыхъ его другой разъ случайно ставила судьба: къ нему попеременно переходили въ руки портфели министра земледѣлія, финансовъ и юстиціи, причемъ особенное нареканіе вызвала его дѣятельность въ области финансовъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ приходилось считаться съ его скромнымъ стажемъ земскаго дѣятеля. Мнѣ приходилось съ нимъ имѣть дѣла официально — по отдѣлу юстиціи и во время засѣданія Временнаго Правительства, а неофициально во время нашихъ частыхъ бесѣдъ по текущему политическому моменту, причемъ въ дѣлахъ судебныхъ онъ обнаруживалъ широту взгляда, чуткость и аполитичность, которая не всегда была свойственна его ближайшимъ помощникамъ по гражданской юстиціи, и тѣ же свойства, равно какъ и большая терпимость въ отношеніи шакомыслящихъ, характеризовали его какъ политическаго дѣятеля. Честность и доброта были настолько его неотъемлемыми качествами, что находили признаніе со стороны его враговъ.

Съ характеристикой личностей С. Н. Городецкаго и В. П. Игнатѣева мы познакомимся ниже при описаніи работы тѣхъ Отдѣловъ, которыми они руководили.

Глава II

Прибытіе въ Архангельскъ англійскихъ добровольцевъ.

Парадъ по случаю дня рожденія англійскаго короля.

Дайеровскій баталіонъ

Конецъ Мая, сопровождавшійся дивной солнечной погодой, совпалъ съ періодомъ чрезвычайнаго подъема настроенія въ населеніи Архангельска, въ связи съ прибытіемъ англійскихъ войскъ, состоявшихъ изъ добровольцевъ. Весь городъ разукрасился союзными флагами, протянувшимися пестрой лентой отъ красивой набережной Сѣверной Двины по широкому, уже нестрѣвшему зеленому саду Тронцкому проспекту (главная улица Архангельска), до самой Соломбалы, гдѣ англичане должны были временно расположиться передъ отправленіемъ на фронтъ. На Соборной площади, недалеко отъ памятника Петру Великому, была воздвигнута грандіозная арка съ надписью «Welcome» (добро пожаловать). Почетный караулъ отъ 1 Сѣв. стрѣлк. полка съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ высадившихся на самой пристани.

У арки они были привѣтствованы Городскимъ Головой Багриновскимъ, а затѣмъ началось ихъ триумфальное шествіе мимо шалерами выстроенныхъ русскихъ войскъ, учебныхъ заведеній и административнаго персонала всѣхъ учрежденій Архангельска во главѣ съ Временнымъ Правительствомъ.

Населеніе встрѣчало съ энтузіазмомъ проходившія части, которыя были составлены изъ отборныхъ элементовъ и производили самое лучшее впечатлѣніе своимъ здоровымъ молодеватымъ видомъ, военной выправкой и новымъ

обмундированіемъ. У большинства на груди пестрѣли цвѣтлыя ленточки орденовъ, полученныхъ за бои на поляхъ Франціи.

Въ тотъ же день въ присутствіи представителей иностранныхъ миссій, членовъ Временнаго Правительства, высшаго военнаго и административнаго персонала, представителей земства и города состоялся торжественный пріемъ англійскихъ офицеровъ въ Городской Думѣ, гдѣ вторично Гор. Голова Багриновскій и англійскій генераль, командовавший прибывшими войсками, обмѣнялись привѣтствіями, сущность которыхъ сводилась къ тому, что мы благодарили свою союзницу Англію за присылку лучшихъ сыповъ на борьбу съ насильниками, терзающими нашу родину, а англичане выражали увѣренность, что силами оставшагося вѣрнымъ союзникамъ русскаго народа въ Россіи будутъ восстановлены порядокъ и свобода и наша обновленная родина войдетъ въ семью европейскихъ народовъ такой же великой, какой она была раньше.

Вскорѣ послѣ прибытія англійскихъ добровольцевъ, въ день рожденія англійскаго короля, на Соборной площади состоялся торжественный парадъ англійскихъ войскъ, причемъ для того, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ русской высшей власти края, войсками командовалъ самъ Главнокомандующій ген. Айронсайдъ, а парадъ принималъ ген. Миллеръ.

Эта демонстрація въ честь нашей несчастной, всѣми попираемой родины вызвала чувство глубочайшаго удовлетворенія и породила всеобщее праздничное настроеніе. Лишь одна воинская часть, принимавшая участіе въ парадѣ, мрачнымъ, озлобленнымъ видомъ своихъ солдатъ производила тягостное впечатлѣніе, а между тѣмъ надъ ней единственной развивался русскій трехцвѣтный флагъ, такъ какъ другія части русскаго гарнизона Архангельска не участвовали. Это былъ, такъ-называемый, Дайеровскій баталіонъ, сформированный англичанами изъ большевиковъ, сидѣвшихъ по различнымъ тюремнымъ учрежденіямъ Архангельска. Исторія сформированія этого баталіона довольно любопытна и я считаю необходимымъ подѣлиться ею съ читателями. Тюремныя учрежденія Архангельска были послѣ переворота и захвата власти бѣлыми переполнены большевистскими элементами, причемъ «населеніе» это весьма медленно уменьшалось въ своемъ составѣ, такъ какъ гражданское судебное вѣдомство, не располагая достаточнымъ служебнымъ персоналомъ, вело чрезвычайно медленно разслѣдованіе, которое благодаря этому принимало характеръ безконечной волокиты. Въ перегруженной тюрьмѣ начался тифъ, что вызвало походъ на Правительство социалистическихъ элементовъ Гор. Думы и осмотръ тюрьмы представителями Краснаго Креста союзныхъ странъ, которые однако нашли всѣ указанія на «свирѣпствующій тифъ» преувеличенными.

Между тѣмъ тюремные сидѣльцы засыпали высшее англійское командованіе жалобами на якобы несправедливое ихъ содержаніе подъ стражей, тѣмъ и вывели изъ себя плохо разбиравшихся въ нашихъ дѣлахъ практичныхъ англичанъ. Въ одинъ прекрасный день ген. Айронсайдъ рѣшилъ разрубить «Гордіевъ узелъ» и, забравъ съ собой прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда и другихъ высшихъ административныхъ лицъ, отправился лично въ тюрьму набирать тамъ... добровольцевъ. Безъ всякаго разбора, не обращая вниманія на протесты прокурорскаго надзора и тюремной администраціи, указывавшихъ ему на всю недопустимость и опасность такого опыта, онъ забралъ изъ тюрьмы всѣхъ выразившихъ «желаніе» служить

у него и тутъ же «раскаявшихся въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ» и направилъ ихъ на службу въ Дайеровскій баталіонъ, носившій это имя въ честь погибшаго на Сѣверномъ фронтѣ въ бояхъ англійскаго капитана Дайера, зачатки какового баталіона состояли изъ забранныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Лояльное поведеніе послѣднихъ и ввело, главнымъ образомъ, ген. Айронсайда въ заблужденіе, повлекшее за собой описанный выше оригинальный наборъ волонтеровъ, но онъ забывалъ, что красноармейцы были не партійные коммунисты или комиссары, а набранные въ красныя войска русскіе крестьяне, тогда какъ тюремные сидѣльцы состояли преимущественно или изъ крайнихъ элементовъ большевизма, или изъ озлобленныхъ низовъ населенія съ неизжитой еще идеологіей классовой борьбы. Всѣхъ ихъ прекрасно обмундировали и устроили на «англійскій наекъ», превосходившій по качествамъ получаемый нашими войсками, но подвергли строгой дисциплинѣ подъ руководствомъ лучшихъ русскихъ и англійскихъ офицеровъ, причемъ высшее командованіе принадлежало послѣднимъ.

Можно себѣ представить чувства этихъ людей, когда они съ русскимъ національнымъ знаменемъ, врученнымъ знаменщику — уѣздному комиссару изъ коммунистовъ, кричали въ честь англійскаго короля вмѣстѣ съ остальными войсками трехкратное ура.

Весь этотъ опытъ и особенно описанный выше парадъ съ «красными», какъ мнѣ это точно извѣстно, чрезвычайно «забавлялъ» ген. Айронсайда, но, какъ мы увидимъ ниже, за нѣкоторыя забавы приходится иногда расплачиваться очень дорогой цѣной. Досадно было, что ген. Миллеръ не исправилъ хоть отчасти на парадѣ ошибки ген. Айронсайда и не обратился къ «Дайеровцамъ» съ теплымъ душевнымъ русскимъ словомъ съ выраженіемъ надежды, что они сумѣютъ оправдать то братское довѣріе, съ которымъ они приняты обратно въ свою родную семью и забыть свое прошлое также, какъ оно забыто нами; извѣстно вѣдь, что доброе слово всегда находитъ откликъ въ самой зачерствѣлой русской душѣ. Можетъ быть, этотъ пробѣлъ объясняется тѣмъ, что ген. Миллеръ слишкомъ отрицательно относился къ произведенному ген. Айронсайдомъ опыту и ни при какихъ условіяхъ не ожидалъ отъ него благоприятныхъ результатовъ.

Послѣ парада я представлялся ген. Айронсайду. Громаднаго роста и атлетическаго сложенія генераль принялъ меня въ своемъ служебномъ кабинетѣ. На вопросъ, какъ мнѣ понравился парадъ, я выразилъ восхищеніе отъ блестящаго вида англійскихъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвели на меня «Дайеровцы». Съ видомъ убѣжденнаго знатока Россіи, генераль сталъ развивать передо мной мысль, что наши солдатскіе бунты происходили, главнымъ образомъ, отъ неумѣлаго и нехорошаго обращенія съ солдатами, которые въ свою очередь, одурманенные революціей, забыли то хорошее, что было въ традиціяхъ лучшаго русскаго офицерства и производили безпорядки и нарушенія дисциплины, недопустимые ни въ одной правильно организованной арміи. «Но теперь все пойдетъ по хорошему», заявилъ генераль, «они раскаялись, я имъ назначилъ хорошихъ офицеровъ, они отлично одѣты, получаютъ прекрасный наекъ и я увѣренъ, что они покажутъ себя молодцами, а васъ я избавилъ отъ лишней работы, такъ какъ они всѣ были вашими кліентами». Я не удержался и доложилъ генералу свои опасенія, какъ бы они опять не стали

моими клиентами, что видимо не понравилось ему и аудіенція была прекращена.

Въ связи съ прїѣздомъ англійскихъ добровольцевъ, ген. Айронсайдомъ были приняты представители мѣстной печати, которымъ онъ объявилъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ онъ переходитъ въ энергичное наступленіе для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ въ районѣ Котласа и Вятки и для передачи ему привезенныхъ въ громадномъ количествѣ вооруженія и снаряженія, въ которыхъ Сибирская армія терпитъ острую нужду. Въ нашихъ военныхъ кругахъ это заявленіе находили неосторожнымъ и открывающимъ планы врагу, но въ обывательской средѣ оно вызвало большой подъемъ настроенія.

Къ этому же моменту необходимо отнести отъѣздъ ген. М—скаго въ Финляндію для выясненія вопроса о совмѣстномъ выступленіи съ нами генерала Юденича, а также самой Финляндіи.

Чувствовалось, что мы наканунѣ крупныхъ и рѣшительныхъ событій на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, и это создавало крайне приподнятое настроеніе, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на благопріятный исходъ борьбы и близкую побѣду.

Глава III

Процессъ Бечина. Отраженіе въ немъ настроенія рабочихъ

Въ концѣ Іюня, въ военно-окружномъ судѣ Сѣв. Области состоялся процессъ предсѣдателя правленія профессиональныхъ союзовъ и члена Гор. Думы Бечина и членовъ того же правленія Наволочнаго, Цейтлиша и Клюева, а также секретаря Гор. Думы Антушевича. Процессъ этотъ еще разъ блестяще иллюстрировалъ то неоспоримое положеніе, что нигдѣ жизнь въ ея самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ не отражается такъ отчетливо и полно, какъ на судѣ, дѣйствующемъ съ соблюденіемъ принциповъ устности, гласности и состязательности, положенныхъ въ основу современнаго уголовного процесса, поэтому я считаю необходимымъ немного подробнѣе остановиться на немъ.

Передъ судомъ по этому дѣлу, прошедшему при открытыхъ дверяхъ, продефилировали въ качествѣ свидѣтелей представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія Сѣверной Области, начиная съ членовъ Правительства и кончая простыми рабочими. Подвергнутые перекрестному допросу сторонъ, они развернули передъ судомъ яркую картину тѣхъ политическихъ страстей, въ объятіяхъ которыхъ до сихъ поръ судорожно бьется младенческая русская политическая мысль, лишенная богатаго опыта многолѣтней конституціонной жизни западно-европейскихъ странъ. Недаромъ процессъ Бечина привлекъ вниманіе не только всего архангельскаго общества, но и иностранныхъ миссій, заставлявшихъ для себя переводить подробные отчеты, печатаемые въ газетахъ. Союзники стремились сдѣлать изъ него выводъ, насколько мы излѣчились отъ язвъ большевизма и достойны того, чтобы на насъ ставить карту въ продолжавшейся гражданской войнѣ. Для меня же и большинства другихъ русскихъ гражданъ Сѣверной Области разрѣшался

мучительный вопрос, по какой равнодѣйствующей пойдетъ дальнѣшая борьба силъ, приведенныхъ въ дѣйствіе гражданской войной у насъ въ Сѣверной Области, когда мы лишимся могучей поддержки союзниковъ и будемъ представлены самимъ себѣ.

Поводомъ для возникновенія дѣла послужило выступленіе Бечина, Наволочнаго и Цейлина, а также скрывшихся отъ слѣдствія и суда секретаря союза пищевиковъ Симакова и члена Городской Управы Успенскаго, въ день празднованія второй годовщины русской революціи на торжественныхъ засѣданіяхъ, устроенныхъ 12 Марта 1919 года совѣтомъ профессиональныхъ союзовъ на судоремонтномъ заводѣ и Городской Думой въ ея зданіи. Засѣданія эти быстро превратились въ митинги, причемъ перечисленные ораторы открыто призывали къ ниспроверженію Временнаго Правительства Сѣверной Области.

На слѣдствіи и судѣ картина этихъ событій развернулась въ слѣдующемъ видѣ. Особенно многолюдно было собраніе на судостроительномъ заводѣ подъ предсѣдательствомъ Бечина, гдѣ присутствовало до тысячи чело-вѣкъ рабочихъ и гдѣ съ призывомъ для борьбы противъ Временнаго Правительства выступали Успенскій, Цейлинъ и Симаковъ, развивая классовую точку зрѣнія захвата рабочими власти въ свои руки. Особенно опредѣленной въ этомъ отношеніи была рѣчь Цейлина, указывавшаго, что всѣ образовавшіяся на окраинахъ правительства ведутъ реакціонную политику, и видѣвшаго выходъ въ разгорающейся міровой революціи, которая передастъ всю власть въ руки рабочихъ массъ. Наибольше рѣзкое выступленіе принадлежало здѣсь Бечину, который говорилъ о Совѣтской власти, какъ о естественной и единственной защитницѣ интересовъ рабочаго класса и защищалъ ее отъ обвиненій въ грабежахъ, безчинствахъ и разстрѣлахъ.

Протестуя противъ участія союзниковъ въ борьбѣ съ большевиками, Бечинъ указалъ на солидарность съ нимъ въ этомъ отношеніи солдатской массы, сославшись на полученное съ фронта письмо, въ которомъ будто бы было сказано, что «товарищи солдаты всегда пойдутъ съ рабочими въ защитѣ ихъ интересовъ» и «союзникамъ себя за банку консервовъ и табаку не продадутъ».

Тотъ же характеръ имѣли выступленія этихъ лицъ на торжественномъ засѣданіи Городской Думы, гдѣ Бечинъ, выступавшій отъ имени Совѣта профессиональныхъ союзовъ, произнесъ еще болѣе рѣзкую рѣчь, чѣмъ на судоремонтномъ заводѣ. Указавъ, что Правительство Сѣверной Области держится лишь при помощи штыковъ «заморскихъ гостей» и что сознаніе пролетаріата прояснилось и его первоначальное преклоненіе передъ союзниками смѣнилось ненавистью къ нимъ, онъ призывалъ къ борьбѣ противъ Правительства и союзниковъ.

Въ отношеніи Цейлина и Ключева выяснилось на судѣ еще одно чрезвычайно характерное обстоятельство, а именно то, что при обсужденіи въ Союзѣ торгово-промышленныхъ служащихъ вопроса объ ассигнованіи извѣстной суммы въ пользу борющихся противъ большевиковъ партизанъ-крестьянъ, Цейлинъ горячо протестовалъ противъ этого, указывая, что партизаны противники пролетаріата, и его въ этомъ отношеніи горячо поддерживалъ Ключевъ.

Интересъ процесса сосредоточился вокругъ личности Бечина, чело-вѣка неглупаго, честнаго, чрезвычайно популярнаго среди рабочихъ массъ, который въ періодъ пребыванія въ области большевиковъ занималъ весьма

умѣренную позицію и боролся противъ ихъ насилій и произвола, беря часто подъ свою защиту представителей гонимого буржуазнаго класса.

Усилія судебныхъ властей были направлены на то, чтобы выяснить причины, которыя вызвали столь рѣзкій политическій сдвигъ влѣво въ средѣ, взгляды которой отражалъ Бечинъ, и побудили ея представителей вступить на путь классовой борьбы. Ихъ удалось установить и опѣ составили кульминаціонный интересъ всего процесса.

Оказалось, что никакихъ серьезныхъ реальныхъ основаній къ недовольству рабочихъ массъ не было и всѣ требованія матеріальнаго характера были удовлетворены полностью, но предоставленные самимъ себѣ въ области сознательно-политической жизни, они сдѣлались жертвой исключительнаго вліянія находившихся вѣ области партійныхъ центровъ, ставшихъ къ этому времени на совѣтскую платформу. Было установлено, что описаннымъ выше выступленіямъ Бечина и другихъ предшествовалъ рѣзкій поворотъ въ направленіи дѣятельности социалистическихъ партій въ Совѣтской Россіи.

Прежде социаль-демократы меньшевики, а затѣмъ и социалисты-революціонеры стояли на опредѣленно противобольшевистской позиціи и вели съ большевиками упорную борьбу, объединяясь въ ней со всѣми государственно настроенными элементами, въ томъ числѣ и съ буржуазными, а также и съ союзниками. Но политика эта оказалась лишь одной изъ формъ борьбы за власть. Видя, что значеніе въ государственномъ управленіи въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ Россіи и, главнымъ образомъ, въ Сибири, постепенно переходитъ къ болѣе умѣреннымъ кругамъ политической мысли и, чувствуя неизбежное паденіе своего вліянія, эти социалистическія партіи стали становиться въ оппозицію областнымъ правительствамъ и союзникамъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и формальное перемиріе съ большевиками.

Первыми примирились съ большевиками и объединились съ ними для борьбы съ враждебными большевизму правительствами социаль-демократы «меньшевики». Вслѣдъ за меньшевиками по этому пути пошли и социалисты-революціонеры. Рядъ видныхъ и отвѣтственныхъ дѣятелей этой партіи (Вольскій, Святицкій и др.) выступили съ соответствующими деклараціями и воззваніями. Особенно важнымъ для характеристики этого примиренія явилось воззваніе делегаціи членовъ Учредительнаго Собранія и партіи социаль-революціонеровъ, озаглавленное: «Ко всѣмъ гражданамъ Россійской Республики» и подписанное Святицкимъ. Рѣзко враждебное къ правительствамъ Колчака и Деникина, пменуя ихъ «героями контръ-революціонныхъ вождельній», «шакалами буржуазіи», а ихъ войска «добровольческими черносотенными бандами», оно сообщаетъ о начатой комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія подготовкѣ военнаго выступленія противъ «Колчаковской диктатуры» и призываетъ къ объединенію всѣхъ силъ трудовой демократіи, то-есть исключительно «рабочихъ и крестьянъ» къ борьбѣ съ черносотенной реакціей областныхъ правительствъ.

Воззваніе это категорически возражало противъ какой либо коалиціи съ буржуазными группами и протестовало противъ оказываемой союзниками помощи государственнымъ элементамъ въ борьбѣ съ большевиками, называя эту помощь «преступнымъ и для демократіи російской неприемлемымъ вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла» и предлагало подать руку революціонерамъ

Германіи, Австріи и другихъ странъ, въ которыхъ гордо рѣветъ красное знамя міровой соціальной революціи.

Извѣстія о перемѣнѣ фронта соціалистическихъ партій стали проникать и въ Сѣверную Область. Черезъ военно-плѣнныхъ и путемъ установленной большевиками постоянной связи черезъ линію фронта, въ Архангельскѣ стали получаться призывы къ соответствующему измѣненію образа дѣйствій и сообщенія о томъ, что уже всѣ архангельскіе меньшевики, покинувшіе съ приходомъ союзниковъ Сѣверную Область, работаютъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, что положеніе большевиковъ блестяще и что всѣ слухи о творящихся внутри Россіи ужасахъ являются паглой ложью и клеветой, распространяемой въ своихъ интересахъ противниками совѣтской власти.

Воззванія эти нашли благодарную почву въ отравленномъ классовою борьбой самосознаніи рабочихъ массъ Архангельска, причемъ не обошлось безъ идейнаго руководства со стороны мѣстныхъ лидеров упомянутыхъ выше партій, изъ числа лишенныхъ власти членовъ Верховнаго Управленія Сѣверной Области. Честный, но ограниченный, какъ всѣ малообразованные фанатики, вышедшіе изъ рабочей среды, Бечинъ, для котораго соціальная доктрина носила характеръ непреложныхъ истинъ, сыгралъ роль грамофонной пластинки въ болѣе искусныхъ рукахъ.

Еще за мѣсяць до собранія 12 Марта Бечину и Цейтлину стало извѣстно о состоявшемся въ Совѣтской Россіи соглашеніи эсеровъ и меньшевиковъ съ большевиками, и уже 23 Февраля Бечинъ выступилъ въ союзѣ металлистовъ при судоремонтномъ заводѣ съ рѣчью и, касаясь въ ней общихъ политическихъ вопросовъ, между прочимъ, опредѣленно заявилъ, что въ центрѣ Россіи партіи соціалистовъ объединились и создали одинъ центральный комитетъ, что войскамъ Учредительнаго Собранія данъ приказъ не вступать въ бой съ большевиками, причемъ убѣждалъ не вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ о неблагопріятномъ положеніи внутри Россіи и говорилъ о необходимости прекратить войну съ большевиками, называя ее бойней.

Эта соглашательская политика «мира», примѣняемая всегда односторонне лишь въ лагерѣ бѣлыхъ, такъ какъ въ Совденіи она стояла бы ея авторамъ головы въ порядкѣ примѣненія къ нимъ суровыхъ правилъ желѣзной пролетарской диктатуры, играла въ руку большевикамъ, расширяя поле для ихъ преступной дѣятельности.

На судъ было съ непреложностью установлено, что большевики принимали самое активное участіе въ организаціи выступленій 12 Марта, такъ какъ въ выработкѣ программы этого выступленія президіумомъ совѣта профессиональныхъ союзовъ участвовалъ разстрѣлянный по приговору военно-полевого суда коммунистъ Тѣспановъ.

Описанныя выше событія составили фактическій матеріаль, легшій въ основаніе моей обвинительной рѣчи, основной мыслью которой было противопоставленіе исповѣдуемой подсудимыми классовою точкѣ зрѣнія идеи національно-государственнаго строительства на правовыхъ началахъ. Подчеркнувъ, что побѣда надъ врагомъ можетъ быть достигнута лишь при сохраненіи полного спокойствія въ тылу, который въ политическомъ отношеніи долженъ представлять единый національный фронтъ и указавъ на необходимость считаться съ тѣми матеріальными лишеніями и ограниченіями въ сферѣ политическо-правовой, которая вызываетъ вооруженная борьба, такъ какъ въ это время наши братья на фронтѣ ежеминутно подвергаются

смертельной опасности, я обратилъ вниманіе на то, какія печальныя послѣдствія съ точки зрѣнія государственной безопасности и общественнаго спокойствія можетъ вызвать проведеніе рѣзкой классовой точки зрѣнія въ тылу и какое впечатлѣніе произведутъ на союзниковъ ненавистническіе вынады по ихъ адресу съ ссылкой на солидарность въ этомъ отношеніи съ солдатской массой.

Роль военной юстиціи мною была опредѣлена какъ охранительницы государственнаго порядка въ тылу, причемъ я отмѣтилъ абсолютную аполитичность военнаго суда, какъ органа правосудія и какъ охранителя дисциплины въ арміи, стоящей внѣ всякой политики. Это положеніе было мною конкретизировано отказомъ отъ обвиненія секретаря Городской Думы Антушевича, привлеченнаго къ отвѣтственности за составленіе и оглашеніе черезъ Бечина въ Думѣ рѣзкой деклараціи противъ Правительства по вопросу о распространеніи тифа и цыгги въ тюрьмѣ. Тонъ деклараціи былъ рѣзкій и неумѣстный и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе на то, что, къ сожалѣнію, въ некоторые наши политическіе круги не могутъ удержаться отъ внесенія «политики» въ самый дѣловой вопросъ, ибо на судѣ была установлена солидарность съ деклараціей социалистическаго блока Думы, но я не нашелъ въ ней призыва къ ниспроверженію власти Правительства, ве пойдя въ этомъ отношеніи за гражданской юстиціей.

Приговоромъ военно-окружнаго суда отъ 2 Іюля 1919 года Антушевичъ былъ оправданъ, а Бечинъ, Цейтлинъ, Наволочный и Ключевъ были признаны виновными и приговорены къ каторгѣ, срокомъ на 15 лѣтъ каждый.

Проведеніе дѣла Бечина при открытыхъ дверяхъ съ допущеніемъ представителей печати и съ предоставленіемъ всѣхъ средствъ защиты, несмотря на строгій приговоръ военнаго суда, создало вокругъ послѣдняго благопріятную атмосферу, благодаря строгому проведенію принципа аполитичности военной юстиціи, налагающей свою суровую руку лишь на агентовъ Совѣтской власти. Приговоръ суда вызвалъ удовлетвореніе въ широкіхъ слояхъ архангельскаго населенія, включая даже интеллигентскіе демократическіе круги; недовольными остались лишь крайне лѣвые элементы, представителями которыхъ являлись осужденные, но съ ними приходилось считаться какъ съ врагами и для нихъ приговоръ былъ грознымъ предостереженіемъ.

На меня процессъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе: я осозналъ ту пропасть, которая лежала между классовымъ міровоззрѣніемъ рабочей среды и національно-патріотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у насъ было некому, такъ какъ демократическіе интеллигентскіе элементы еще не «самоопредѣлились» и переживали внутреннюю борьбу, въ которой проблески государственной національной мысли еще затемнялись отзвуками прежнихъ тяготѣній въ область социальныхъ утопій съ тенденціей, вопреки жестокой реальной дѣйствительности, воплотить послѣднія въ жизнь.

Процессъ ясно показалъ, гдѣ друзья и гдѣ враги, давъ возможность произвести точный учетъ силъ, вовлеченныхъ въ круговоротъ политической борьбы у насъ на Сѣверѣ, и выяснивъ исключительное вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности центральныхъ партійныхъ организацій, находящихся внутри Россіи и за границей. Заранѣе можно было предвидѣть, что внутренняя борьба при первомъ же удобномъ случаѣ вспыхнетъ у насъ яркимъ пламенемъ, и «третьимъ радующимся» окажется грозный врагъ, скованный желѣзной дисциплиной пролетарской диктатуры.

Союзники сдѣлали тоже соответствующій выводъ изъ процесса: онъ укрѣпилъ въ нихъ уже зрѣющее сознаніе, что вмѣшательство ихъ въ наши внутреннія дѣла было преждевременно и что сознаніе народныхъ массъ еще недостаточно проявилось, нуждаясь въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на нихъ большевизма.

Глава IV

Первыя вѣсти изъ Сибири. Докладъ ген. М — скаго по финляндскому вопросу въ Правительствѣ. Первые слухи объ уходѣ союзниковъ. Национальное ополченіе

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, совершивъ громаднѣйшій путь на лошадахъ и оленяхъ, въ Архангельскъ прибылъ представитель Штаба Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака, штабсъ-капитанъ Б., присланный состоять для связи при штабѣ нашихъ войскъ. Цѣль пріѣзда штабсъ-капитана Б. заключалась въ постоянномъ и точномъ информированіи гражданской и военной власти Сѣверной Области о дѣйствительномъ положеніи арміи и о всѣхъ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Всероссійскаго Правительства, возглавляемаго адмираломъ Колчакомъ.

Скоро я имѣлъ случай познакомиться съ штабсъ-капитаномъ Б., оказавшимся въ курсѣ всѣхъ происшедшихъ въ Сибири событій, такъ какъ послѣ развала большевиками арміи онъ уѣхалъ на Поволжье, гдѣ состоялъ активнымъ работникомъ крупной военной организаціи, поставившей своей цѣлью сверженіе власти большевиковъ, и послѣ Уфимскаго Государственнаго совѣщанія въ Сентябрѣ 1918 года непрерывно состоялъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ краткихъ словахъ штабсъ-капитанъ Б. ознакомилъ меня съ исторіей ликвидаціи Директоріи, произведенной адмираломъ Колчакомъ въ полномъ согласіи съ Сибирскимъ Правительствомъ, включавшимъ въ себя представителей социалистическихъ партій, а также съ дальнѣйшей работой Омскаго Правительства по объединенію власти въ своихъ рукахъ, происходившей не безъ противодѣйствія какъ со стороны сибирскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ отложиться отъ Россіи и даже войти особымъ штатомъ въ составъ Сѣверной Америки, такъ и со стороны небезызвѣстнаго Забайкальскаго атамана Семенова, съ именемъ котораго связали свои вождедѣнія монархическія группы, мечтавшія о реставраціи и диктатурѣ Великаго Князя Михаила Александровича, о чемъ открыто говорилъ офиціозъ атамана «Русскій Востокъ».

Пресловутый атаманъ одно время причинилъ много хлопотъ адмиралу Колчаку, прервавъ его сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ, гдѣ отрѣзанный отъ центральной власти ген. Хорватъ былъ по этому случаю снабженъ особыми полномочіями, но когда реальное соотношеніе силъ сложилось не въ пользу Семенова, послѣдній смирился, а адмиралъ Колчакъ, принимая во вниманіе его непрерывную борьбу съ большевиками, приказомъ Верховнаго Правителя въ Маѣ 1919 года возстановилъ Семенова во всѣхъ его правахъ и назначилъ командиромъ Средне-Сибирскаго корпуса, то-есть тѣхъ войскъ, которыми онъ командовалъ и раньше, вскорѣ послѣ чего Семеновъ и двинулъ эти доблестныя, испытанныя войска на Сибирскій фронтъ. Такъ

въ мукахъ родилась сначала единая Сибирская, а затѣмъ Всероссійская власть, списокъ членовъ которой, за исключеніемъ члена Госуд. Думы Пепеляева (к. д.), пестрѣлъ незнакомыми именами провинціальныхъ дѣятелей.

Что касается свѣдѣній, сообщенныхъ штабсъ-капитаномъ Б. о сибирской арміи, то хотя онъ и подчеркнул ея недостатки въ одеждѣ, обуви и вооруженіи, вызывавшіе необходимость въ снабженіи себя за счетъ непріятели, путемъ захвата у послѣдняго въ качествѣ военной добычи — оружія, снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и другого интендантскаго имущества, по зато не поспешилъ въ похвалахъ ея организаціи, дисциплинѣ и бодрости духа, что будто бы вызвало даже замѣчаніе военныхъ представителей союзныхъ державъ, что эти войска лучше той арміи, которой располагала Россія въ первый періодъ войны. Составъ арміи, занимавшей правда колоссальный фронтъ, штабсъ-капитанъ Б. опредѣлилъ грандіозной цифрой 700.000, изъ которыхъ большая часть находилась въ боевой линіи. Меня такой официальный оптимизмъ приводилъ въ немалое смущеніе, такъ какъ изъ Американской миссіи мною были получены свѣдѣнія совершенно противоположнаго характера, которыя, увы, вскорѣ получили полное подтвержденіе, такъ какъ Сибирская армія стала сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе откатываться на востокъ, пока ея пораженіе не приняло характера полной катастрофы.

Въ первыхъ числахъ Іюля возвратился изъ Финляндіи ген. М—скій и представилъ Временному Правительству докладъ о результатахъ своей поѣздки. Со свойственною ему способностью быстро ориентироваться въ обстановкѣ, ген. М—скій сразу же опредѣлилъ, что отъ предпріятія ген. Юденича нельзя ожидать никакихъ благопріятныхъ результатовъ и что необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы побудить къ совмѣстному выступленію съ нами Финляндію, располагающую достаточными организованными силами, чтобы нанести большевикамъ ударъ въ самомъ важномъ и кратчайшемъ направленіи на Петроградъ.

Одновременно съ этимъ ген. Юденичемъ, видимо также мало рассчитывавшимъ на собственныя силы, были переданы адмиралу Колчаку тѣ условія, на которыхъ можно было ожидать выступленія Финляндіи, съ содержаніемъ которыхъ я былъ ознакомленъ штабсъ-капитаномъ Б., передававшимъ ихъ по радіо въ Сибирь. Я обращаю вниманіе на подчеркнутыя мною слова «можно было ожидать», такъ какъ ген. Юденичъ, перечисливъ, если мнѣ память не измѣняетъ, 19 пунктовъ финляндскихъ требованій, заканчивалъ свою телеграмму указаніемъ, что лишь при принятіи ихъ ген. Маннергеймъ рассчитываетъ склонить къ выступленію правительство и страну, общественное мнѣніе которой вообще не склонно было къ активности въ этомъ вопросѣ.

Ген. Юденичъ настаивалъ на принятіи этихъ требованій, прося дать ему отвѣтъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ выборы президента республики предстояли черезъ двѣ недѣли и кандидатура ген. Маннергейма на этотъ постъ имѣла очень мало шансовъ, а съ уходомъ его терялась всякая надежда на активную помощь со стороны Финляндіи. Къ этому ген. Юденичъ добавлялъ, что если онъ не получитъ своевременно отвѣта, то возьметъ рѣшеніе на себя, такъ какъ обстановка диктуетъ ему необходимость принятія такого шага. Временное Правительство Сѣверной Области, выслушавъ докладъ генерала М—скаго, рѣшило поддержать передъ Всероссійскимъ Правительствомъ

ходатайство ген. Юденича и въ этомъ смыслѣ была отправлена депеша адмиралу Колчаку.

Вскорѣ на телеграмму ген. Юденича послѣдовалъ краткій отвѣтъ: «Помощь Финляндіи считаю сомнительной, а требованія чрезмѣрными», а затѣмъ была получена и болѣе подробная депеша министерства иностранныхъ дѣлъ за подписью Сукина, съ сообщеніемъ, что Верховный Правитель, независимо отъ чрезмѣрно тяжелыхъ требованій, предъявленныхъ Финляндіей, обратилъ вниманіе на то, что даже принятіе ихъ еще не гарантируетъ выступленія ея, такъ какъ послужить только почвой для подготовки общественнаго мнѣнія страны къ активному выступленію, при чемъ адмиралъ Колчакъ выражалъ сомнѣніе, чтобы это можно было успѣть сдѣлать въ короткій двухнедѣльный срокъ. Въ заключеніе онъ категорически запрещалъ ген. Юденичу лично входить въ какія либо соглашенія, указавъ ему, что въ области международныхъ отношеній онъ не имѣетъ права выходить изъ рамокъ, опредѣленныхъ Главнокомандующему Положеніемъ о Полевомъ Управленіи войскъ въ военное время.

Ген. М—скій рѣзко порицалъ въ то время адмирала Колчака за его недалекость при разрѣшеніи вопроса о выступленіи Финляндіи и, дѣйствительно, послѣ неудачнаго похода ген. Юденича, когда войска его принуждены были оставить уже захваченныя ими предмѣстья Петрограда, многіе пришли къ заключенію, что вооруженныя силы Финляндіи могли бы сыграть рѣшающую роль и можетъ быть судьба всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ была бы другой, но не будемъ строго судить за это адмирала Колчака и предоставимъ разрѣшенію этого вопроса суду исторіи.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести поступленіе съ Сибирскаго фронта все болѣе и болѣе тревожныхъ свѣдѣній. Войска адмирала Колчака начинаютъ свое стремительное отступленіе, очистивъ районъ Котласъ—Вятка, гдѣ предполагалось наше соединеніе съ ними и передача имъ снаряженія, привезеннаго англичанами.

Вскорѣ послѣ полученія неприятныхъ извѣстій съ Сибирскаго фронта, на праздникъ во французской миссіи, 14 Юля, по случаю взятія Бастиліи, веселье отравляется первыми слухами «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» объ оставленіи союзниками въ недалекомъ будущемъ Сѣверной Области. Слухи эти принимаютъ характеръ вполне точныхъ и проверенныхъ свѣдѣній къ концу Юля, и на парадѣ 2 Августа по случаю годовщины прибытія союзниковъ и изгнанія большевиковъ союзныя войска отсутствуютъ, а ихъ старшіе начальники уклоняются отъ принятія почестей и замѣняютъ себя «дублерами» меньшихъ чиновъ, которымъ приходится сконфуженно выслушивать «ура» русскихъ войскъ въ честь «вѣрныхъ союзниковъ».

Парадъ русскихъ войскъ проходитъ великолѣпно, при чемъ въ немъ принимаетъ участіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ воинскія части, прекрасно обученное національное ополченіе, организованное по образцу финляндскихъ охранныхъ дружинъ изъ гражданъ добровольцевъ, не подлежащихъ службѣ въ войскахъ. Состоявшее изъ лояльныхъ элементовъ всѣхъ слоевъ населенія при гарантіи личной благонадежности каждаго ополченца квартальнымъ комитетомъ, національное ополченіе сыграло выдающуюся роль въ охраненіи порядка въ Архангельскѣ и его окрестностяхъ. При отсутствіи у насъ надежной милиціи, полицейско-караульная служба всей своей тяжестью ложилась на національное ополченіе, несшее ее въ чрезвычайно

тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ зимой морозы въ Архангельскѣ часто достигали 40°. Патрулированіе улицъ, обученіе строю и стрѣльбѣ отнимало массу времени отъ весьма небольшого досуга, которымъ располагало большинство ополченцевъ, занятыхъ службой по разнымъ частнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Наличіе этого ополченія сыграло выдающуюся роль въ моментъ ухода союзниковъ и эвакуаціи нами области и предохранило насъ отъ массовыхъ эксцессовъ, которые могли имѣть катастрофическія послѣдствія. Честь и хвала всѣмъ тѣмъ, кто потрудился для его организаціи и всѣмъ тѣмъ, кто тихо, скромно и самоотверженно отбывалъ въ его рядахъ свою тяжелую службу; они навѣрно тяжелой цѣной расплачиваются сейчасъ за нее у большевиковъ. Къ сожалѣнію, не всѣ понимали, какой подвигъ они несли, и мы увидимъ ниже, какимъ оскорбленіямъ они часто подвергались со стороны нѣкоторыхъ пьянствовавшихъ и буйствовавшихъ офицеровъ, при старательномъ соблюденіи ими требованій караульной службы.

На парадѣ впервые также выступила офицерская рота, изъ числа пріѣхавшихъ только что изъ Англии русскихъ офицеровъ, большая часть которыхъ прямо съ пароходовъ была отправлена на фронтъ, гдѣ въ связи съ уходомъ союзниковъ ожидали наступленія весьма серьезныхъ событій и крупныхъ военныхъ операцій. Многіе изъ нихъ въ первыхъ же бояхъ нашли свою смерть.

Вмѣстѣ съ этими офицерами прибыла группа престарѣлыхъ генераловъ, пріѣздъ которыхъ и особенно находившагося среди нихъ бывшего Нач. Штаба Зап. фронта ген. К., вызвалъ недовольство и тревогу въ офицерскихъ кругахъ. Ихъ считали принадлежащими недоброму старому времени и ничего хорошаго отъ нихъ не ждали.

Въ связи со слухами объ уходѣ союзниковъ повсюду царило приподнято-нервное настроеніе, которое находило себѣ благопріятную почву для бѣшенвой агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать моментъ и развалить нашъ фронтъ. Агитація эта, отозвавшаяся вспышками возстаній на многихъ участкахъ нашего громаднаго по своему протяженію фронта, еще болѣе усиливала тревогу и напряженіе мысли, проникнутой однимъ навязчивымъ вопросомъ: какъ отзовется на судьбѣ Сѣверной Области уходъ союзниковъ?

Глава V

Возстанія въ войскахъ. Причины возстаній. Заявленіе англичанъ объ уходѣ. Увольненіе ген. М—скаго и вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками

Приходится теперь приступить къ самымъ грустнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ кровопролитіемъ на почвѣ продолжающейся до сихъ поръ братоубійственной гражданской войны. Воспоминанія эти ярки и незабываемы, хотя они почерпнуты большею частью изъ холодныхъ, сухихъ страницъ военно-слѣдственнаго матеріала, по на ряду съ этимъ приходилось и лично выслушивать рассказы нѣкоторыхъ живыхъ свидѣтелей-офицеровъ, которыхъ иногда только чудо спасало отъ неминуемой гибели.

Наша маленькая Сѣверная армія занимала громадный фронтъ протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. Конечно, о непрерывной линіи защиты

не могло быть и рѣчи, да въ вей и не было надобности: ее создавала природа своими непроходимыми лѣсами характера сибирской тайги. Отдѣльнымъ небольшимъ отрядамъ силою до одного полка, съ придачею громаднаго количества пулеметовъ и сильной артиллеріи, правда легкаго полевого типа, приходилось защищать лишь дефиле, образуемые протекающими рѣками и идущими ва Архангельскъ желѣзной и грунтовыми дорогами. Соответственно съ такимъ распредѣленіемъ вооруженныхъ силъ образовались укрѣпленные районы: Онежскій, Желѣзнодорожный, Селецкій, Двинскій, Пинежскій, Мезенскій и Печорскій, причемъ ва Желѣзнодорожномъ фронтѣ въ виду защиты кратчайшаго и важнѣйшаго направленія на административный центръ Сѣверной Области — Архангельскъ, было сосредоточено наибольшее количество войскъ, до трехъ полковъ съ придачей имъ не только легкой, но и тяжелой артиллеріи и бронированныхъ поѣздовъ.

Къ Онежскому району прилегалъ Мурманскій, который занималъ громадное протяженіе, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ финляндской границѣ, и по количеству своихъ войскъ занималъ первое мѣсто. Жизнь его въ военномъ и административномъ отношеніи, въ виду весьма неудовлетворительнаго сообщенія съ Архангельскомъ, носила обособленный отъ всѣхъ другихъ районовъ Сѣвернаго фронта характеръ и мѣ въ дальнѣйшемъ придется ея коснуться лишь съ точки зрѣнія создавшихся съ этимъ райономъ ненормальныхъ отношеній и неумѣнія центральной власти своевременно подготовить и использовать его какъ редюитъ для войскъ Архангельскаго фронта.

Защита была организована по системѣ вынесенныхъ впередъ и занятыхъ пѣхотой блокгаузовъ (маленькихъ укрѣпленій изъ срубленнаго лѣса, опутанныхъ проволочными загражденіями) съ осинными пулеметными гнѣздами, а главныя силы и артиллерія располагались скрыто сзади. Взять эти укрѣпленія въ лобъ было почти невозможно, такъ какъ пришлось бы принести въ жертву колоссальныя неоправдываемыя цѣлю силы, эшелонировавъ въ затылокъ нѣсколько дивизій, поэтому борьба носила характеръ глубокихъ обходныхъ движеній, которыя можно было производить, главнымъ образомъ, въ осевнее время, такъ какъ зимой мѣшалъ глубокой, выше человеческого роста снѣгъ, а весной и лѣтомъ наступала такъ-называемая «распута», при которой почва обращалась въ непроходимое болото. Кроме того, въ дебряхъ непроходимаго вѣкового лѣса было очень трудно ориентироваться и поддерживать связь обходныхъ колоннъ съ командными центрами. Все это побуждало большевиковъ къ излюбленному методу своихъ дѣйствій, а именно къ разложенію бѣлыхъ частей агитаціей и пропагандой и захвату власти путемъ организаціи возстаній.

Пинежское и Тулгасовское возстанія имѣли мѣсто вездолго до моего приѣзда въ Сѣверную Область. На Пивегѣ произошло возстаніе въ 8 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, причемъ жертвами его оказались нѣсколько офицеровъ, часть которыхъ была убита мятежниками, а часть покончила съ собою, взорвавъ себя ручными граватами. Возстаніе было подавлено Верхне-Пинежскими партизанами-крестьянами, сурово расправившимися съ возставшими. Разслѣдованіе установило, что причиной возстанія послужило недовольство населенія Нижней Пинеги и мѣстныхъ войскъ перфорацией (штемпелеваніемъ керенокъ и царскихъ) и неполученіе сѣмянъ для обсемененія полей. Съ перфорацией мы подробнѣе познакомимся въ отдѣлѣ финансовой политики Правительства, здѣсь же необходимо отмѣтить, что для штемпелеванія деньги

отбирались у населения подь расписки и оно оставалось на продолжительный срокъ безъ денежныхъ знаковъ, такъ какъ штемпелеванныя кредитки и казначейскіе знаки возвращались съ большимъ опозданіемъ, что вызывало неудовольствіе, ибо мѣшало обычной торговлѣ.

Неудовольствіе это использовали большевики, развивъ агитацію на тему о томъ, что генералы и офицеры собираются бѣжать изъ области и на дорогу собираютъ себѣ деньги, отбирая ихъ у населенія подь видомъ необходимости ихъ штемпелеванія. Поэтому возставшимъ рекомендовалось захватить Пинежское уѣздное казначейство, гдѣ хранилось около полутора милліоновъ рублей, и бѣжать съ ними къ большевикамъ для спасенія отъ «бѣлогвардейскихъ» офицеровъ народныхъ денегъ, неудачная попытка къ чему и была произведена бунтовщиками.

Разслѣдованіемъ, между прочимъ, было установлено, что между нижне- и верхне-пинежцами существовала вражда, такъ какъ нижне-пинежцы, деревни которыхъ находились въ районѣ бѣлыхъ, считали, что война у нихъ ведется изъ-за верхне-пинежскихъ партизанъ, желавшихъ отобрать свои родныя деревни, находившіяся въ рукахъ красныхъ.

Но были еще болѣе грустныя обстоятельства, которыя къ сожалѣнію обнаружались гораздо позже, когда военное командованіе уже перешло къ ген. Миллеру, а командованіе на Пинежѣ хотя и къ престарѣлому и неспособному ориентироваться въ текущихъ событіяхъ, но честному ген. П., который попросилъ меня прислать въ Пинегу военного слѣдователя. Оказалось, что въ войскахъ были хищенія и утайки найка, что, конечно, волновало солдатъ. Произошло это сначала отъ безпечности и полнѣйшаго непониманія хозяйства перваго организатора пинежскихъ отрядовъ молодого, легкомысленнаго и самоувѣреннаго кап. Н., который, между прочимъ, занимался обмѣномъ подареннаго ему англичапами рома на мѣха, вызывая такимъ неосторожнымъ поведеніемъ толки среди солдатъ объ утайкѣ ихъ рома для этой операціи.

Его смѣнилъ «фаворитъ» ген. М—скаго, полк. Н. Вѣчно пьяный, разнузданный, онъ окружилъ себя соответствующимъ штабомъ и часто, гардуя на улицахъ Пинеги, требовалъ, чтобы жители при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки, побивъ однажды за неисполненіе этого требованія предсѣдателя мѣстной земской управы. Мѣстной почтенной учительницѣ онъ тоже въ пьяномъ видѣ заявилъ, что такъ какъ она по своему возрасту не годится въ проститутки, то онъ рекомендуетъ ей, бросивъ педагогическую дѣятельность, открыть публичное заведеніе. Получивъ въ свое безконтрольное распоряженіе 11.000 рублей для цѣлей контръ-развѣдки, онъ обратилъ ихъ въ свою пользу и вернулъ ихъ значительно позже, уже находясь на службѣ въ Мурманскѣ послѣ моего телеграфнаго требованія объ уплатѣ или представленіи отчета. Ему не избѣжать было бы скамьи подсудимыхъ, чему помѣшала лишь наша эвакуація. Дальнѣйшая участь его была очень печальна: онъ былъ разстрѣлянъ возставшими въ Мурманскѣ красными.

Тулгасовское возстаніе произошло въ Двинскомъ районѣ, гдѣ взбунтовался одинъ изъ баталіоновъ 3 Сѣвернаго стрѣлковаго полка, перебившій своихъ офицеровъ и сдѣлавшій попытку захватить артиллерию для передачи орудіи непріятелю. Артиллерія мужественно огнемъ своихъ орудій и пулеметовъ отбила атаки мятежниковъ и отступила, протащивъ 70 верстъ на

рукахъ свои 4 орудія и прокладывая себѣ дорогу и мосты. Все это было продѣлано группою въ сто человекъ, оставшихся вѣрными своему долгу.

Разслѣдованіе установило неосторожность и безпечность молодого и храбраго командира баталіона, 28-лѣтняго полк. Г., не процѣдившаго какъ слѣдуетъ, вопреки указаніямъ свѣще, прибывшія въ полкъ пополненія изъ плѣнныхъ красныхъ, часть которыхъ и оказалась организаторами возстанія.

Тотъ же 3 Сѣв. стрѣлковый полкъ, реорганизованный своимъ доблестнымъ командиромъ полк. В., подавилъ въ концѣ Іюля возстаніе Дайеровскаго баталіона, расположеннаго также въ Двинскомъ районѣ. Оно началось ночью, причемъ возставшіе прежде всего бросились на штабъ своего баталіона и убили спящими 4 англійскихъ и 3 русскихъ офицеровъ. Та же участь постигла бы и штабъ двинскаго района, если бы не осталась вѣрною пулеметная команда баталіона, отогнавшая отъ штаба наступавшихъ бунтовщиковъ. Большинству изъ нихъ удалось бѣжать къ большевикамъ, пойманныхъ же ликвидировали на мѣстѣ англичане.

Не успѣли разсѣяться впечатлѣнія отъ этого крупнаго возстанія, какъ разыгралась кровавая трагедія на Онегѣ. Расположенный тамъ 5 Сѣверный стрѣлк. полкъ былъ укомплектованъ жителями Онежскаго уѣзда, весьма неблагонадежными и тяготѣвшими къ краснымъ. Особеннымъ большевистскимъ духомъ отличались расположенныя на рѣкѣ Онегѣ два большихъ богатыхъ села — Порогъ и Занорожье, жители которыхъ владѣли богатыми рыбными промыслами (семга-порогъ), но среди которыхъ издавна процвѣтало также тунеядство и хулиганство, благодаря громаднымъ подачкамъ отъ извѣстнаго отца Іоанна Кронштадтскаго — уроженца этой мѣстности.

Непосредственнымъ поводомъ къ возстанію послужило недовольство отвлеченіемъ мобилизованныхъ отъ сѣнокоса и другихъ полевыхъ работъ, что и использовали большевики, захватившіе въ результатѣ возстанія весь Онежскій районъ.

Возставшіе арестовали почти всѣхъ офицеровъ во главѣ съ командиромъ полка, полк. М., которому на шею накинули веревку и утащили къ большевикамъ. Двѣнадцать человекъ офицеровъ были окружены въ одной избѣ и, не желавъ сдаться, покончили сами съ собой. Сначала болѣе сильные духомъ застрѣлили другихъ, а потомъ застрѣлились сами. Тѣла ихъ послѣ очищенія района Онеги отъ большевиковъ, происшедшаго уже послѣ ухода англичанъ, были вырыты изъ ямы, куда они были брошены большевиками раздѣтыми, и похоронены съ воинскими почестями.

Вслѣдъ за Онежскимъ возстаніемъ послѣдовала попытка къ возстанію въ 6 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку на желѣзнодорожномъ фронтѣ и одновременное раскрытіе заговора въ 7 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, расположенномъ въ сосѣднемъ Селецкомъ районѣ. Незадолго до этого на Двинѣ была произведена соединенными русскими и англійскими силами удачная крупная операція съ захватомъ большого района у большевиковъ, который затѣмъ по приказанію англійскаго командованія былъ очищенъ, а мужское населеніе взято по мобилизаціи въ наши войска. Вотъ эти то мобилизованные и явились душой заговора въ желѣзнодорожномъ и Селецкомъ районахъ, составивъ цѣлый планъ возстанія и открытія фронта большевикамъ и войдя съ послѣдними въ соглашеніе по этому поводу. Согласно этому плану предполагалось обходное движеніе довольно крупными силами большевиковъ, которые должны были, войдя въ тылъ линіи блокгаузовъ, атаковать

артиллерійскую батарею, прикрытіе которой изъ 2 роты 6-го Сѣвернаго стрѣльцоваго полка было подготовлено пропагандой къ открытію фронта.

Незадолго до начала этой операціи дрогнула совѣсть у одного изъ бывшихъ въ курсѣ дѣла заговорщиковъ — бывшего унтеръ-офицера одного изъ нашихъ старыхъ гвардейскихъ полковъ и онъ предупредилъ командира 6 полка о назрѣвающей опасности. 2-я рота немедленно была снята съ позиціи, арестована и замѣнена надежными войсками, которыя вмѣстѣ съ артиллеріей приготовились встрѣтить обходящую колонну большевиковъ. Къ сожалѣнію, уже не было времени предупредить роты, находившіяся впереди въ блокгаузахъ. Большевики не заставили себя долго ждать и скоро безъ особыхъ мѣръ предосторожности появились на опушкѣ лѣса противъ того мѣста, гдѣ должна была быть расположена 2 рота. Ихъ встрѣтилъ здѣсь ураганный пулеметный и орудійный огонь, который еще болѣе усилился, когда послышались крики: «Товарищи, не стрѣляйте, свои, свои». Большевики потеряли здѣсь болѣе баталіона убитыми и ранеными.

Въ это время на блокгаузы тоже было произведено нападеніе, причемъ часть гарнизона ихъ, благодаря измѣнѣ, капитулировала и, захвативъ своихъ офицеровъ, передалась противнику.

Въ Селецкомъ районѣ обошлось болѣе благополучно. Тамъ, благодаря своевременному обнаруженію одного изъ заговорщиковъ, подвергнутаго строгому допросу, была раскрыта цѣлая организація, дѣйствовавшая въ связи съ заговорщиками желѣзнодорожнаго района, которая ставила своей задачей перебить всѣхъ офицеровъ и открыть фронтъ противнику. Участники ея въ количествѣ около 20 человекъ были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда.

Вездѣ среди участниковъ заговора были отмѣчены фельдфебеля и унтеръ-офицеры, то-есть лучшіе по выправкѣ и дисциплинѣ солдаты, при чемъ разслѣдованіемъ удалось установить, что въ инструкцію организаціи коммунистическихъ ячеекъ въ бѣлыхъ полкахъ входило строжайшее соблюденіе передъ начальствомъ чинопочитанія и повиновенія, дабы своимъ поведеніемъ усыпить бдительность начальства и, занявъ командные солдатскіе посты, пріобрѣсти наибольшее вліяніе на солдатъ. Тѣмъ же разслѣдованіемъ было обнаружено, что разложеніе нашихъ частей велось по строго разработанной системѣ скрыто образуемыхъ въ нихъ коммунистическихъ ячеекъ, находившихся въ непрерывной связи съ непріателемъ. Когда часть была достаточно подготовлена къ выступленію, отъ краснаго штаба получался детально разработанный планъ открытія фронта въ связи съ одновременнымъ наступленіемъ красныхъ, причемъ офицеровъ приказывалось перебить, замѣнивъ ихъ намѣченными заранѣе лицами.

Дайеровское и Онежское возстанія совершенно вывели изъ душевнаго равновѣсія высшее англійское командованіе и создали приподнятое настроеніе въ англійскихъ войскахъ. Недоброжелатели ген. Айронсайда изъ англійскихъ же круговъ сообщили въ Англію, что убитые дайеровцами англійскіе офицеры являются жертвами легкомысленнаго опыта, произведеннаго генераломъ, и въ англійской печати появились обвиненія его въ введеніи въ заблужденіе англійскаго общества сообщеніями о возрожденіи русской арміи на Сѣверѣ. Айронсайдъ, чувствуя вину въ дайеровскомъ дѣлѣ, рѣшилъ для реабилитаціи себя рѣзко измѣнить свою позицію въ отношеніи насъ и сталъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на уходѣ англійскихъ войскъ,

указывая на примѣръ 5 Сѣв. стрѣлковаго полка, считавшагося однимъ изъ лучшихъ нашихъ полковъ, что на нашихъ солдатъ абсолютно положиться нельзя и никакая совмѣстная боевая дѣятельность съ нами невозможна. Въ руку ему сыграло то обстоятельство, что ген. М—скій наканунѣ самаго возстанія посѣтилъ 5 Сѣв. стрѣлк. полкъ и, вернувшись оттуда, объявилъ въ приказѣ, что онъ нашелъ полкъ въ блестящемъ состояніи. Такимъ образомъ, англичанамъ была демонстрирована несостоятельность самого командующаго войсками въ оцѣнкѣ степени благонадежности его войскъ, что они, конечно, и поспѣшили использовать въ своихъ интересахъ. Въ мѣропріятіяхъ ихъ почувствовалась растерянность и полнѣйшее нежеланіе быть съ нами въ контактѣ. На Онегу былъ посланъ мониторъ для выручки арестованныхъ большевиками англичанъ. Обстрѣлявъ городъ Онегу изъ тяжелыхъ орудій и истребивъ, такимъ образомъ, лучшую часть города, англичане добились черезъ парламентаровъ выдачи своихъ офицеровъ, но категорически отказались предъявить требованіе о нашихъ офицерахъ и поддержать десантную операцію высланнаго нами маленькаго отряда.

Недовѣріе и паника проникли и въ ихъ солдатскую среду, очень враждебно настроенную къ большевикамъ. Характеренъ слѣдующій маленькій эпизодъ. Конвою англичанъ, сопровождавшихъ подъ начальствомъ сержанта небольшую группу нашихъ арестованныхъ солдатъ на пароходѣ изъ Онеги въ Архангельскъ, показалось подозрительнымъ поведеніе послѣднихъ. На пароходѣ создано приподнято-нервное настроеніе, которое благодаря произведенному къ тому случайному выстрѣлу, вылилось въ беспорядочную стрѣльбу англичанъ по русскимъ солдатамъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено, а двое убито. Характерно, что вѣхавшій туть-же русскій офицеръ былъ немедленно изолированъ англичанами отъ солдатъ и ихъ сержантъ, добродушно похлопывая его по плечу, стремился выразить ему свои симпатіи и успокоить его, говоря ломаннымъ языкомъ: «Русскій офицеръ не надо бояться, русскій офицеръ карошъ, а русскій солдатъ с . . . . . , большевикъ».

Такимъ образомъ, если до сихъ поръ уходъ англичанъ мотивировался, главнымъ образомъ, измѣненіемъ курса высшей политики по русскому вопросу, то послѣ дайеровскаго и онежскаго возстаній приходилось считаться съ тѣмъ же рѣшеніемъ высшаго военнаго командованія. По словамъ ген. Миллера ген. Айронсайдъ сталъ неузнаваемъ и насколько онъ прежде крайне радужно смотрѣлъ на наше будущее и шелъ навстрѣчу нашимъ начинаніямъ, настолько онъ теперь впалъ въ преувеличенный пессимизмъ и обпаруживалъ явное недоброжелательство, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы эвакуироваться самому и, во что бы то ни стало, склонить къ этому и наше военное командованіе, что послужило бы оправданіемъ и его ухода. Въ этомъ смыслѣ имъ и было составлено предложеніе ген. Миллеру эвакуироваться, которое было отклонено ген. Миллеромъ сначала 30 іюля принципиально, а затѣмъ окончательно 12 августа послѣ совѣщанія со старшими чинами Штаба и строевыми начальниками, о чемъ подробно въ слѣдующей главѣ.

Одновременно съ этимъ послѣдовало личное вступленіе ген. Миллера въ командованіе войсками вмѣсто ген. М—скаго, вызванное по словамъ ген. Миллера тѣмъ, что ген. М—скій не вѣрилъ въ возможность нашего оставленія въ Архангельскѣ послѣ ухода англичанъ, и такое же настроеніе

создавалъ среди старшихъ начальниковъ. Однако, врядъ ли это было единственной причиною увольненія ген. М—скаго; такихъ «маловѣровъ» среди высшего русскаго командованія было очень много и они, однако, сохранили свои мѣста. Несомнѣнно, что тутъ сыграло роль и паденіе работоспособности ген. М—скаго, такъ какъ ген. Миллеръ самъ какъ то замѣтилъ миѣ, что послѣдній «несомнѣнно утрировалъ въ его глазахъ свою чрезмѣрную переобремененность дѣлами».

Приказомъ Верховнаго Правительства ген. Миллеръ былъ утвержденъ въ должности Главнокомандующаго русскими вооруженными силами Сѣвернаго фронта. Штабъ Командующаго войсками былъ реорганизованъ въ Штабъ Главнокомандующаго и Начальникомъ Штаба былъ назначенъ ген. лейт. К.

Глава VI

Прибытіе «спеціалиста по эвакуаціи» англійскаго фельдмаршала Роллинсона. Совѣщаніе ген. Миллера съ офицерами Ген. Штаба и командирами полковъ объ эвакуаціи

Сопровождаемый громадной свитой, прибылъ въ іюль мѣсяцѣ англійскій фельдмаршалъ Роллинсонъ, пользующійся среди англичанъ репутаціей выдающагося полководца за ликвидацію, въ качествѣ командующаго одной изъ англійскихъ армій во Франціи, послѣдняго нѣмецкаго прорыва на западномъ фронтѣ и нанесеніе послѣ этого нѣмцамъ рѣшительнаго пораженія.

Но, увы, къ намъ фельдмаршалъ прибылъ не для проявленія своего стратегическаго таланта, а въ качествѣ выдающагося спеціалиста по «эвакуаціи», каковая репутація установилась за нимъ при ликвидаціи Дарданельскаго предпріятія союзниковъ.

Въ связи съ его пріѣздомъ ген. Миллеръ получилъ отъ англійскаго командованія предложеніе эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками, которое онъ рѣшилъ подвергнуть всестороннему обсужденію совѣщанія старшихъ чиновъ Штаба и командировъ строевыхъ частей. Въ совѣщаніи этомъ приняли участіе Начальникъ Штаба ген. К., ген. М—скій и другіе офицеры Ген. Штаба, а въ качествѣ представителей строя Командующіе Пинежско-Мезенскимъ и Желѣзнодорожнымъ районами и командиры 6, 7, и 8 Сѣв. стрѣлк. полковъ. Мурманскій районъ былъ представленъ Начальникомъ Штаба полк. А., Командующій же войсками Двинскаго района Ген. Штаба полк. князь М. и командиры 3 и 4 Сѣв. стрѣлк. полковъ отсутствовали, такъ какъ къ этому времени англійскимъ командованіемъ въ дѣлахъ демонстративнаго прикрытія своего ухода, была предпринята на Двинѣ наступательная операція, въ которой принимали участіе русскія войска. На разрѣшеніе совѣщанія были поставлены вопросы: 1) слѣдуетъ ли оставаться въ области послѣ ухода англичанъ, 2) можно ли будетъ впоследствии благополучно эвакуироваться безъ нихъ и 3) возможно ли провести наступательную операцію безъ поддержки союзниковъ. Представители строя единодушно дали отрицательный отвѣтъ на всѣ поставленные вопросы, за исключеніемъ ген. П., только что прибывшаго въ Область, не побывавшаго на фронтѣ и въ

силу этого совершенно не знакомаго съ настроеніемъ войскъ и нашими матеріальными средствами, и, съ упорствомъ стараго военного служаки, твердившаго, что надо поступить такъ, какъ прикажетъ начальство.

Сущность соображеній представителей строя сводилась къ тому, что настроеніе среди войскъ было болѣе чѣмъ сомнительно, особенно еще потому, что англійское командованіе предложило эвакуироваться всѣмъ желающимъ изъ числа добровольцевъ, находившихся въ славяно-британскихъ и французскихъ легіонахъ, а также повуждало наше командованіе, основываясь на принципѣ самоопредѣленія, отпустить эстонцевъ, латышей и поляковъ. На самыя грустныя размышленія наводили и прошедшія волной по всему фронту описанныя выше возстанія, а также поднятая большевиками по поводу ухода союзниковъ агитація съ указаніемъ, что подъ вліяніемъ рабочихъ иностраннаго правительства рѣшили увести свои войска и не поддерживать больше генеральскую контръ-революцію. Офицерскій корпусъ, кромѣ того, былъ встревоженъ полной необезпеченностью тыла въ случаѣ неудачи, считая, что безъ англичанъ никакая эвакуація немыслима, ибо солдаты ихъ не выпустятъ и выдадутъ, какъ виновниковъ войны, большевикамъ.

Исходя изъ настроенія войскъ, а также изъ того, что все снабженіе, средства связи и управленіе находилось до сихъ поръ въ рукахъ англичанъ, строевые начальники признали полную невозможность какого нибудь наступленія безъ помощи послѣднихъ, хотя бы техническими средствами. Изъ числа офицеровъ Ген. Штаба точку зрѣнія строевыхъ офицеровъ поддерживалъ полк. К.; Начальникъ Штаба Мурманскаго района полк. А. заявилъ, что обстановка Мурманскаго района и настроеніе тамъ войскъ говоритъ за продолженіе борьбы послѣ ухода англичанъ, но оборона Архангельскаго фронта при наличіи той картины, которую нарисовали представители этого фронта, врядъ ли представляется возможной.

На продолженіи борьбы въ Архангельскѣ особенно упорно настаивалъ Начальникъ Штаба ген. К., только что вступившій въ эту должность, не посѣтившій еще фронта для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстѣ, чего онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ ни разу за все время своего пребыванія Начальникомъ Штаба, ограничиваясь лишь кабинетной работой. Между тѣмъ посѣщеніе фронта его правой рукой — Начальникомъ Операционнаго Отдѣла Штаба, генераломъ К., привело послѣдняго къ выводамъ, сдѣланнымъ изъ общаго положенія строевыми начальниками.

Ген. М—скій держался въ сторонѣ и своей точки зрѣнія не высказывалъ, такъ что пренія велись, главнымъ образомъ, между представителями строя и Нач. Штаба ген. К., который въ концѣ концовъ въ качествѣ аргумента за продолженіе обороны выдвинулъ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака защищать Область до конца. На это представители строя совершенно резонно заявили, что если существуетъ такой приказъ Верховнаго Главнокомандующаго, то дальнѣйшее обсужденіе вопроса объ оставленіи Области не имѣетъ смысла, такъ какъ они, какъ солдаты, обязаны подчиниться распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ чего перешли къ вопросу о наступленіи, при чемъ единогласно было постановлено, что разъ рѣшено оставаться, то наступленіе необходимо, такъ какъ оно подниметъ настроеніе войскъ и, кромѣ того, выражалась надежда, что успѣшное

развитіе его можетъ вызвать измѣненіе точки зрѣнія англійскаго командованія и оставленіе англичанъ въ Области.

Для провѣрки этого предположенія, а главное для полученія отъ англичанъ поддержки, безъ чего организація наступленія считалась невозможной, было рѣшено на слѣдующій день всѣмъ еще разъ собраться у генерала Миллера и оттуда отправиться къ фельдмаршалу Роллинсону, такъ какъ въ 12 часовъ дня генералъ Миллеръ далъ обѣщаніе англійскому командованію дать окончательный отвѣтъ, остается ли онъ послѣ ухода англичанъ или эвакуируется съ ними.

Командиры полковъ, возмущенные тѣмъ, что участь строевыхъ офицеровъ опять рѣшается, вопреки ихъ мнѣнію, штабомъ, который не разъ по ихъ мнѣнію, былъ причиной ихъ гибели въ Японскую и послѣднюю войну, рѣшили вечеромъ отдѣльно зайти къ ген. Миллеру и изложить ему еще разъ свою точку зрѣнія на текущій моментъ. Придя къ нему, они заявили, что рѣшили сказать ему «всю правду» съ глаза на глазъ въ отсутствіе офицеровъ Ген. Штаба, такъ какъ послѣдніе въ силу своего образованія, владѣя лучше словомъ, «забили» ихъ своимъ краснорѣчіемъ и не дали имъ возможности высказать всего того, что у нихъ лежало на душѣ. Послѣ этого они въ самой рѣзкой и опредѣленной формѣ обрисовали безъ прикрасъ положеніе строевыхъ частей на фронтѣ, бывшихъ всецѣло въ строевомъ, хозяйственномъ и техническомъ отношеніи на попеченіи англичанъ, и указали на то, что съ уходомъ послѣднихъ они останутся безъ всего, такъ какъ нашъ штабъ не позаботился о своевременномъ оборудованіи и подготовкѣ ихъ къ самостоятельной жизни, обнаруживъ полное бездѣйствіе въ этомъ отношеніи и предоставивъ все англичанамъ, вслѣдствіе чего солдаты въ русскомъ командованіи и офицерахъ видѣли только контръ-революціонеровъ, возстановившихъ ненавистную имъ дисциплину, тогда какъ всѣ матеріальныя блага, столь цѣнныя нашимъ простолюдиномъ, получались изъ рукъ иностранцевъ. Ген. Миллеръ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ докладчикамъ, стараясь своимъ спокойнымъ сердечнымъ тономъ смягчить остроту создавагося положенія, объяснивъ, между прочимъ, что онъ не можетъ принять на себя всю отвѣтственность за предыдущую дѣятельность штаба, такъ какъ наше высшее командованіе находилось не въ его рукахъ. Онъ обѣщаль устранить указанные ему дефекты установленіемъ большей связи съ войсками и заботливостью о ихъ духовномъ и матеріальномъ благополучіи.

На слѣдующій день утромъ всѣ вновь собрались въ кабинетъ ген. Миллера, причемъ тутъ немало удивилъ всѣхъ ген. М—скій, который на частномъ совѣщаніи съ командирами полковъ, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ перваго совѣщанія у ген. Миллера, былъ солидаренъ съ ними въ вопросѣ о необходимости покинуть Архангельскую Область, а здѣсь вдругъ неожиданно заявилъ, что надо не только самимъ остаться, но и «заставить» англичанъ остаться, и, когда ген. Миллеръ спросилъ его, какими средствами можно осуществить послѣднюю мѣру, онъ отвѣтилъ, что можно прибѣгнуть и къ силѣ, на что ген. Миллеръ только развелъ руками. Утреннее совѣщаніе осталось при прежнемъ рѣшеніи и носило спѣшный характеръ, такъ какъ къ 12 часамъ нужно было быть у фельдмаршала Роллинсона, а англичане не выносили опозданій.

Фельдмаршалъ Роллинсонъ принялъ всѣхъ чрезвычайно любезно, начавъ съ привѣтствія, въ лицѣ полковыхъ командировъ, доблестныхъ боевыхъ

сотоварищей по минувшей кампаніи. Выслушавъ затѣмъ рѣшеніе русскаго командованія остаться и перейти въ наступленіе, онъ заявилъ, что объ оставленіи авгличанъ не можетъ быть и рѣчи, ибо такова воля Правительства, опирающагося на Парламентъ, а поэтому какихъ бы успѣховъ не достигли русскія войска въ своемъ наступленіи, захвати они не только Вологду и Вятку, но Москву и Петроградъ, онъ долженъ будетъ, какъ солдатъ, привести въ исполненіе распоряженіе Правительства и эвакуировать Сѣверную Область. Онъ обѣщаль передать въ Англію просьбу русскаго командованія объ оставленіи англійскихъ войскъ, но заранѣе предупредаль, что изъ этого ничего не выйдетъ, что же касается предполагаемой операціи, онъ обѣщаль оказать самую широкую поддержку техническими и матеріальными средствами, но отказался предоставить войска для наступленія, а лишь для выполненія оборонительныхъ задачій на занимаемыхъ позиціяхъ.

Гораздо болѣе рѣзкую позицію занялъ присутствовавшій при этомъ ген. Айронсайдъ, который наше оставленіе въ Области считаль чистѣйшей аватурой и, желая подорвать въ глазахъ фельдмаршала Роллинсона авторитетъ нашего команднаго состава, попросиль его задать командирамъ полковъ вопросъ: «Ручаются ли они за спокойствіе и благонадежность ввѣренныхъ имъ частей». Выслушавъ отрицательный отвѣтъ, онъ настаиваль на эвакуаціи, указавъ, что мы и въ техническомъ отношеніи неподготовлены для самостоятельной дѣятельности и, обратившись къ стоявшему въ сторонѣ ген. М—скому, попросиль его доложить совѣщанію, приготовиль ли онъ персоналъ, необходимый для обслуживанія тыла, на каковой работѣ у него, ген. Айронсайда, было нѣсколько тысячъ человекъ.

На совѣщаніи былъ между прочимъ поднятъ вопросъ объ отходѣ на Мурманъ, причемъ англійское командованіе одобрило этотъ проектъ, обѣщавъ предоставить средства для эвакуаціи туда не только войскъ, но и до 10,000 человекъ населенія.

Изложенныя выше свѣдѣнія о совѣщаніяхъ съ ген. Миллеромъ и представителями высшаго союзнаго командованія почерпнуты мной отъ нѣсколькихъ участниковъ этихъ совѣщаній, между прочимъ и отъ ген. Миллера, съ которымъ въ указанный періодъ времени мои отношенія принялы по цѣлому ряду поводовъ, характеръ, выходящій изъ предѣловъ обычныхъ служебныхъ докладовъ по моей специальности и наши совмѣстныя бесѣды касались естественно и самаго животрепещущаго вопроса — эвакуаціи.

Какъ мы увидимъ ниже, мы въ этотъ моментъ переживали подъемъ патриотическихъ чувствъ, что по моему мнѣнію и склонило окончательнo ген. Миллера къ рѣшенію остаться въ области. Однако, этимъ пылкимъ патриотическимъ выступленіемъ не слѣдовало придавать серьезнаго значенія, такъ какъ ихъ нельзя было считать результатомъ выношеннаго въ спокойномъ состояніи духа рѣшенія созрѣвшихъ для политической жизни гражданъ, которые выявили это рѣщевіе въ бурной формѣ, благодаря охватившему ихъ порыву въ связи съ уходомъ союзниковъ и предоставленію насъ своей собственной участи, а нужно было видѣть лишь отраженныя непрочныя настроенія отъ успѣховъ на всѣхъ другихъ бѣлыхъ фронтахъ, ибо въ этотъ моментъ зашевелился на Петроградскомъ направленіи ген. Юденичъ, совершалъ полвымъ ходомъ свое побѣдное шествіе ген. Деникинъ и даже сибирскія войска задержались и перешлы въ частичное контръ-наступленіе.

Обыватель опредѣлилъ этотъ моментъ, какъ начало конца большевиковъ, и сыгралъ печальную роль, давъ иллюзію поддержки, которую отъ него склонны были ожидать и при измѣненіи обстановки къ худшему.

Но болѣе всего страшила меня необеспеченность эвакуаціи нашей арміи безъ англичанъ. Въ отступленіе сухопутнымъ путемъ на Мурманъ я абсолютно не вѣрилъ и считалъ это плодомъ досужей фантазіи штаба, пѣригѣ оторванной отъ всякой реальной дѣйствительности кабинетно-стратегической мысли ген. К., ибо было совершенно непонятно, почему Мурманскія войска должны были бы удержаться послѣ паденія Архангельскаго фронта и почему противникъ долженъ былъ начать съ ликвидаціи нашего фронта, а не попытаться бы лишить насъ сначала Мурманскаго редюнта. Бесѣды же съ Командующимъ морскими силами Ледовитаго Океана адмираломъ И. привели меня къ убѣжденію, что въ періодъ ледяной кампаніи эвакуація моремъ составляла бы невозможную задачу даже для англичанъ. Достаточно читателямъ вспомнить описанную мною выше картину борьбы ледокола со льдами въ горлѣ Бѣлаго моря, чтобы каждому стало понятно, что массовая эвакуація моремъ въ періодъ льдовъ была еще болѣе злостной фантазіей, чѣмъ отступленіе сухимъ путемъ.

Въ періодъ ухода англичанъ ледоколовъ у насъ еще и не было, они всѣ были въ Англии въ полномъ ея распоряженіи и намъ только было обѣщано ихъ возвращеніе. Что касается вопроса объ углѣ, то адмиралъ И. предупреждалъ, что по расчету онъ долженъ былъ кончиться у насъ къ 1 Января, а получить его было почти невозможно, такъ какъ Англія сама испытывала въ немъ недостатокъ, да и англійскіе рабочіе бдительно наблюдали за тѣмъ, чтобы уголь не попалъ въ руки «контръ-революціонеровъ». Наши команды на ледоколахъ, какъ и слѣдовало ожидать, тоже оказались болѣе чѣмъ ненадежными, такъ что англійскому адмиралтейству во избѣжаніе скандаловъ со своими портовыми рабочими и нашими матросами пришлось, направляя впослѣдствіе ледоколы къ намъ, выправлять бумаги на сѣверную Францію. Въ виду всего этого адмиралъ И. высказывалъ убѣжденіе, которое, къ сожалѣнію, претворилось въ дѣйствительность, что никакой плавомѣрной эвакуаціи области не будетъ, а на нѣсколькихъ судахъ, которые окажутся въ нужный моментъ подъ рукой, выберутся лишь тѣ, кто случайно очутится въ это время у берега.

Обмѣнъ мнѣніями съ адмираломъ И., нѣкоторыми строевыми участниками описанныхъ выше совѣщаній, а также съ прибывшими съ фронта командиромъ 3 стрѣлк. полка, полк. В., и командиромъ артил. дивизіона, полк. Н. привелъ меня къ убѣжденію, что намъ надо уходить на Мурманъ. Всѣ строевые начальники ручались, что отъ половины до трехъ четвертей ихъ солдатъ послѣдуютъ туда за ними, что по самому скромному подсчету обеспечивало 8000 стойкихъ и надежныхъ бойцовъ съ громаднымъ количествомъ матеріальной части и продовольствія, которыхъ англичане обѣщали перевезти на Мурманъ. Подкрѣпивъ здѣсь прочныя и бодро настроенныя части Мурманскаго фронта и, главное, обеспечивъ порядокъ въ тылу, который имѣлъ въ глубину до 800 верстъ и за недостаткомъ войскъ почти не охранялся, мы, обеспеченные съ праваго фланга бѣлой Финляндіей, съ лѣваго озерами, а съ тыла незамерзающимъ моремъ, могли спокойно оперировать на Петрозаводскъ и Званку, облегчить генералу Юдепичу его наступленіе на Петроградъ. Оставаясь на Архангельскомъ фронтѣ, мы гореть

нашихъ стойкихъ борцовъ разжижали весьма ненадежными элементами и свои ничтожныя силы растягивали на громадномъ протяженіи, не имѣя возможности перебрасывать ихъ изъ одного района въ другой. Мы ничего не выгадывали и въ отношеніи оттягиванія силъ противника съ сибирскаго фронта, такъ какъ сибирскія войска къ этому времени откатились далеко за Уралъ и наше операціонное направленіе на Вятку для соединенія съ ними потеряло всякое значеніе. Съ нашимъ уходомъ продовольствіе было бы увезено изъ Архангельскаго района, всѣ морскія и портовые средства были бы отэвакуированы на Мурманъ, куда была обеспечена эвакуація и желающимъ благонадежнымъ элементамъ населенія, число которыхъ врядъ ли бы превысило 10,000 человекъ, и мы оставили бы большевикамъ голую Сѣверную Двину и пустой городъ, предоставивъ оставшемуся добровольно населенію изжитіе большевизма въ порядкѣ естественнаго процесса. Эти соображенія были доступны всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кому принадлежало окончательное рѣшеніе этого вопроса.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ бесѣдовать по этому поводу съ начальникомъ штаба, ген. К. и съ ген. Миллеромъ и я не слышалъ отъ нихъ соображеній, лежащихъ въ окружающей насъ обстановкѣ, которая могли бы поколебать меня въ томъ, что уходъ на Мурманъ являлся единственно правильнымъ рѣшеніемъ при создавшемся тогда положеніи. Ген. К. твердилъ о желѣзномъ кольцѣ, въ которомъ мы составляемъ звено, не имѣя права вырывать его въ то время, когда кольцо это сжимается со всѣхъ сторонъ и даже самъ Верховный Главнокомандующій перешелъ въ наступленіе. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, онъ настаивалъ, что ему не измѣняетъ его чутье человека большого житейскаго и боевого опыта, привыкшаго въ рѣшительныя минуты слѣдовать той неуловимой интуиціи, которая одна только и подсказываетъ правильное рѣшеніе и которая и привела его къ убѣжденію въ необходимости остаться на Архангельскомъ фронтѣ съ принятіемъ на себя всей отвѣтственности за такое рѣшеніе.

Я впрочемъ останавливаюсь подробно на его мнѣніи, такъ какъ оно было положено въ основаніе рѣшенія по этому вопросу ген. Миллера, на котораго ген. К. въ военномъ дѣлѣ имѣлъ исключительное вліяніе. Офицеры были освѣдомлены объ этомъ прекрасно и считая, что онъ обрекаетъ ихъ на гибель, лишая ихъ всякой надежды на возможность эвакуироваться въ случаѣ катастрофы на фронтѣ и тѣмъ предавая ихъ на жестокія муки непріятелю, питали къ нему самыя непріязненные чувства. Этотъ его поступокъ не можетъ быть искупленъ той незаурядной работой, которую онъ выполнилъ въ Сѣверной Области по организаціи и руководству штабомъ фронта, который при немъ работалъ съ полнымъ напряженіемъ.

Что касается ген. Миллера, то онъ считалъ, что переходъ на Мурманъ не далъ бы намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ непріятель снялъ бы съ Архангельскаго фронта свои войска и перевелъ бы ихъ на Мурманскій фронтъ. На мое замѣчаніе, что оставленіе наше въ Архангельскомъ районѣ при необезпеченномъ тылѣ носитъ характеръ чистѣйшей авантюры, которая можетъ стоить жизни опять сотнямъ нашихъ лучшихъ офицеровъ, уже достаточно принесшихъ жертвъ родинѣ, сначала въ національную, а затѣмъ въ гражданскую войну, и не можетъ быть оправдано защитой населенія, большая часть котораго не пзила большевизма и равнодушно относится къ приходу большевиковъ, не вѣря въ ихъ звѣрства, онъ заявилъ, что война

не ведется безъ жертвъ и что онъ не знаетъ въ военной исторіи ни одного случая, чтобы Главнокомандующій безъ патиска непріятели и имѣя на лицо успѣхъ на фронтѣ и поддержку населенія въ тылу, оставилъ бы безъ боя фронтъ. Онъ не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность за такое рѣшеніе.

Какъ тогда, такъ и сейчасъ я не могу согласиться съ ссылкой его на военную исторію, которая знала національную, а не гражданскую войну, гдѣ плѣнныхъ не берутъ, а безпощадно разстрѣливаютъ, что же касается вопроса объ отвѣтственности, то, несмотря на чувство глубочайшаго уваженія и преданности къ генералу Миллеру, выдающаяся дѣятельность котораго будетъ освѣщена мною особо, такъ какъ все лучшее, что было сдѣлано въ Области, связано неразрывно съ его свѣтлымъ именемъ, — я въ окончѣ рѣшенія его остаться въ Архангельскѣ присоединяюсь къ мнѣнію англійскаго полк. Т., который заявилъ, что «вашему Главнокомандующему надо было имѣть гораздо болѣе мужества, чтобы уйти изъ Архангельска, чѣмъ остаться въ немъ».

Рѣшеніе не покидать Сѣверной Области было объявлено ген. Миллеромъ офицерамъ, собраннымъ специально для этого случая, и принято было послѣдними безъ всякаго энтузіазма, холодно и мрачно. Отъ штаба послѣдовало объявленіе населенію, въ которомъ, между прочимъ, было указано, что войска остаются въ Области по приказанію Верховнаго Главнокомандующаго адмирала Колчака. Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ Б. показывалъ мнѣ подлинную радіо-телеграмму адм. Колчака, въ которой онъ разрѣшеніе вопроса объ уводѣ войскъ Сѣвернаго фронта предоставлялъ всецѣло усмотрѣнію Главнокомандующаго, разрѣшая въ зависимости отъ обстановки эвакуировать ихъ на Мурманъ, а также къ ген. Юденичу или къ генералу Деникину. Пріѣзжавшій въ это время Командующій войсками Мурманскаго района ген. С., раздѣлявшій мои взгляды о необходимости оставленія Архангельскаго района, доложилъ объ этомъ генералу Миллеру, заявивъ, что прибытіе нашихъ войскъ въ порядкѣ планомѣрной эвакуаціи будетъ радостно привѣтствоваться Мурманомъ, но бѣгство туда съ внесеніемъ паники будетъ встрѣчено огнемъ артиллеріи и пулеметовъ. Заявленіе это также успѣха не имѣло и роковое рѣшеніе осталось въ силѣ.

Какъ я уже упомянулъ выше, однимъ изъ основныхъ факторовъ, повлиявшимъ на наше оставленіе въ Области, было удачное наступленіе на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ и на нашемъ. Дѣйствительно, проведенная въ это время съ англичанами Двинская операція, въ которой главная роль принадлежала 3 Сѣв. стрѣлковому полку, дала самые блестящіе результаты, такъ какъ нами былъ захваченъ въ плѣнъ большевистскій полкъ въ составѣ вѣсколькихъ тысячъ человекъ со штабомъ полка и штабомъ бригады.

Военноплѣнные производили самое тягостное впечатлѣніе, едва держась на ногахъ отъ голода, истощенные, съ желтыми, опухшими лицами, полураздѣтые и оборванные со слѣдами порки на спинахъ. Не могу забыть такой картины. По Соборной улицѣ проходитъ, еле волоча ноги, партія въ нѣсколько сотъ человекъ выходцевъ съ того свѣта — граждавъ пролетарской рабоче-крестьянской республики, а на встрѣчу имъ возвращается съ работы, насвистывая какой-то веселый мотивъ, рота англичанъ, цвѣтуцій видъ которыхъ производитъ впечатлѣніе интеллигентныхъ спортсменовъ, возвращающихся съ очереднаго футбольнаго матча — несчастныя жертвы имперіализма

и пьющей народную кровь буржуазии, спасти которых от эксплуатации и предназначены красные войска. Эта яркая демонстрация гибели нации, подвинутой вивисекции фанатиковъ, производила неизгладимое впечатлѣніе, повергая положительно въ отчаяніе отъ мысли, до чего доведутъ нашу несчастную родину терзающіе ее кровавые палачи.

Ненависть красноармейцевъ къ своимъ комиссарамъ и коммунистамъ не знала предѣловъ и они обыкновенно собственноручно разстрѣливали послѣднихъ. Исполосованныя спины плѣнныхъ были лучшимъ средствомъ агитаціи противъ большевиковъ. Они охотно демонстрировали ихъ передъ нашими войсками и деревенскимъ населеніемъ, рассказывая о тѣхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ, которыя примѣняла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую желѣзную дисциплину въ своей арміи. Кромѣ розогъ въ качествѣ наказаній примѣнялись тяжелыя принудительныя работы съ переводомъ на голодный паекъ и разстрѣлъ. Можно легко себѣ представить ихъ настроеніе, когда вмѣсто кровавой массовой расправы и «палочной офицерской дисциплины», о чемъ имъ прожужжала уши большевистская агитаціонная литература, ихъ встрѣчало человѣческое обращеніе, обильный паекъ и отличное обмундированіе. Какими легкими казались имъ обычныя требованія воинской дисциплины, и видно было, съ какой охотой они ихъ выполняли. За исключеніемъ ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса ихъ была взята въ наши войска, причемъ составленныя изъ нихъ войсковыя части до конца оставались вѣрными намъ.

Для допроса взятаго въ плѣнъ командира полка мною былъ командированъ одинъ изъ состоящихъ въ моемъ распоряженіи офицеровъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которому я предложилъ по возможности разъяснить положеніе въ красной арміи и виды большевиковъ на ближайшее будущее. Командиръ полка, прапорщикъ военнаго времени, оказался идейнымъ коммунистомъ изъ народныхъ учителей. Считая свою участь предрѣшевой, онъ вѣжливо и спокойно обрисовалъ положеніе Совѣтской власти крайне тяжелымъ, въ виду не только пассивнаго, но прямо таки враждебнаго къ ней отношенія большинства населенія. Въ частности у него въ полку только 20% считалось сочувствующими Совѣтской власти, остальные же 80% были настроены крайне враждебно къ ней, тяготились войной и ждали перваго удобнаго случая, чтобы расправиться со своими руководителями. Несмотря на это, онъ выразилъ увѣренность въ конечной побѣдѣ Совѣтской власти, которая сумеетъ силой заставить массы выполнить поставленныя ею задачи, ибо для воздѣйствія на несочувствующихъ она какъ власть «народная», располагаетъ той «роскошью въ средствахъ», которую не могутъ себѣ позволить бѣлые. Въ качествѣ иллюстраціи послѣдней мысли онъ сослался на разстрѣлъ импѣратора красноармейскаго полка на нашемъ фронтѣ, отказавшагося исполнить приказъ о наступленіи.

Я позволилъ себѣ маленькое отступленіе въ сторону описанія нашихъ удачныхъ боевыхъ дѣйствій и настроенія, господствовавшаго въ лагерѣ враговъ, потому, что эти давныя въ связи съ успѣхами на другихъ фронтахъ создавали не только въ обывательскихъ кругахъ, но даже въ Правительствѣ и нашемъ высшемъ командованіи впечатлѣніе, что послѣдній часъ совѣтской власти близокъ. Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стояли очевидно болѣе освѣдомленные въ нашихъ дѣлахъ союзники и въ интересахъ полнаго безпристрастія я считаю своимъ долгомъ остановиться на тѣхъ

соображеніяхъ, которыя мнѣ приходилось слышать въ ихъ кругахъ въ связи съ оставленіемъ области и прекращеніемъ всякаго дальнѣйшаго вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла.

Сѣверная Область въ періодъ пребыванія въ ней пословъ входила въ зону общесоюзнаго вліянія, но съ ихъ отъѣздомъ дипломатическій корпусъ въ лицѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ потерялъ всякое значеніе и Область очутилась въ зонѣ исключительнаго вліянія, осуществляемаго всемогущимъ англійскимъ командованіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что англичанинъ не допускаетъ и мысли о постороннемъ вмѣшательствѣ въ его внутреннія дѣла. Отсюда съ неумолимой логикой вытекаетъ то положеніе, что избавленіе Россіи отъ большевизма можетъ быть произведено только руками самаго русскаго народа. Вмѣшательство въ наши дѣла вооруженной рукой могло быть произведено первоначально лишь на базисѣ продолженія поины съ Германіей, которая въ это время черезъ Финляндію протягивала свою руку къ нашему Сѣверу, а затѣмъ на предоставленіи помощи русскому народу, большинство котораго путемъ вооруженнаго возстанія выявило свою волю къ освобожденію отъ большевиковъ. Поэтому, какъ я уже отмѣчалъ выше, первый англійскій Главнокомандующій ген. Пуль сразу по своемъ прибытіи объявилъ, что союзники явились для защиты своихъ интересовъ, нарушенныхъ появленіемъ въ Финляндіи германцевъ, съ которыми продолжалась война, а въ дальнѣйшемъ неоднократно предупреждалъ мѣстныя власти, что пребываніе англичанъ въ Области не вѣчно и рекомендовалъ возможно скорѣе приступить къ строительству государственной жизни, пользуясь прикрытіемъ союзныхъ вооруженныхъ силъ. Прибывшій на его смѣну ген. Айронсайдъ прокламировалъ наступленіе на Вятку—Котласъ для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ и передачи ему привезеннаго для его арміи имущества.

Къ этому моменту война съ Германіей была окончена и громоздкій аппаратъ англійскаго управленія, основанный на сочетаніи трехъ могучихъ элементовъ — Правительства, Парламента и общественнаго мнѣнія всей страны, держалъ ставку на Всероссійское Правительство адмирала Колчака, исходя изъ взгляда, что оно являлось руководителемъ могучаго народнаго движенія, направленнаго къ сверженію большевистской власти. Отсюда понятно, какія послѣдствія должно было вызвать разложеніе арміи и паденіе фронта адмирала Колчака. Ставка на оздоровленіе русскихъ народныхъ массъ и изжитіе ими большевизма считалась проигранной, что подкрѣплялось свѣдѣніями англійскаго военнаго командованія изъ Архангельска о систематическихъ возстаніяхъ въ нашихъ войсковыхъ частяхъ, а также письмами солдатъ экспедиціоннаго корпуса на родину о томъ, что населеніе Области заражено большевизмомъ, относится къ нимъ враждебно и вовсе не дорожитъ помощью, оказываемой англичанами. Письма эти попали, между прочимъ, въ руки членовъ рабочей партіи и послужили матеріаломъ для запроса въ Парламентъ, кого собственно говоря поддерживаетъ въ Россіи англійскій народъ въ борьбѣ съ большевиками.

Выводъ, который былъ сдѣланъ изъ создавшагося положенія руководящими политическими кругами Англии, извѣстенъ — вооруженныя силы Англии покинули нашу территорію, но нельзя не отмѣтить, что техническая помощь продолжалась.

Въ отказѣ отъ дальнѣйшей интервенціи были тогда солидарны все союзники. Такое рѣшеніе диктовалось имъ съ одной стороны тѣмъ серьезнымъ положеніемъ, которое создалось у нихъ внутри, какъ послѣдствіе міровой войны, съ другой — неудачнымъ развитіемъ событій на нашихъ бѣлыхъ фронтахъ, о чемъ они были прекрасно освѣдомлены. Американская миссія въ Архангельскѣ располагала точными свѣдѣніями о томъ, что дѣлается въ Сибири, и задолго до катастрофы арміи адм. Колчака выражала опасеніе за печальный исходъ событій на этомъ фронтѣ. Однако вѣры въ русскій народъ и въ его будущее возрожденіе она никогда не теряла и миѣ не разъ приходилось слышать, какъ глава миссіи г. Кооль восхищался здравымъ смысломъ, присущимъ нашему крестьянину, и выражалъ увѣренность въ будущемъ величіи Россіи.

Справедливость требуетъ снять съ англійскаго командованія обвиненіе, что оно, создавъ Архангельскій фронтъ, бросило его на произволъ судьбы, обрекая своихъ сотоварищей по оружію на гибель. Англійское командованіе предложило намъ эвакуироваться на любой изъ другихъ фронтовъ, считая наше оставленіе въ Архангельскѣ послѣ ихъ ухода чистѣйшей авантюрой. Планъ эвакуаціи былъ подробно разработанъ, для обезпеченія ея прибыли лучшія шотландскія войска и крупныя военныя суда, вооруженныя могучей артиллеріей, причемъ ген. Айронсайдъ ручался за полную безопасность эвакуаціи, какъ нашихъ вооруженныхъ силъ, такъ и тѣхъ жителей, которые пожелали бы покинуть Архангельскъ.

Наше командованіе категорически отказалось отъ этого и тѣмъ приняло всю отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу оставшихся войскъ на себя.

Можетъ быть, въ порядкѣ исторической перспективы продолженіе нами борьбы на Архангельскомъ фронтѣ и будетъ признано правильнымъ, но, какъ мы увидимъ ниже, никогда не найдетъ себѣ оправданія то обстоятельство, что, въ теченіе пятимѣсячнаго самостоятельнаго существованія области послѣ ухода англичанъ, не было принято никакихъ разумныхъ мѣръ къ обезпеченію въ нужный моментъ эвакуаціи войскъ и лояльныхъ элементовъ населенія.

Глава VII

Земско-городское совѣщаніе. Реконструкція власти.

Требованіе политической амнистіи

Кризисъ, вызванный уходомъ союзниковъ, совпалъ съ земско-городскимъ совѣщаніемъ, идея созыва котораго принадлежала Управляющему Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ В. Игватъеву, который къ этому моменту уже покинулъ Сѣверную Область, уѣхавъ съ морской экспедиціей въ Сибирь. Совѣщаніе это должно было собраться гораздо раньше, но оно откладывалось со дня на день и созывъ его пришелся на такой моментъ, когда больше всего пужно было избѣгать нарушенія единства антибольшевистскаго фронта, между тѣмъ предстоявшая неизбежно въ связи съ Совѣщаніемъ политическая борьба не сулила въ этомъ отношеніи ничего хорошаго. Положеніе осложнилось еще тѣмъ, что Правительство, не сочувствовавшее созыву Совѣщанія, не готовилось къ тому, чтобы предстать передъ нимъ съ подробно разработанной

дѣловой программой, ознакомленіе съ которой расколодило бы политическія страсти и придало бы работѣ дѣловой характеръ.

Совѣщаніе открылось рѣчью, избраннаго въ предсѣдателя, предсѣдателя губернской земской управы П. П. Скоморохова (с.-р.), подвергшаго самой рѣзкой критикѣ дѣятельность Правительства во всѣхъ областяхъ управленія. Къ сожалѣнію дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ Правительства дѣйствительно давала основательные поводы къ неудовольствію, что и вызвало отставку Управляющаго Отдѣломъ Торг. и Пром. Мефодіева и Управл. Отдѣломъ Юстиціи Городецкаго, но несомнѣнно также, что во многихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ въ вопросѣ о произвольныхъ массовыхъ арестахъ, Правительство явилось «козломъ отпущенія» за дѣйствія высшаго англійскаго командованія.

Замѣститель Предсѣдателя Правительства Зубовъ не сумѣлъ въ твердой и опредѣленной формѣ дать исчерпывающія объясненія на предъявленныя Правительству обвиненія, а своимъ заявленіемъ, что Правительство не держится за власть и согласно уступить ее каждому, кто считаетъ себя болѣе способнымъ къ руководительству Областью, создалъ представленіе о слабости власти и признаніи ею своей вины.

Хорошо еще, что выступившій вслѣдъ за тѣмъ ген. Миллеръ создалъ на нѣкоторое время трезвое настроеніе, обратившись съ привѣтственной рѣчью, въ которой онъ обрисовалъ всю серьезность создаваемаго положенія, благодаря уходу союзниковъ, и предложилъ Совѣщанію не только на словахъ, но и на дѣлѣ оказать поддержку военному командованію, такъ какъ иначе онъ долженъ будетъ принять предложеніе союзниковъ объ эвакуаціи всѣхъ, кто пожелаетъ продолжать борьбу на другихъ фронтахъ.

Заявленіе это произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Совѣщаніе, членамъ котораго конечно не могла улыбаться мысль быть переданнымъ въ руки большевиковъ наканунѣ ожидаемаго въ то время паденія Совѣтской власти и оно вынесло единогласное рѣшеніе оказать съ своей стороны поддержку военному командованію.

Нажимъ со стороны Совѣщанія на Правительство и сознаніе послѣднимъ своей несостоятельности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія привели къ реконструкціи власти, произведенной Правительствомъ по соглашенію съ членами Совѣщанія, въ результатѣ чего въ Правительство, кромѣ оставшихся въ его составѣ Замѣстителя Предсѣдателя П. Ю. Зубова, соединившаго въ своихъ рукахъ управленіе Отдѣлами Юстиціи и Земледѣлія, ген. Миллера (Военно-Морскія и Иностр. дѣла) и Федорова (Нар. просв.), вошли городской голова Багриновскій (Внутр. дѣла), инженеръ Цапенко (Отдѣлъ Труда) и, безъ портфелей, предсѣдатель губернской земской управы Скомороховъ и членъ той же управы Едовинъ. Всѣ перечисленные члены Правительства обладали правомъ рѣшающаго голоса, причемъ принадлежность большинства изъ нихъ къ социалистическимъ партіямъ (Скомороховъ с.-р., Едовинъ с.-р. и Федоровъ нар. соц.) или демократическимъ элементамъ нашей общественности (Зубовъ, Цапенко и Багриновскій) вызывало значительный сдвигъ Правительства влѣво.

Вслѣдъ за образованіемъ новаго состава Правительства земско-городское Совѣщаніе обратилось съ воззваніемъ къ населенію и съ грамотой къ войскамъ, въ которыхъ оно оповѣщало, что послѣ всесторонняго обсужденія создаваемаго положенія оно пришло къ твердому заключенію, что

область должна обороняться. Выразивъ убѣжденіе, что противникъ еще никогда не былъ такъ слабъ и что Совѣтская власть находится наканунѣ полного пораженія, Совѣщаніе призывало всѣхъ сплотиться вокругъ арміи для борьбы за охрану края и за Всероссійское Учредительное Собраніе. Оповѣщая о томъ же войска, земско-городское Совѣщаніе просило ихъ «держатъ крѣпко винтовку въ своихъ рукахъ, не поддаваться слухамъ и большевистской лжи, вѣрить своимъ начальникамъ и исполнять ихъ боевые приказы, такъ какъ армія безъ дисциплины не существуетъ».

Нельзя не признать, что эти воззванія сыграли громадную роль, поднявъ духъ и настроеніе въ войскахъ, но ими и ограничилась вся положительная сторона дѣятельности земско-городского Совѣщанія, которое вмѣсто того, чтобы выполнить данное въ грамотѣ войскамъ обѣщаніе, «быть въ рѣшительныя минуты въ ихъ рядахъ», или заняться дѣловой работой, въ которую его хотѣло вовлечь новое Правительство, вступило на путь самаго энергичнаго вмѣшательства въ правительственную дѣятельность съ нескрываеваемой тенденціей захвата власти для проведенія мѣропріятій, которыя тяжко бы отозвались на безопасности тыла.

Провозгласивъ въ своихъ воззваніяхъ къ населенію и арміи о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками, земско-городское Совѣщаніе выступило съ требованіемъ политической амнистіи для лицъ, осужденныхъ за большевизмъ. Во всѣхъ газетахъ появился поразительный по своей безграмотности проектъ земско-городского Совѣщанія объ амнистіи, въ которомъ указывалось, что большевизмъ есть столь неопредѣленное и неуловимое для юридической квалификации явленіе, что подведеніе его подъ тѣ или другія статьи уголовного закона представляется совершенно невозможнымъ. Исходя изъ этихъ соображеній, совѣщаніе считало, что отвѣтственность по дѣйствующимъ законамъ могутъ нести только члены коммунистической партіи, а лица, не входившіе въ ея составъ и осужденные «за большевизмъ», подлежатъ полной амнистіи. На ряду съ требованіями послѣдней тѣмъ же проектомъ устанавливалось упраздненіе Особой Слѣдственной Комиссіи и вводился 24-часовой срокъ для предъявленія обвиненія каждому арестованному, при отсутствіи чего онъ по истеченіи указаннаго срока освобождался изъ-подъ стражи. Необходимо прежде всего отмѣтить, что послѣдніе два пункта никакого отношенія къ амнистіи не имѣли и, если упраздненіе Слѣдственной Комиссіи, которая дѣйствительно страшно затягивала дѣла, вызывая этимъ общее неудовольствіе, и имѣло извѣстное основаніе, то претвореніе въ жизнь упомянутого правила объ арестахъ являлось совершенно неосуществимымъ, какъ по техническимъ соображеніямъ, такъ и въ видахъ охраненія государственной безопасности и порядка, ибо во время войны, національной или гражданской, установленіе такой гарантіи парализовало всякую борьбу власти съ подозрительными и преступными элементами и особенно съ провокаторами и шпионами изъ непріятельскаго лагеря.

Обезпокоенный принятой Совѣщаніемъ линіей поведенія Предсѣдатель Правительства Зубовъ вызвалъ меня къ себѣ и попросилъ отправиться въ комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи, гдѣ своими разъясненіями постараться направить возбужденный объ амнистіи вопросъ въ законное русло. Пригласивъ съ собой Военнаго Прокурора Военно-Окружнаго Суда и Прокурора Архангельскаго Окружнаго Суда, я въ тотъ же день вечеромъ отправился въ упомянутую комиссію, гдѣ намъ пришлось встрѣтиться съ

нашими старыми знакомыми. Председателемъ комисіи оказался оправданный по дѣлу Бечина г. Антушевичъ, а приглашеннымъ туда «экспертомъ» — защитникъ Бечина, бывший Управляющій Отдѣломъ Юстиціи Верховнаго Управленія Сѣв. Области г. Гуковскій. Кромѣ того въ составъ комисіи входило двое крестьянъ, одинъ рабочій и присяжный повѣренный Постниковъ к.-д., очень разумный и образованный адвокатъ-цивилистъ. Въ порядкѣ возникшей между нами и г. экспертомъ полемики выяснилось, что дѣло идетъ не о помилованіи тѣхъ или другихъ лицъ, участь которыхъ земско-городское Совѣщаніе могло бы считать со своей точки зрѣнія отягощенной судебными приговорами, а о политической амнистіи цѣлой категоріи лицъ, считавшихся до сихъ поръ преступными, но послѣ политическаго переворота и связаннаго съ нимъ политическаго сдвига подлежащихъ переводу на положеніе лояльныхъ гражданъ.

Я сразу же заявилъ, что мнѣ ничего не извѣстно, чтобы произошелъ какой-нибудь политическій переворотъ, ибо я не могу считать таковымъ измѣненіа, происшедшія въ составѣ Правительства по соглашенію съ земско-городскимъ Совѣщаніемъ, созданнымъ для выясненія нуждъ населенія, и что если комисіа будетъ настаивать на томъ, что требованія Совѣщанія вытекаютъ изъ какого-то политическаго переворота, то я долженъ буду, какъ представитель законной власти, покинуть засѣданіе комисіи. Кромѣ того я добавилъ, что права Верховной власти принадлежатъ Всероссийскому Правительству адмирала Колчака, отъ имени котораго выносятся судебные приговоры и каковому Правительству только и принадлежитъ право аннулировать эти приговоры въ порядкѣ политической амнистіи.

Прокуроръ Окружнаго Суда г. Д. развилъ мою мысль, заявивъ, что, соглашаясь съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое далъ политической амнистіи г. Гуковскій, онъ никакъ не можетъ понять, какой политической сдвигъ могъ бы привести къ амнистіи большевиковъ, ибо, насколько ему извѣстно, представители послѣднихъ въ составъ новаго Правительства не вошли и послѣднее по примѣру бывшихъ въ Сѣв. Области Правительствъ стоитъ на антибольшевистской платформѣ и за продолженіе борьбы съ Совѣтской властью.

Послѣ нашихъ заявленій председатель комисіи успѣшилъ отгородиться отъ г. эксперта, заявивъ намъ, что изложенный г. Гуковскимъ взглядъ составляетъ его личное мнѣніе.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что члены комисіи никакъ не могли понять, какъ можно осудить за принадлежность къ «большевизму» лицъ, не принадлежащихъ къ Россійской коммунистической партіи большевиковъ. Пришлось терпѣливо приступить къ долгимъ объясненіямъ, что съ точки зрѣнія закона приходится имѣть дѣло съ двумя преступными сообществами, изъ которыхъ одно пменуетъ себя Россійской коммунистической партіей (большевиковъ), а другое Совѣтской властью. Ядро второго сообщества составляютъ Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ и другіе, но кромѣ нихъ въ составъ его входятъ не только партійные коммунисты, но и другія лица, сознательно, а не въ силу принужденія или изъ-за куска хлѣба, примкнувшіе къ этому сообществу, причемъ иногда не въ силу какихъ либо идейныхъ соображеній, а просто потому, что они въ порядкѣ борьбы поставили ставку на Совѣтскую власть. Дѣятельность такихъ лицъ въ объективномъ смыслѣ приноситъ не меньшій вредъ и въ оцѣнкѣ ея судебная власть не исходитъ

изъ партійной принадлежности, а лишь разрѣшаетъ вопросъ, поскольку данное лицо является сознательнымъ агентомъ Совѣтской власти. Для иллюстраціи своей мысли я просилъ членовъ комиссіи отвѣтить, чья дѣятельность является болѣе преступной, какого нибудь мелкаго коммуниста или Командующаго противъ насъ красными войсками генерала Ген. Штаба Самойло.

Обращаясь къ вопросу о помилованіи, такъ какъ съ моей точки зрѣнія объ амнистіи не могло быть и рѣчи, я обратилъ вниманіе комиссіи на то, что и оно не будетъ понято на фронтѣ, гдѣ среди солдатъ уже пачались разговоры: «Зачѣмъ насъ заставляютъ проливать кровь противъ большевиковъ, когда ихъ хотятъ выпустить на свободу въ тылу.»

Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ я комиссію земско-городского Совѣщанія по амнистіи. Ясно было видно, что на почвѣ выработаннаго вѣками недоверія къ правящимъ классамъ, наши объясненія не будутъ имѣть успѣха и истолкуются какъ нежеланіе дѣятелей стараго режима прислушаться къ голосу народныхъ представителей.

Опасеніе это быстро подтвердилось, такъ какъ на слѣдующій день я былъ опять вызванъ Зубовымъ, у котораго я засталъ бывшаго Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи Предсѣдателя Арх. Окр. Суда Городецкаго и прокурора того же суда. Д. Зубовъ объявилъ намъ, что такъ какъ земско-городское Совѣщаніе, выслушавъ послѣ нашего посѣщенія комиссію по амнистіи, продолжаетъ настаивать на ней, то Правительство рѣшило дать ему исчерпывающія объясненія о невозможности ея, при чемъ попросилъ меня принять эту обязанность на себя, ибо онъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, а С. Н. Городецкому нельзя было выступать, такъ какъ имя его, по словамъ Зубова, пошло для лѣвыхъ круговъ «одіозный» характеръ и именно его дѣятельность больше всего подверглась нападкамъ земско-городского Совѣщанія. Я далъ свое согласіе на выступленіе, но выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности такой игры въ парламентаризмъ въ переживаемый нами моментъ, заявивъ при этомъ, что если членовъ Совѣщанія было трудно убѣдить черезъ комиссію, то врядъ ли это удастся въ пленумѣ, гдѣ подъ вліяніемъ преній политическія страсти разыграются еще больше.

На слѣдующій день утромъ я узналъ, что земско-городское Совѣщаніе рѣшило во что бы то ни стало настаивать на амнистіи, постановивъ не расходиться до объявленія ея Правительствомъ. Въ виду этого, я рѣшилъ, что мое выступленіе при такомъ положеніи не только не могло принести пользы, но, наоборотъ, могло создать такую обстановку, при которой неизбежна была открытая борьба между Правительствомъ и земско-городскимъ Совѣщаніемъ, чего никакъ нельзя было допустить по условіямъ переживаемого момента. Поэтому я немедленно отправился къ ген. Миллеру и, вызвавъ его съ происходившаго въ это время засѣданія Правительства, изложилъ ему свою точку зрѣнія, настаивая на томъ, чтобы Правительство само отклонило какъ политическую амнистію, такъ и массовое помилованіе, поставивъ земско-городское Совѣщаніе передъ совершившимся фактомъ. Ген. Миллеръ тутъ же провелъ меня на засѣданіе Правительства, въ которомъ кромѣ него принимали участіе Зубовъ, Багриновскій, Цапенко и Скомороховъ.

Возбужденный мною вопросъ былъ немедленно поставленъ на повѣстку и я прочелъ Правительству докладъ, въ которомъ я настаивалъ на томъ,

что ни общая политическая амнистія, ни массовое помилованіе не допустимы, и указалъ на возможность лишь персональнаго помилованія нѣкоторыхъ лицъ по усмотрѣнію Временнаго Правительства Сѣв. Области, считая, что этимъ прерогативы Верховной власти Всероссійскаго Правительства не нарушаются, такъ какъ такое право по закону принадлежитъ даже власти Главнокомандующаго. При этомъ я указывалъ, что объявленіе амнистіи или массового помилованія будетъ принято широкими слоями населенія не какъ актъ свободнаго волеизъявленія, а какъ мѣропріятіе, вырванное подъ натискомъ земско-городскаго Совѣщанія, что создастъ впечатлѣніе о слабости власти и ея колебаніяхъ.

Единственнымъ оппонентомъ мнѣ оказался г. Скомороховъ, причемъ соображенія его свидѣтельствовали, что онъ былъ инспирированъ г. Гукоскимъ, нѣкоторые доводы котораго, уже знакомые мнѣ по комисіи земско-городскаго Совѣщанія, онъ повторялъ слово въ слово. Особенно меня поразили его рѣзкіе выпады противъ Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака, въ связи съ моимъ указаніемъ, что политическая амнистія составляетъ прерогативу послѣдняго.

Правительство, однако, согласилось съ основными положеніями моего доклада и постановило ходатайство земско-городскаго Совѣщанія объ общей политической амнистіи отклонить и признать лишь возможнымъ персональное помилованіе нѣкоторыхъ осужденныхъ, выборъ которыхъ произвести особо назначенной для этого комиссіей, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ представителей военнаго и гражданскаго судебныхъ вѣдомствъ, при участіи членовъ земско-городскаго Совѣщанія.

Рѣшеніе это на слѣдующій день было объявлено земско-городскому Совѣщанію вмѣстѣ съ актомъ объ роспускѣ его, причемъ постановленіе послѣдняго «не расходиться пока не будетъ дана общая амнистія» представляло собой чистѣйшій блѣфъ, такъ какъ хотя и меньшая, но все-таки значительная часть Совѣщанія была противъ такого рѣшенія и члены его мирно разъѣхались по домамъ, оставивъ лишь функционировать нѣсколько образованныхъ Совѣщаніемъ комиссій.

Требованіе амнистіи взбудоражило положительно все населеніе области, вызвавъ между прочимъ негодованіе на фронтѣ, гдѣ шла въ то время кровавая борьба съ большевиками, между тѣмъ, какъ выяснилось въ комисіи о «персональномъ помилованіи нѣкоторыхъ осужденныхъ» и еще раньше во время совѣщаній Правительства, вся шумиха была поднята политическими друзьями Бечина изъ демократическихъ и рабочихъ круговъ Архангельска, съ цѣлью его освобожденія. Но если земско-городское Совѣщаніе, руководимое интеллигенціей и сдерживаемое оппозиціей своего праваго крыла, не претворило въ дѣйствіе своей угрозы «не расходиться» послѣ отказа Правительства въ общей амнистіи, то рабочіе не склонны были къ такимъ половинчатымъ рѣшеніямъ и 1 Сентября въ Архангельскѣ вспыхнула политическая забастовка. Руководителемъ ея оказался специально организованный стачечный комитетъ, въ составъ котораго вошли предсѣдатель совѣта профессиональныхъ союзовъ Капустинъ и другіе члены того же совѣта.

Прокламаціи стачечнаго комитета начинались лозунгами: «Долой гражданскую войну», «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь» и содержали въ себѣ требованія политической амнистіи. Такъ какъ въ ночь съ 30 августа на 1 сентября началось общее наступленіе нашихъ войскъ,

что было прекрасно известно членамъ стачечнаго комитета, то несомнѣнно, что эти дѣйствія послали чисто измѣвлическій характеръ, вызвавъ сразу же забастовку портовыхъ рабочихъ, вслѣдствіе чего на фронтъ не могли быть отправлены баржи съ артиллерійскими снарядами, нагрузка которыхъ была прекращена принудительнымъ снятіемъ рабочихъ забастовщиками. Главнокомандующій въ это время былъ на фронтѣ и я отправился къ Нач. Штаба ген. К. для того, чтобы настоять на преданіи стачечнаго комитета и главарей забастовки за измѣну военно-полевому суду, съ чѣмъ ген. К. вполне согласился, а прибывшій вскорѣ ген. Миллеръ тоже одобрилъ принятіе этой мѣры. Однако послѣдняя не была осуществлена и виновные были только арестованы и высланы на Печору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ за подписью ген. Миллера появилось сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что хотя Правительству было заранѣе извѣстно, что именно въ рабочей средѣ ведется злонамѣренная пропаганда о необходимости сближенія и соглашенія съ большевиками, толкающая рабочихъ на такія дѣйствія и выступленія, которыя, разрушая нарождающіяся силы области и вновь предавая ее во власть Совѣтскихъ комиссаровъ, не могутъ быть названы иначе, какъ измѣной дѣлу освобожденія страны, но что Правительство не принимало какихъ либо репрессивныхъ мѣръ въ этомъ направленіи, твердо вѣря, что здравый смыслъ и сознание долга подскажетъ каждому гражданину сознание недопустимости нарушенія спокойнаго хода общественной жизни въ настоящее время. Захвативъ экземпляръ этого воззванія, я отправился къ ген. Миллеру и доложилъ ему, что воззваніе это напоминаетъ мнѣ заявленіе Керенскаго, неоднократно повѣщавшаго въ своихъ выступленіяхъ о томъ, что хотя Временное Правительство и освѣдомлено относительно готовящихся посягательствъ на его власть, но «что оно столь авторитетно, что не нуждается въ защитѣ своего авторитета». Указавъ, что врядъ ли Правительство Сѣверной Области имѣетъ основаніе позволить себѣ по условіямъ переживаемаго момента и реальнаго соотношенія силъ такую роскошь, чтобы игнорировать заранѣе извѣстное ему посягательство на самое его существованіе, я совершенно откровенно заявилъ, что считаю, что въ этомъ обращеніи къ населенію заключаются указанія на попустительство высшихъ властей къ государственной измѣнѣ, или на бездѣйствіе власти, уже имѣвшее свои важныя послѣдствія въ видѣ политической забастовки.

Къ этому же моменту у меня въ рукахъ были интересныя данныя о вдохновителяхъ и подстрекателяхъ къ политической амнистіи, съ цѣлью выпуска на свободу своихъ единомышленниковъ, а также къ натиску на Правительство для захвата власти. Данныя эти получены были мною отъ начальника военно-регистраціонной службы, бывшаго судебнаго слѣдователя Арх. Окр. Суда Р., нынѣ уже разстрѣляннаго большевиками, въ рукахъ котораго была сосредоточена розыскная служба въ предѣлахъ Сѣверной Области.

Оказалось, что въ указанный періодъ члены Правительства, Скомоуховъ (с.-р.) и Едовинъ (с.-р.), предѣдатель совѣта профессиональныхъ союзовъ, Капустинъ (с.-р.) и защитникъ Бечина, Гуковскій (с.-р.) имѣли постоянныя секретныя совѣщанія съ прибывшимъ изъ за границы виднымъ эсеромъ, членомъ Учредительнаго Собранія и бывшимъ секретаремъ Керенскаго, докторомъ Борисомъ Соколовымъ, прибывшимъ въ нашу область по порученію группы Керенскаго, Минора, Зензинова и др., для связи съ

мѣстными эсерами и руководства ихъ дѣятельностью. Прибытіе его сразу же отразилось на мѣстной печати, такъ какъ стоявшая до сихъ поръ за поддержку Правительства газета «Возрожденіе Сѣвера» (органъ социалистической мысли) взяла рѣзко-оппозиціонный тонъ и въ ней появился цѣлый рядъ статей доктора Соколова за подписью Бориса Чужого, въ которыхъ онъ рѣзко порицалъ адмирала Колчака, указывая, что «теперь всякій проходимецъ пытается захватить власть путемъ обѣщанія доставить голодному народу хлѣбъ», и призывалъ демократію въ лицѣ рабочихъ и крестьянъ сплотиться, такъ какъ власть должна принадлежать самому народу, а не офицерамъ, которые «позволили себѣ въ пьяномъ видѣ свергнуть Директорію». Изъ того же источника мнѣ стало извѣстно, что въ описанный моментъ отъ группы Керенскаго были получены директивы приступить немедленно, въ виду того, что дни Совѣтской власти сочтены, къ захвату власти въ царствѣ бѣлыхъ генераловъ, не останавливаясь передъ мѣрами террора, такъ какъ иначе власть останется въ рукахъ буржуазіи, кадегъ и бѣлогвардейскаго офицерства. Эти свѣдѣнія давали возможность разобраться во всѣхъ нашихъ разнообразныхъ событіяхъ и связывали послѣднія единой цѣлью, которую опять намѣтилъ, какъ и въ мартовскомъ выступленіи Бечина, партійный центръ, находившійся за границей. Становилась ясной и позиція социалистическаго блока земско-городскаго Совѣщанія въ вопросѣ о политической амнистіи и реконструкціи власти съ вдохновителемъ въ лицѣ «эксперта» г. Гуковскаго, поведение г. Скоморохова въ Правительствѣ при отклоненіи амнистіи и забастовка рабочихъ, которые подъ вліяніемъ использовавшихъ нашу внутреннюю борьбу большевиковъ, какъ всегда, пошли дальше своихъ подстрекателей, провозгласивъ конецъ гражданской войнѣ.

Между тѣмъ Правительство, не ограничиваясь помилованіемъ и смягченіемъ участи только тѣхъ лицъ, за которыхъ высказалась компрессія, но подъ вліяніемъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ просьбъ осужденныхъ и ихъ родственниковъ, поднятыхъ на ноги слухами объ общей амнистіи, продолжало выпускать одного за другимъ на свободу видныхъ совѣтскихъ дѣятелей, сводя этимъ на нѣтъ всю дѣятельность судебныхъ властей и создавая въ населеніи впечатлѣніе о чрезмѣрной строгости и явной неправосудности ихъ приговоровъ.

Не рѣшившись отклонить совѣмъ поступившее къ нему ходатайство членовъ земско-городскаго Совѣщанія о помилованіи Бечина, Павлочнаго, Цейтлина и Ключева, Правительство постановило освободить ихъ «въ случаѣ представленія ими достаточныхъ гарантій, что будучи освобождены они явятся не противниками, а пособниками въ дѣлѣ борьбы съ большевиками», то-есть стало въ плоскость заключенія недопустимыхъ и не имѣвшихъ никогда мѣста договорныхъ соглашеній между преступниками съ одной стороны и той Верховной Властью, которая ихъ милуетъ съ другой. Сношенія съ названными осужденными для полученія отъ нихъ заявленій «съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ не выступать болѣе противъ Правительства Сѣв. Области» было возложено на Управляющаго Отд. Внутр. Дѣлъ Багриновскаго, который, по остроумному выраженію Прокурора Арх. Окр. Суда г. Д., вошелъ въ «оживленную переписку съ кліентами послѣдняго».

Объявленіе англичанъ населенію объ эвакуаціи. Разведе-
деніе ими паники въ войскахъ и населеніи. Возставіе на
Мудюгѣ. Осадное положеніе

Наступили тревожные дни, полные самой лихорадочной дѣятельности. Англійское командованіе открыто объявило населенію и войскамъ о своемъ предстоящемъ уходѣ изъ Области. Всюду на видныхъ мѣстахъ города появились специально выстроенныя деревянныя подстановки для плакатовъ, ярко освѣщенные по ночамъ электричествомъ. На нихъ каждый день стали появляться аншлаги англійскаго командованія самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ съ призывами къ населенію снѣшить покинуть область вмѣстѣ съ союзниками. Въ этихъ объявленіяхъ нѣсколько разъ повторялось предложеніе ген. Айронсайда «поторопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ послѣдній пароходъ» отходить тогда то, послѣ чего англійское командованіе снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за безопасность оставшихся жителей, не пожелавшихъ эвакуироваться вмѣстѣ съ союзниками.

Легко можно себѣ представить, какую панику вызывали эти объявленія въ обывательскихъ кругахъ, въ испуганномъ воображеніи которыхъ, подъ вліяніемъ этихъ воззваній, сразу же послѣ ухода союзниковъ рисовался бунтъ, захватъ области большевиками и рѣзня ими «ирезрѣнныхъ наемниковъ и прихвостней англо-французскаго капитала», о чемъ въ своей агитационной литературѣ возвѣщали большевики, которые, конечно, пользовались въ своихъ интересахъ разведенную союзниками панику. Однако, пароходы уходили съ большимъ количествомъ пустыхъ мѣстъ, такъ какъ воспользоваться совѣтомъ эвакуироваться могли только или люди со средствами; могущіе рассчитывать устроиться за границей, или тѣ, кто имѣлъ интересы на югѣ и въ новообразовавшихся окраинныхъ государствахъ; средній же обыватель, связанный съ Архангельскомъ своей служебной или частной дѣятельностью, хотя и трепеталъ за свою судьбу, могъ только съ завистью смотрѣть на отъѣздъ счастливицковъ. Мнѣ пришлось присутствовать при отъѣздѣ иностранныхъ миссій, на одномъ пароходѣ съ которыми отъѣзжали сливки архангельскаго буржуазнаго общества, въ томъ числѣ и довольно большая иностранная колонія Архангельска. Провожать ихъ являлось польгорода, при чемъ если у провожавшихъ настроеніе было невеселое, то отъѣзжающіе чувствовали себя тоже неважно, являя въ своихъ собственныхъ глазахъ «крысъ, бѣгущихъ съ тонущаго корабля». Среди нихъ было довольно много спекулянтовъ, связанныхъ своей коммерческой дѣятельностью съ союзниками и прибѣгнувшихъ къ ихъ могучему авторитету для полученія разрѣшенія покинуть область, такъ какъ къ этому времени была объявлена широкая мобилизація въ армію и національное ополченіе. Многіе возмущались ихъ бѣгствомъ, но я радовался такому «очищенію атмосферы», зная что они все равно принесли бы намъ одинъ вредъ, если бы мы ихъ задержали принудительно въ области. Такую точку зрѣнія раздѣлялъ и ген. Миллеръ.

Любопытно прошелъ на моихъ глазахъ и отъѣздъ французской военной миссії во главѣ съ полк. Д. Незадолго до своего отъѣзда полк. Д. обратился къ Командующему морскими силами адмиралу П. съ требованіемъ доставить ему особый пароходъ для увоза во Францію пустыхъ бочекъ отъ

проданнаго намъ краснаго вина, такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ и область можетъ этимъ отблагодарить французовъ за ту помощь, которую они ей оказали. Адмиралъ въ самой категорической формѣ отказалъ въ предоставленіи парохода, заявивъ, что врядъ ли Франція больше заинтересована въ пустыхъ бочкахъ, чѣмъ въ спасеніи человѣческихъ жизней своей союзницы, для чего предполагается тотъ скромный русскій тоннажъ, который остается въ распоряженіи адмирала, на случай эвакуаціи женщинъ и дѣтей, если таковая потребуется послѣ ухода союзниковъ. Получивъ отказъ, полк. Д. зафрахтовалъ небольшой пароходъ Соловецкаго монастыря «Михаилъ Архангелъ», который долженъ былъ доставить миссію съ пустыми бочками до Мурмана. Расчетливые монахи, кромѣ пустыхъ французскихъ бочекъ, погрузили обернутую въ рогожу смолу, заваливъ этимъ грузомъ всю верхнюю палубу, по которой сповали съ иглочки одѣтые французскіе офицеры, старавшіеся не выпачкаться въ смолѣ, и среди нихъ полк. Д., возмущенный тѣмъ, что монахи нарушили договоръ и погрузили на пароходъ посторонній грузъ. Насъ такой отъѣздъ представителей «исконной союзницы Россіи» болѣе смѣшля, чѣмъ возмущалъ, хотя мы не могли не испытывать ослабленія своихъ союзническихъ симпатій. Пріятно было сознавать въ эту минуту, что несмотря на всю неясность и непрочность нашего положенія и трагическое состояніе нашей родины, въ переживаемый моментъ моральный ущербъ наносился не нашему національному самолюбію.

За дня два до отъѣзда французской военной миссіи, на Мудюгѣ произошелъ бунтъ каторжанъ, главная масса которыхъ состояла изъ осужденныхъ агентовъ Совѣтской власти. Поводомъ къ бунту послужили слухи о томъ, что союзники покинули Архангельскъ и что тамъ власть перешла въ руки красныхъ. Возставшіе бросились на конвойныхъ, перебили ихъ, а затѣмъ направились къ зданію, занимаемому стражей, для захвата оружія. Къ счастью находившіеся тамъ семь стражниковъ не растерялись и открыли по нападавшимъ пулеметный и ружейный огонь, которымъ было убито и ранено нѣсколько бунтовщиковъ. Такой исходъ столкновения со стражей, видимо, побудилъ большую часть арестантовъ уклониться отъ пріятія участія въ бунтѣ и изъ тюрьмы сбѣжало только 52 человѣка, которые на лодкахъ, заранѣе приготовленныхъ для нихъ ихъ единомышленниками изъ числа косившихъ на Мудюгѣ сѣно крестьянъ, покинули Мудюгъ и высадились на материкъ, предварительно сваливъ телеграфные столбы и перерѣзавъ проволоку, чѣмъ и вызвали временное прекращеніе сношеній съ Мудюгомъ. Пришлось отправить небольшой карательный отрядъ съ военно-полевымъ судомъ, для поимки сбѣжавшихъ, выясненія виновныхъ и преданія ихъ суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Произведеннымъ разслѣдованіемъ была установлена виновность 11 лицъ, принимавшихъ самое активное участіе въ бунтѣ въ качествѣ руководителей, которые были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда, причемъ во время разстрѣла они кричали: «Да здравствуетъ Совѣтская власть». Въ числѣ ихъ оказалось нѣсколько человѣкъ, о полномъ помилованіи которыхъ ходатайствовали члены земско-городскаго Совѣщанія, увѣряя, что они оказались совѣтскими дѣятелями по недоразумѣнію и ручаясь за ихъ лояльность. Возстаніе на Мудюгѣ блестяще иллюстрировало справедливость противоположной точки зрѣнія и дальнѣйшее помилованіе осужденныхъ дѣятелей Совѣтской власти было приостановлено спеціальнымъ правительственнымъ актомъ. Большинство изъ бѣжавшихъ съ

Мудюга арестантовъ было переловлено крестьянами, доставившими ихъ властямъ, и только нѣкоторымъ удалось бѣжать къ краснымъ такъ называемой «каторжной троицей», проходившей въ районѣ Пинежскаго фронта.

Для обезпеченія порядка въ городѣ въ связи съ уходомъ союзныхъ войскъ, на основаніи исключительныхъ правъ, предоставленныхъ по закону Главпокомандующему, были приняты энергичныя мѣры къ очищенію города отъ всякихъ подозрительныхъ и преступныхъ большевистскихъ элементовъ путемъ высылки ихъ на Юкангу, изолированный полуостровъ, лежащій недалеко отъ Мурмана. Въ основу оцѣнки степени неблагонадежности подлежащихъ высылкѣ лицъ былъ положенъ матеріалъ, собранный Отдѣломъ военно-регистраціонной службы въ порядкѣ внутренняго розыска и проверенный въ особой комиссіи съ участіемъ представителей администраціи и военно-судебнаго вѣдомства. Несомнѣнно, что среди высланныхъ могло очутиться нѣсколько человекъ, попавшихъ туда по недоразумѣнію, въ виду проведенія этой высылки въ спѣшномъ порядкѣ, но они были возвращены съ Юканги съ первыми же пароходами; остальная же масса была вполне достойна своей участи и относительно ея возникалъ только вопросъ, выбросить ли ее къ ея политическимъ друзьямъ за линію фронта или отправить на Юкангу. Рѣшено было не усиливать непріятеля приютомъ свѣжихъ силъ и отправить ихъ на Юкангу, присоединивъ къ нимъ «населеніе» Архангельской тюрьмы и только что бунтовавшаго Мудюга. Все это составило довольно внушительную цифру въ 1200 человекъ, изъ которыхъ только 400 человекъ были высланы въ административномъ порядкѣ, а остальные принадлежали къ преступному элементу, осужденному по приговорамъ военнаго и гражданскаго судовъ.

Мѣра эта произвела сильное и отрезвляющее впечатлѣніе на населеніе Архангельска. Всѣмъ стало ясно, что власть оставила путь слабости и колебанія и твердой рукой рѣшила подавить всякое посягательство на ея авторитетъ. Для усиленія боеспособности Архангельскаго гарнизона все надежное и могущее владѣть оружіемъ населеніе Архангельска было призвано въ національное ополченіе, возросшее до 2000 человекъ, не считая отправленныхъ на фронтъ для окарауливанія штабовъ, дорогъ и конвоированія арестантовъ и плѣнныхъ. Изъ находившихся на службѣ въ штабахъ и учрежденіяхъ Архангельска офицеровъ и чиновниковъ была сформирована особая офицерская рота, снабженная въ изобиліи пулеметами, къ которой по тревогѣ должны были примыкать пріѣзжавшіе съ фронта офицеры, что въ общей сложности обезпечивало 400 человекъ надежныхъ бойцовъ, жившихъ въ одномъ спеціально особо освѣщаемомъ по ночамъ районѣ, гдѣ было приказано поселиться всѣмъ офицерамъ.

Расположенные въ Архангельскѣ части изъ изжившихъ большевизмъ красныхъ военноплѣнныхъ, благодаря своимъ блестящимъ руководителямъ и отлично подобранному офицерскому составу не ввухали никакихъ опасеній и тревогу возбуждали только морскія силы въ лицѣ экипажа броненосца «Чесмы», гдѣ по даннымъ военно-регистраціонной службы красные имѣли прочное гвѣздо. Несмотря на то, что на «Чесмѣ» было около 30 офицеровъ и 80 человекъ національнаго ополченія, соотношеніе силъ было все въ пользу бѣлыхъ, такъ какъ изъ матросской команды въ 400 человекъ едва можно было насчитать 100 человекъ благонадежныхъ. Послѣ переговоровъ съ адмираломъ удалось разгрузить «Чесму» отъ неблагонадежныхъ элементовъ:

200 человекъ было списано и отправлено для несенія гарнизонной службы въ Холмогорскій уѣздъ, причемъ ихъ вооружили японскими ружьями, къ которымъ не было патроновъ. Кромѣ того съ «Чесмы» были сняты все тяжелые снаряды. Такимъ образомъ, все мѣры на случай возстанія были приняты и, имѣя ночью подъ рукою винтовку и патроны, можно было спокойно спать до того момента, когда троекратный гудокъ сирены далъ бы намъ знать о тревогѣ и необходимости спѣшить на сборный пунктъ.

Между тѣмъ англійское командованіе не ограничило разведеніемъ паники въ тылу, а перенесло свою дѣятельность и на фронтъ, гдѣ имъ было предложено эвакуироваться всемъ бойцамъ, принадлежавшимъ къ самоопредѣлившимся націямъ, а также русскимъ добровольцамъ, состоявшимъ на службѣ въ славяно-британскихъ легіонахъ. Къ счастью, лучшіе солдаты послѣднихъ подъ вліяніемъ своихъ офицеровъ остались на фронтѣ. Затѣмъ началось снятіе съ фронта англійскихъ частей, сопровождаемое порчей и уничтоженіемъ излишняго военного имущества. На глазахъ нашихъ солдатъ на фронтѣ и населенія въ тылу началась порча и сожженіе аэроплановъ, утопленіе въ рѣкѣ имущества, снарядовъ, патроновъ, муки и консервовъ. Въ Селецкомъ районѣ французскій легіонъ былъ снятъ съ фронта англійскимъ командованіемъ во время боя и была прервана связь нашихъ войскъ со Штабомъ снятіемъ техническихъ средствъ связи. Въ Архангельскѣ публика сдѣлалась свидѣтельницей утопленія въ Сѣв. Двинѣ пускаемыхъ для этого въ ходъ пустыхъ автомобилей и громаднаго количества патроновъ. Въ защиту такого поведенія англійскаго командованія приводилось указаніе, что всемъ необходимымъ мы были снабжены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало въ руки большевиковъ, такъ какъ англичане не вѣрили въ то, что мы удержимся безъ нихъ на Сѣверѣ. Если самую причину ликвидаціи имущества можно было съ извѣстной натяжкой признать основательной, то какъ и чѣмъ можно было оправдать самый способъ такой ликвидаціи? Почему она производилась не скрытно по ночамъ, а открыто на глазахъ населенія и нашихъ войскъ? Неужели авторы такихъ мѣръ не учитывали того деморализующаго вліянія, которое овѣ оказывали на наши войска? Неужели вѣрно, что это продѣлывалось умышленно съ цѣлью сорвать нашъ фронтъ для доказательства правильности ихъ соображеній о необходимости нашей эвакуаціи или это была «провокація» съ добрыми побужденіями съ цѣлью вызвать возстаніе и побудить насъ эвакуироваться вмѣстѣ? Все эти вопросы получаютъ правильные отвѣты лишь въ порядкѣ историческаго освѣщенія пережитыхъ нами тогда событій и мысль современниковъ послѣднихъ безсильна вскрыть ихъ причину, но факты остаются фактами, замалчивать ихъ вельзя, такъ же какъ вельзя удержаться отъ постановки вопросовъ объ ихъ причинахъ.

Какіхъ послѣдствій можно было ожидать отъ всего этого хаоса, создавнаго уходомъ союзниковъ, политиканствомъ земско-городскаго Совѣщація и обывательской тревоги при бѣшеннѣйшей агитаціи большевиковъ, старавшихся использовать благоприятный моментъ? Возстанія? Развала фронта? Ближайшая дѣйствительность подарила намъ побѣдой, которая дала намъ 8000 плѣнныхъ при двадцатитысячномъ составѣ нашей арміи. Войска всехъ районовъ конкурировали другъ съ другомъ въ своей доблести и наступательномъ порывѣ, а Онежскій районъ, въ которомъ англичане проявили передъ своимъ уходомъ такое безсиліе, располагая крупными морскими и сухопутными

силами, былъ очищенъ «волчьей сотней» въ 160 человекъ, въ которую вошли 60 офицеровъ и 100 солдатъ добровольцевъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на ряду съ нашими войсками на Желѣзнодорожномъ фронтѣ дрались 80 человекъ австралійцевъ, принявшихъ добровольно по своему собственному почину участіе въ нашемъ наступленіи. Воспитанные на охотѣ на дикихъ звѣрей, смѣлые, стремительные, великолѣпно владѣющіе оружіемъ они бросались въ атаку, имѣя обыкновенно ножи въ зубахъ, чтобы въ нужную минуту пустить въ ходъ это излюбленное ихъ оружіе, наводя на большевиковъ панику своимъ видомъ ковбоевъ, на которыхъ они были похожи своими круглыми широкополыми шляпами. Командующій ими майоръ былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги и ему грозила ампутація. За свою доблесть онъ былъ награжденъ георгіевскимъ оружіемъ.

Наши неожиданные успѣхи еще разъ подтвердили правильность того положенія, что мы являемся страной «неограниченныхъ возможностей», но несомнѣнно, что нѣкоторыя причины наступательнаго порыва и успѣха нашихъ войскъ понятны и могли быть заранее учтены: 1) противникъ въ то время терпѣлъ поражение на всѣхъ фронтахъ; нашего наступленія онъ никакъ не ожидалъ и оно его застало врасплохъ и 2) крестьяне наши только что собрали урожай, который они не склонны были отдать безпощадно реквизирующему все непріятелю. Въ числѣ непредвидѣнныхъ причинъ подъема настроенія и наступательной энергіи войскъ необходимо отмѣтить довольно интересный взглядъ на уходъ союзниковъ солдатской среды, извѣстный мнѣ со словъ многихъ строевыхъ офицеровъ: «Для англичанъ мы не желали захватывать землю, а для себя будемъ». Очевидно господство и безцеремонное хозяйничаніе у насъ англійскаго командованія создало у нихъ на фонѣ агитаціи большевиковъ «о хищничествѣ и эксплуатаціи русскаго народа англо-французскимъ капиталомъ» представленіе о томъ, что союзники, а особенно англичане, оказывая намъ помощь, преслѣдуютъ свои корыстные интересы.

Уходъ англичанъ производился постепенно и окончательная эвакуація Архангельска предполагалась въ среднихъ числахъ октября, но въ ночь съ 26 на 27 сентября они незамѣтно исчезли. Когда утромъ 27 я выѣхалъ изъ своей квартиры на автомобилѣ къ адмиралу И., штабъ котораго находился на яхтѣ «Ярославна», стоявшей у пристани дальняго плаванія, меня поразили царившія въ городѣ безлюдіе и тишина. Проѣзжая мимо Главнаго Штаба Союзныхъ войскъ и зданія Ломоносовской гимназіи, занимаемой шотландскими войсками, я вмѣсто англійскихъ часовыхъ замѣтилъ нашихъ, что навело меня на мысль, что англичане уже ушли, но окончательно все для меня разъяснилось, когда я выѣхалъ на набережную Сѣв. Двины: рѣка была совершенно пуста, такъ какъ на ней виднѣлись только «Чесма», «Ярославва» и два три мелкихъ нашихъ парохода.

Порядокъ въ городѣ царилъ образцовый и онъ весь представлялся мнѣ въ какомъ то совершенно новомъ освѣщеніи. Когда я черезъ нѣкоторое время, отпустивъ автомобиль, шелъ уже пѣшкомъ и подошедшій ко мнѣ веселый и сіяющій офицеръ Штаба адмирала Колчака штабсъ-кап. Б. радостно заявилъ: «Поздравляю васъ, мы опять въ Россіи, какъ вамъ нравится русскій городъ Архангельскъ?», для меня ясно стало, почему этотъ городъ, къ которому я уже успѣлъ привязаться, кажется мнѣ сегодня особенно милымъ и дорогимъ.

На углахъ публика читала только что вывѣщенные приказы Главкома-
дующаго объ осадномъ положеніи, по своему объясняя другъ другу, въ чемъ
оно состоитъ. Видно было, что объявленіе его произвело надлежащее впе-
чатлѣніе, указывая на то, что власть сильна и стоитъ на стражѣ порядка.

Черезъ двѣ недѣли Главкомандующій отмѣвилъ осадное положеніе,
поблагодаривъ населеніе въ особомъ обращеніи за тотъ порядокъ и дис-
циплину, которые оно обнаружило въ этотъ критическій моментъ существо-
ванія области.

Часть III

Послѣ ухода союзниковъ

Глава I

Положеніе Области въ военномъ отношеніи. Командный составъ, офицерскій корпусъ и солдатская масса. Боевая дѣятельность и досугъ. Культурно-просвѣтительная дѣятельность Штаба. Передвижная группа во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ

Сѣверная Область образовалась въ порядкѣ вооруженной борьбы съ большевиками. Всѣ ея силы, какъ интеллектуальныя, такъ и матеріальныя, были напряжены для достиженія успѣха въ этой борьбѣ, а потому первыя страницы этого отдѣла моихъ воспоминаній будутъ посвящены военнымъ дѣламъ.

Временное Правительство Сѣверной Области проявляло самую широкую заботливость о войскахъ области, идя всегда навстрѣчу всѣмъ требованіямъ военнаго командованія по улучшенію быта солдатъ и офицеровъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Нигдѣ, ни на одномъ бѣломъ фронтѣ офицеры и солдаты не получали такого содержанія, какъ у насъ, причемъ оклады измѣнялись въ зависимости отъ паденія нашего рубля и повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Семьи солдатъ были обезпечены прекраснымъ пособіемъ, но еще лучше были обезпечены семьи офицеровъ, находившіяся за границей, которыя получали болѣе чѣмъ приличное пособіе въ валютѣ. Положа руку на сердце, каждый офицеръ Сѣверной Области можетъ сказать, что Временное Правительство Сѣверной Области сдѣлало максимумъ того, что оно могло сдѣлать для его матеріальнаго обезпеченія, и даже тогда, когда насъ постигла катастрофа, оно приняло на свои средства содержаніе въ лагеряхъ болѣе двухъ тысячъ бѣженцевъ, среди которыхъ основную массу составляли солдаты и офицеры со своими семьями, а при ликвидаціи лагерей снабдило ихъ всѣхъ пособіями, достаточными для того, чтобы до присканія работы временно не очутиться въ безвыходномъ положеніи. Для того, чтобы оцѣнить всю эту заботливость, надо только вспомнить, что испытали чины Сѣверо-западной арміи ген. Юденпча послѣ ея ликвидаціи. Однимъ словомъ, при отличномъ пайкѣ и обмундированіи офицеры

и солдаты Сѣверной арміи находились въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ они не скоро очутятся при возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи, чему, правда, мы въ значительной степени были обязаны англичанамъ.

Во внутреннюю жизнь и организацію арміи Временное Правительство абсолютно не вмѣшивалось, предоставляя полную свободу дѣйствій генералу Миллеру, къ которому оно относилось съ полнымъ и исключительнымъ довѣріемъ. Вся военная власть принадлежала Главнокомандующему всѣми русскими вооруженными силами на Сѣверномъ фронтѣ ген. Миллеру, который входилъ въ составъ Правительства съ правами Военнаго и Морского Министра.

Въ его же рукахъ находились иностранныя дѣла и вѣдомство путей сообщенія, а къ внутреннимъ дѣламъ онъ также имѣлъ самое близкое отношеніе, сначала въ качествѣ Генераль-Губернатора, а затѣмъ Главнокомандующаго черезъ свою гражданскую канцелярію.

Однако, онъ не ограничивался этимъ и принималъ самое активное участіе въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, входившихъ въ компетенцію Вр. Правительства, стараясь выкинуть и изучить какъ земельный и рабочій вопросы, такъ и ознакомиться съ тѣми основами, которыя обезпечиваютъ правильное отправленіе правосудія.

За исключеніемъ 5, 6 часовъ, удѣляемыхъ сну, ген. Миллеръ былъ остальное время въ работѣ. Эта самоотверженная работа стяжала ему заслуженную популярность какъ въ широкихъ кругахъ населенія, такъ и въ солдатской массѣ. Послѣднюю онъ подкупалъ не пышными рѣчами и игрой на популярности, а своей неустанной заботливостью объ улучшеніи ея быта и матеріальныхъ нуждъ, что больше всего цѣнитъ нашъ народъ.

Популярность его въ обществѣ и политическихъ кругахъ носила исключительный характеръ. Какія бы перемѣны въ составѣ Правительства у насъ не происходили, никогда никакихъ возраженій противъ нахождения его въ составѣ Правительства не было и этого ген. Миллеръ достигъ не подыгрываніемъ къ тѣмъ или инымъ политическимъ кругамъ, а своимъ безкорыстнымъ идейнымъ служеніемъ родинѣ, полнымъ безпристрастіемъ и невмѣшательствомъ въ политическую борьбу при отсутствіи всякихъ диктаторскихъ замашекъ и контръ-революціонныхъ тенденцій.

Недаромъ мнѣ приходилось слышать заявленія нѣкоторыхъ ответственныхъ демократическихъ дѣятелей, что судьба особенно благоволила къ Сѣверной Области, пославъ ей такого «конституціоннаго» по своей натурѣ генерала.

По свойствамъ своего характера ген. Миллеръ былъ скорѣй администраторомъ, чѣмъ Главнокомандующимъ, администраторомъ идеальнымъ въ условіяхъ нормальнаго мирнаго времени по своему умѣнію уловить пульсъ общественно-политической жизни, пайти удовлетворяющую всѣхъ линію компромисса и съ удивительнымъ терпѣніемъ и выдержкой, сохраняя полное безпристрастіе и спокойствіе, слѣдовать въ своей дѣятельности по этой линіи.

Извѣстно, при какихъ условіяхъ сформировался Штабъ Главнокомандующаго и принялъ на себя какъ управленіе войсками, такъ и снабженіе ихъ. Англичане, уходя, все побросали, такъ что надо было приступить къ розыску и регистраціи въ большомъ количествѣ оставленнаго ими имущества, а затѣмъ къ приему и организаціи его храненія и выдачи. Это

совпало съ принятіемъ имъ на себя руководства боевой дѣятельностью войскъ, которыя не находились въ то время на отдыхѣ, а перешли въ эвергичное наступленіе. Если вспомнить при этомъ, что въ Штабѣ ген. М—скаго даже не существовало оперативнаго отдѣленія и что этотъ штабъ ни самъ не подготовился и не подготовилъ никакихъ кадровъ для принятія имущества отъ англичанъ, то ставеть понятно, какая задача выпала на вновь сформированный Штабъ Главнокомандующаго. Даже враги его руководителя ген. К. должны признать, что Штабъ какъ никакъ, во справился съ выпавшей на него тяжелой ролью, благодаря интенсивной работѣ, которая кипѣла въ немъ съ утра до вечера и часто съ вечера до утра, вдохновителемъ которой былъ самъ Начальникъ Штаба, поражавшій всѣхъ своей работоспособностью и выносливостью, несмотря на свой солидный возрастъ.

Руководство боевой дѣятельностью на фронтѣ находилось въ рукахъ командующихъ войсками раіоновъ, изъ числа которыхъ своимъ мужествомъ и доблестью выдѣлялись командовавшій послѣдовательно Двинскимъ, а затѣмъ Желѣзнодорожнымъ раіономъ Ген. Штаба генералъ кн. М., отличавшійся, кромѣ того, большими способностями въ проведеніи поручаемыхъ ему военныхъ операцій и командовавшій послѣ него Желѣзнодорожнымъ раіономъ, вплоть до самаго паденія фронта, ген. В. Послѣдній сильно уступалъ кн. М. въ руководствѣ боевою дѣятельностью, но зато отличался выдающейся храбростью, принимая личное участіе въ атакахъ впереди своихъ войскъ.

Съ именами кн. М. и ген. В. связавы неразрывно самыя блестящія страницы нашей боевой дѣятельности на Двинѣ и въ Желѣзнодорожномъ раіонѣ.

Войсками Двинскаго раіона командовалъ немного тяжеловатый на подъемъ, но старый опытный солдатъ ген. Д., не терявшій обыкновенно головы въ переживаемыя нами тяжелыя минуты.

Командованіе войсками Пинежско-Мезенскаго раіона находилось въ рукахъ престарѣлаго ген. П., абсолютно неумѣвшаго сообразоваться съ потребностями текущаго момента и изводившаго своихъ подчиненныхъ мелочными требованіями соблюденія воинскаго артикула и настойчивымъ проведеніемъ въ жизнь всѣхъ приказаній Нач. Штаба ген. К., какъ бы они ни были ипогда неосуществимы. Его громадными достоинствами были безукоризненная честность и заботливость о солдатахъ, а также трезвый и религіозный образъ жизни, что несомнѣнно дѣлало старика популярнымъ въ солдатской средѣ, бывшей въ періодъ его предшественника полк. Н. свидѣтельницей пьянства и хищеній. Всей своей фигурой, взглядами, онъ принадлежалъ далекому прошлому «временъ Очакова и покоренья Крыма» и нѣкоторыя распоряженія его носили положительно анекдотическій характеръ. Такъ на примѣръ отсылка въ «тайную» развѣдку въ раіонъ непріятели сопровождалась молитвословіемъ съ колокольнымъ звономъ, такъ что скоро всѣ жители, а черезъ нихъ, конечно, и противникъ были въ курсѣ дѣла этой секретной дѣятельности генерала.

Офицерскій корпусъ состоялъ изъ весьма разнообразныхъ элементовъ, которые однако можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: мобилизованные мѣстные офицеры, прибывшіе въ область добровольцы и офицеры, доставленные въ область англичанами тоже по добровольному своему желанію изъ англійскихъ лагерей, куда они попали послѣ разгрома Скоропадскаго на

Украинѣ. Основную массу этихъ трехъ группъ составляли офицеры военного времени, а кадровые представляли среди нихъ рѣдкое исключеніе.

Мѣстные офицеры, связанные съ краемъ прочными интересами частнаго или служебнаго характера раздѣлялись тоже на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличавшіяся категоріи. Одни изъ нихъ не склонны были къ активной борьбѣ, учитывая возможность перехода области къ противнику, а поэтому старались преимущественно устроиться въ тыловыхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ и въ моменты военныхъ кризисовъ въ нихъ всегда очень громко говорили инстинкты самосохраненія. Другая группа мѣстныхъ офицеровъ принадлежала къ самымъ доблестнымъ и самоотверженнымъ бойцамъ, покрывшимъ свои имена неувядаемой славой. Среди нихъ необходимо отмѣтить «Тарасовцевъ» и «Шенкурцевъ», вышедшихъ изъ простой среды партизанъ-крестьянъ Шенкурскаго уѣзда и Тарасовскои волости. Правда, офицерскаго въ нихъ было очень мало, такъ какъ по своему образованію и развитію они очень мало отличались отъ солдатской массы, изъ которой вышли сами и для которой были мало авторитетны. Солдаты въ нихъ видѣли своихъ школьныхъ и деревенскихъ товарищей и имъ трудно было признать надъ собой авторитетъ и дисциплинарную власть «Колекъ» или «Петекъ» и величать ихъ «г. поручикъ», а часто даже «г. капитанъ» и «г. подполковникъ», такъ какъ производство носило у насъ интенсивный характеръ. Къ сожалѣнію, среди шенкурцевъ, которые были сосредоточены въ 3 Сѣв. стрѣлковомъ полку, царило пьянство съ тяжелыми эксцессами въ тылу, составлявшими богатую хронику обвинительныхъ актовъ военно-окружнаго суда Сѣверной Области.

Этой слабости были, хотя и въ значительно меньшей степени, подвержены и другія категоріи офицерства; она давала крупный козырь для агитаціи большевиковъ и положительно составляла нашъ бичъ, несмотря на принимаемая крутыя мѣры вплоть до разжалованія въ рядовые въ административномъ порядкѣ. Но не будемъ безпощадно строги къ нимъ, вспомнимъ, что они 6-ой годъ смотрѣли въ глаза смерти, что они принимали участіе въ братоубійственной гражданской войнѣ, тяжело ложившейся на ихъ душу, и что они рисковали ежеминутно быть убитыми своими же подчиненными во время очереднаго возстанія. Многіе чыяные эксцессы носили такой изступленный истерическій характеръ, давали такую картину душевнаго надрыва подъ тяжестью слишкомъ сильныхъ для человѣческой психики впечатлѣній, что мы считали необходимымъ подходить къ оцѣнкѣ ихъ не съ формально-юридической точки зрѣнія, а какъ къ явленіямъ психо-патологическаго характера, тѣмъ болѣе, что часто виновниками ихъ были самые отважные офицеры, совершавшіе на фронтѣ положительно чудеса храбрости.

Прибывшіе въ область офицеры въ большей своей части отличались тоже мужественнымъ и доблестнымъ исполненіемъ своего долга. Къ сожалѣнію, между ними не было полной солидарности, такъ какъ офицеры, спасенные на Украинѣ отъ большевиковъ пѣмцами, не смотря на болѣе чѣмъ внимательное отношеніе къ нимъ въ англійскихъ лагеряхъ, вплоть до полученія каждымъ подарка отъ англійскаго короля въ видѣ хронометра-часовъ, — были проникнуты германофильствомъ, что возмущало офицеровъ, хотя и прошедшихъ суровую школу въ иностранныхъ легіонахъ, но сохранившихъ вѣрность Антантѣ. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезнаго характера, но, къ сожалѣнію, давало поводъ

для ссоръ и недоразумѣній. Много выше стояла офицерская среда въ артиллеріи, производя своимъ поведешіемъ, воспитанностью и уровнемъ образованія впечатлѣніе офицеровъ мирнаго времени.

Цвѣтъ офицерства составляла небольшая группа кадровыхъ офицеровъ, командовавшихъ отдѣльными войсковыми частями пѣхоты и артиллеріи, на которыхъ собственно говоря и держалась наша маленькая армія. Съ большинствомъ изъ нихъ меня связывали исключительно хорошія отношенія, а дружная совмѣстная работа съ ними въ критическіе моменты нашего существованія навсегда будетъ сохранена въ моей памяти и то довѣріе, которое они мнѣ оказывали, составляетъ предметъ моей гордости.

Переходя къ описанію солдатской массы и господствовавшего въ ней настроенія, я долженъ прежде всего оговориться, что мои выводы будутъ строиться на данныхъ, полученныхъ съ трехъ ближайшихъ къ Архангельску фронтовъ: Пинежскаго, Двинскаго и Желѣзнодорожнаго (включая Селецкій), такъ какъ стоявшіе въ Мезенскомъ районѣ 1 Сѣв. стрѣлк. полкъ, на Печорѣ 10 и на Мурманѣ 2, 9, 11, 12 и 13 полки были слишкомъ далеко расположены отъ Архангельска, а потому не входили въ зону моего ближайшаго наблюденія. Однако, получаемый мною оттуда інформаціонный матеріалъ отъ пріѣзжавшихъ офицеровъ, а также отъ солдатъ, слушателей культурно-просвѣтительныхъ курсовъ Штаба, даетъ мнѣ возможность сдѣлать выводъ, что настроеніе солдатъ этихъ районовъ мало отличалось отъ того, которое господствовало у насъ.

Солдатскую массу можно тоже раздѣлить на три основныя группы: мобилизованныхъ, добровольцевъ и бывшихъ красноармейцевъ. Среди мобилизованныхъ часть чрезвычайно добросовѣстно относилась къ исполненію своего долга. Къ нимъ преимущественно относились крестьяне ближайшихъ къ фронту волостей, наиболѣе освѣдомленные о томъ, что дѣлается у большевиковъ, а потому не склонные подчиниться имъ. Чѣмъ дальше отъ фронта, тѣмъ становилось хуже, и наиболѣе ненадежный элементъ представляли собой солдаты изъ Архангельскаго, Холмогорскаго и Онежскаго уѣздовъ. Здѣсь не только играло роль обычное для нашего простолюдина соображеніе, что «моя хата съ краю» и что «до насъ, молъ, далеко, а потому это насъ не касается», но и большевистская пропаганда, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ административныхъ центрахъ Сѣверной Области — Архангельскѣ, Онегѣ и Холмогорахъ. Хуже ихъ были, пожалуй, только взятые по мобилизаціи въ Шенкурскомъ уѣздѣ во время нашего вступленія, которые были озлоблены этой мобилизаціей и послѣ отхода нашихъ войскъ изъ ихъ района стремились удрать домой.

Вторую группу солдатъ составляли добровольцы: легіонеры французскихъ и славяно-британскихъ легіоновъ и шенкурскіе, тарасовскіе и пинежскіе партизаны. Часть славяно-британскихъ легіоновъ была отборнаго по своимъ боевымъ качествамъ состава, но среди славо-бриттовъ были элементы вродѣ Дайеровскаго баталіона. Недалеко отъ послѣднихъ ушли и французскіе легіонеры, среди которыхъ были преступники и большевики, не выдаваемые намъ для суда по принципу экстерриториальности союзныхъ войскъ. Приходилось только радоваться, когда эти добровольцы эвакуировались съ англичанами, такъ какъ только лучшіе изъ нихъ пожелали остаться и выполнили свой долгъ до конца.

Шенкурскіе партизаны или, какъ ихъ называли, «шенкурята», хотя и непримиримо были настроены къ большевикамъ и по прибытіи союзниковъ были во главѣ разгорѣвшагося противъ совѣтской власти возстанія въ Архангельской губерніи, но представляли собой весьма безпкойный элементъ. Потомуки Новгородской вольницы, они были сплошь пропитаны эсеровскими тенденціями, а потому были склонны болѣе подчиняться своимъ партійнымъ центрамъ въ Архангельскѣ, чѣмъ военному начальству, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдать требовавія воинскаго порядка и дисциплины. Въ минуты колебанія ихъ партійныхъ вождей они жили настроеніями послѣднихъ и часто нельзя было быть увѣреннымъ, что они вдругъ не станутъ на совѣтскую платформу.

Самый прочный элементъ добровольческой среды представляли собой партизаны-крестьяне тарасовцы и пинежцы. Здѣсь на почвѣ охраненія собственныхъ интересовъ, нарушаемыхъ большевистскими опытами и реквизиціями въ пользу красной арміи, царил непримиримая вражда къ Совѣтской власти. Безъ рисовки и лишннихъ словъ, молча и упорно, велась борьба не на жизнь, а на смерть за право работать на своемъ собственномъ клочкѣ родной земли. Насчетъ военной муштры и точнаго соблюденія правилъ воинской дисциплины здѣсь тоже было неважно и одѣтые въ англійское обмундированіе «бородачи» такъ и оставались неуклюжими пахарями; однако несоблюденіе мелочей военнаго артикула не носило тутъ вызывающаго характера и не вызывало никакихъ опасеній у военнаго начальства. Здѣсь царил подлинная Русь, которая никогда и ни при какихъ условіяхъ большевикамъ не подчинится и будетъ вести съ ними непримиримую борьбу. Партизаны эти, входя въ избу командира полка, не рапортовали о своемъ прибытіи по уставу внутренней службы, а истово перекрестившись на иконы и нѣсколько разъ глубоко поклонившись имъ, говорили ему: «А я къ Вашей (а то и твоей) милости пришелъ». Въ обращеніи не чувствовалось рабской манеры; народъ на сѣверѣ свободолюбивъ и, давно привыкнувъ къ самостоятельной жизни, держитъ себя съ достоинствомъ, а начальнику отдаетъ дань уваженія въ той формѣ, къ которой привыкъ. Въ боевомъ отношеніи эти люди представляли собой исключительный по своей доблести матеріалъ.

Третью категорію составляли бывшіе красноармейцы. Часть ихъ безъ остатка изжила большевизмъ и, выдавъ и разстрѣлявъ своихъ комиссаровъ и коммунистовъ, до конца выполняла свой долгъ, зная, что и врагъ не дастъ пощады, если опять попадешь въ его руки. Правда, въ критическія минуты здѣсь могла восторжествовать та точка зрѣнія, что для заслуженія милости, въ случаѣ возможной побѣды врага, нужно перебить своихъ офицеровъ и цѣной измѣны спасти свою жизнь.

Остальные элементы этой категоріи были неустойчивы и настроеніе ихъ измѣнялось въ зависимости отъ развитія боевыхъ дѣйствій. Когда шло общее наступленіе на всѣхъ бѣлыхъ фронтахъ, они съ яростью бросались на врага, самоотверженно рискуя своей жизнью; съ поворотами же счастья не въ нашу пользу они массажи, не видя конца борьбѣ, дезертировали домой, куда ихъ влекла тоска по родинѣ, причемъ старались миновать непріятельскія линіи, чтобы тамъ опять не забрали на службу.

Между войсковыми частями эта солдатская масса, доходившая съ тыловыми до 50 тысячъ, была распределена слѣдующимъ образомъ. На Пинежѣ стоялъ 8 Сѣв. стрѣлковый полкъ, состоявшій частью изъ пинежскихъ

партизанъ, частью изъ мобилизованныхъ. На Двинѣ находился малонадежный 4 Сѣв. стрѣлковый полкъ изъ мобилизованныхъ элементовъ и наиболѣе активную роль въ борьбѣ игралъ здѣсь Шенкурскій добровольческій баталіонъ. Въ Селецкомъ направленіи работалъ 7 Сѣв. стрѣлк. полкъ, по общимъ отзывамъ лучшій изъ пѣхотныхъ полковъ Сѣвернаго фронта. Основу его составляли тарасовскіе партизаны, а изъ мобилизованныхъ вполне надежный элементъ составляли крестьяне Мезенскаго уѣзда. На Желѣзнодорожномъ фронтѣ были сгруппированы: 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшійся ни въ худую, ни въ хорошую сторону, Архангелогородскій стрѣлк. полкъ, составленный почти сплошь изъ красноармейцевъ, и укомплектованный какъ добровольцами, такъ и мобилизованными Шенкурскаго уѣзда, 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, покрывшій себя славой во время боевъ на Двинѣ и на желѣзной дорогѣ, но впоследствии сыгравшій очень печальную роль при паденіи нашего фронта. Въ Архангельскѣ былъ расположенъ запасный полкъ изъ красноармейцевъ, до самаго послѣдняго момента сохранившій дисциплину и порядокъ. Артиллерія наполовину была наполнена учащейся интеллигентной молодежью, подъ влияніемъ которой и остальные солдаты ея представляли сознательный и надежный элементъ, а наличие во главѣ ея прекрасныхъ офицеровъ дѣлало этотъ родъ оружія положительно опорой фронта.

Техническая сторона боевой дѣятельности нашего фронта, веденной по строгимъ правиламъ военнаго искусства, уже была вкратцѣ описана мной выше, здѣсь я хочу въ нѣсколькихъ словахъ коснуться самаго характера борьбы съ точки зрѣнія бытовой, принимая во вниманіе, что война велась не національная, а гражданская.

Во время крупныхъ операцій этотъ специфическій ея характеръ какъ-то забывался въ виду отвлеченія всѣхъ выполненіемъ технической стороны боя. Сведеніе же «политическихъ счетовъ» велось въ порядкѣ мелкой партизанской войны, когда пощады другъ другу не давали, а также при захватѣ въ плѣнъ, когда приходилось вмѣшиваться командному составу для смягченія жестокаго отношенія солдатъ къ противнику. На Пинежѣ партизаны были до того свирѣпо настроены, что командиръ 3 полка полк. Б. рѣшилъ выпустить брошюру о гуманномъ отношеніи къ плѣннымъ и организовать по этому поводу бесѣды, но эту мысль пришлось оставить, такъ какъ составлявшіе опору полка пинежскіе партизаны выразили свое явное неудовольствіе по поводу такого мѣропріятія, сославшись на тѣ жестокости, которыя учиняли надъ ихъ близкими красные въ занятыхъ послѣдними ихъ деревняхъ. На Печорѣ населеніе, занимающееся охотничьимъ промысломъ, ставило силки для ловли красныхъ. Одинъ мой знакомый путейскій инженеръ, узнавъ отъ одного изъ такихъ «охотниковъ за черепами», что имъ единолично было поймано и истреблено 60 красныхъ, пришелъ въ ужасъ и пробовалъ убѣдить въ невозможности такого метода дѣйствій, но получилъ категорическій отвѣтъ: «Намъ съ вами не жить, либо они, либо мы». Оказалось, что у этого крестьянина всѣ близкіе были убиты краснымъ отрядомъ Мандельбаума, а самъ онъ совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшнымъ пыткамъ; грудь его была вся въ язвахъ, такъ какъ его выдержали подъ открытымъ крапомъ кипящаго самовара, пока оттуда не вытекала вся вода. Отрядъ Мандельбаума навелъ ужасъ на всю Печору. Окруживъ какое-нибудь бѣлое селеніе, овъ сгонялъ всѣхъ жителей его на исходъ и

объявлялъ, что мужины онъ оставляетъ только до окончанія полевыхъ работъ, послѣ чего они вмѣстѣ съ дѣтьми будутъ истреблены, а жены ихъ будутъ оставлены въ живыхъ, такъ какъ еще «пригодятся» для красныхъ. Можно себѣ представить, какой характеръ послѣ этого принимала взаимная борьба, принимая во вниманіе невысокій культурный уровень населенія, большую часть котораго составляли полудикіе зыряне.

Партизаны несли на себѣ главную тяжесть борьбы. Они ходили въ развѣдку въ глубокой тылъ непріятеля, а въ бояхъ яростно бросались въ штыки, но и у нихъ были свои недостатки, съ которыми Штабъ не считался, несмотря на предупрежденіе строевыхъ начальниковъ. Въ борьбѣ они преслѣдовали, главнымъ образомъ, свои мѣстные интересы и поэтому «шенкурята» 3 Сѣв. стрѣлк. полка дрались героями на Двинѣ, когда они имѣли цѣлью своихъ дѣйствій захватъ своихъ родныхъ деревень, и переводъ ихъ на Желѣзнодорожный фронтъ сразу же вызвалъ ихъ неудовольствіе, которое постепенно все усугублялось, пока не разразилось катастрофой. Тарасовцы 7 полка еще до захвата своихъ деревень заявили своему командиру полка, что впередъ они согласны идти, куда угодно, но назадъ не отступятъ ни на шагъ и, въ случаѣ отхода фронта, не оставятъ своихъ родныхъ деревень. Они были вѣрны своему слову и послѣ взятія своихъ деревень безропотно двинулись на станцію Плесецкую, потерявъ сразу же у родныхъ избышекъ 70 человекъ убитыми, которыхъ тутъ же съ почестями похоронили, но мы увидимъ ниже, что они держались своего слова до конца и остались въ своихъ деревняхъ во время нашего отступленія, что вызвало для насъ самыя тягостныя послѣдствія.

Борьба политическихъ партій въ тылу несомнѣнно отражалась крайне неблагоприятно на фронтѣ, причемъ наиболѣе чувствительно реагировали на нее мобилизованные и шенкурскіе добровольцы, а бывшіе красноармейцы и остальные партизаны были къ ней довольно равнодушны.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи на фронтѣ агитаціи и пропаганды съ цѣлью борьбы съ большевистскою агитаціей и вѣдренія въ солдатскія массы разумныхъ государственныхъ идей, необходимо съ грустью признать, что это дѣло было поставлено у большевиковъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ. При ген. М—скомъ у насъ въ этой области ничего предпринято не было и войска даже не снабжались, какъ слѣдуетъ, газетами, черпая всѣ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ изъ большевистскою литературы, въ изобилии разбрасываемой непріателемъ.

По сформированіи Штаба Главнокомандующаго, при немъ было учреждено специальное отдѣленіе «агитаціи и пропаганды», впоследствии переименованное въ культурно-просвѣтительное, которое немедленно наладило доставку газетъ на фронтъ. Въ выборѣ газетъ, если и было нарушено безпристрастіе, то скорѣе въ пользу лѣвыхъ теченій, такъ какъ самое большое количество выписываемыхъ Штабомъ газетъ падало на органъ социалистической мысли «Возрожденіе Сѣвера», а самый меньшій тиражъ имѣла газета «Отечество», органъ праваго блока гор. Думы, приблизительно октябристскаго характера.

Культурно-просвѣтительное отдѣленіе Штаба приступило къ изданію агитационной литературы и нѣкоторыя его воззванія были очень удачны, но самый масштаб дѣятельности носилъ въ этой области скромный характеръ и не могъ сравниться съ тѣмъ широкимъ размахомъ, который былъ присущъ

противнику, считавшему агитацію и пропаганду самыми вѣрными орудіями своей борьбы. Во то время какъ наши плакаты были скромныхъ размѣровъ и большею частью безъ рисунковъ, противникъ вынускалъ ихъ грандіозныхъ размѣровъ, иллюстрируя свои лозунги великолѣпными рисунками. Чувствовалось, что мы еще не оцѣнили всего вліянія этого могучаго средства борьбы на психологію народныхъ массъ, что мы не умѣемъ спуститься до уровня пониманія послѣднихъ и судимъ по самимъ себѣ, безгнливо относясь къ тому дешевому въ нашихъ глазахъ эффекту, который эти плакаты на насъ производятъ. Противникъ лучше насъ зналъ и понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и билъ насъ въ этой области на каждомъ шагу, хотя казалось бы, что его безобразная дѣятельность давала куда больше матеріала для использованія его въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Вскорѣ послѣ ухода англичанъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, при Штабѣ открылись курсы агитаціи и пропаганды, цѣлью которыхъ было не такъ подготовить кадры опытныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ, какъ внести черезъ посредство самихъ же солдатъ въ ихъ среду ясныя понятія о цѣнности для человѣчества государственныхъ формъ бытія, а также дать имъ элементарныя понятія о государственномъ устройствѣ преимущественно демократическихъ странъ Западной Европы, гдѣ идеи народонравства уже прочно воплотились въ жизнь. Въ соотвѣтствіи съ такимъ заданіемъ на частномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми мѣстными общественными и политическими дѣятелями, примыкавшими къ кадетамъ и къ болѣе радикальнымъ, во не социалистическимъ теченіямъ, была намѣчена программа лекцій, рассчитанныхъ на трехнедѣльный непрерывный курсъ. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится по памяти возстановливать эту программу, такъ какъ у меня на рукахъ нѣтъ ни одного экземпляра ея, но, насколько могу припомнить, слушатели должны были быть ознакомлены немного съ исторіей, какъ русской, такъ и общей, и сдѣлать небольшой экскурсъ въ область государственнаго права и социальныхъ наукъ. Крімъ того, рѣшено было ознакомить ихъ съ организаціей современныхъ армій и со значеніемъ и сущностью воинской дисциплины.

Въ соотвѣтствіи съ такой программой и принимая во вниманіе переживаемыя нами событія, по общей исторіи были прочтены лекціи на темы: «Великая французская революція», «Революціонное движеніе 1848 года» и «Парижская коммуна 1871 года», а по русской исторіи были давы нѣкоторыя свѣдѣнія о «Смутномъ времени на Руси» и изъ исторіи нашего освободительнаго движенія; по государственному праву: «Организація государственной власти» и «Конституціи современныхъ государствъ», а изъ области социальныхъ наукъ было сдѣлано нѣсколько сообщений по аграрному и рабочему вопросамъ, а также объ организаціи въ современныхъ государствахъ финансовъ, торговли и промышленности.

Первый курсъ, при 60 слушателяхъ, открылся въ присутствіи Главнокомандующаго моимъ сообщеніемъ на тему: «Переживаемый моментъ», въ которомъ я, опредѣливъ большевизмъ, какъ начало контръ-революціи и отнятія у народа всѣхъ завоеваній февральской революціи, для достиженія которыхъ было принесено столько жертвъ лучшими борцами революціонной демократіи, уцѣлѣвшіе представители которыхъ въ лицѣ Предсѣдателя Правительства Чайковского и др. идутъ съ нами, а не съ большевиками, цѣлью борьбы съ послѣдними ставилъ возстановленіе на началахъ народонравства государственности, какъ защиты свободы, культуры и порядка. Освѣщеніе разрушительной

дѣятельности большевиковъ во всѣхъ областяхъ нашей государственной жизни составляло главнѣйшее содержаніе моего сообщенія съ цитированіемъ большевистскихъ декретовъ и иллюстраціей всей преступности и безумія ихъ затѣи на примѣрахъ, которымъ я самъ былъ свидѣтелемъ за время годичнаго пребыванія въ Россіи при большевикахъ.

Всего мы успѣли пропустить шесть курсовъ. Читая на нихъ лекціи объ «Организаціи современныхъ армій и о сущности и значеніи воинской дисциплины», мнѣ пришлось убѣдиться, что солдатская аудиторія слушала ихъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Опытъ такихъ же сообщеній въ XI арміи послѣ февральской революціи убѣдилъ меня, что успѣхъ въ солдатской средѣ имѣ обезпеченъ, такъ какъ изложенныя сухимъ языкомъ требованія воинскихъ уставовъ, по приведеніи ихъ въ извѣстную систему и сообщеніи въ живой образной формѣ, приобрѣтали для солдатъ характеръ простыхъ и ясныхъ житейскихъ истинъ, вытекающихъ изъ условій своеобразнаго военнаго быта. Эти лекціи доставляли мнѣ громадное удовольствіе; я положительно отдыхалъ душой среди этой простой, сердечной и нетребовательной аудиторіи, платившей всегда стопницей за хорошее къ ней отношеніе. Съ каждой лекціей чувствовалось, что аудиторія вначалѣ холодная и настороженная оттаиваетъ и старается потомъ мелкими звуками вниманія выразить свои симпатіи и добрыя чувства.

Культурно-просвѣтительные курсы вызвали нападки справа, съ указаніемъ, что на нихъ ведется эсеровская пропаганда, а слѣва обвиненія въ черносотенно-кадетскомъ направленіи. Взаимно исключая другъ друга, эти обвиненія свидѣтельствовали о томъ, что принятая руководителями курсовъ линія поведенія была взята довольно правильно. Я знаю, что завѣдывавшій курсами ротмистръ Г., на рѣдкость честный и порядочный человѣкъ, чуждый по своимъ взглядамъ и тѣни какой нибудь контръ-революціонности, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отыскать въ Архангельскѣ какого нибудь государственника-соціалиста типа Носке или Шейдемана, чтобы привлечь его къ чтенію лекцій на курсахъ. Увы, въ Архангельскѣ такого не нашлось, да и есть ли они вообще у насъ, ихъ присутствіе, что-то до сихъ поръ не чувствуется...

Культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба принадлежитъ громадная заслуга по организаціи разумныхъ развлеченій для заполнения солдатскаго досуга. Во время пребыванія въ области союзныхъ войскъ наши солдаты могли только съ завистью смотрѣть на многочисленныя клубы, организованныя для развлеченія солдатъ всѣхъ націй, кромѣ вашей, и соответствующія предложенія, сдѣланныя ген. М—скому представителями американскаго союза христіанской молодежи, не нашли никакого отклика.

Совсѣмъ иначе это дѣло пошло со вступленіемъ въ командованіе ген. Миллера. На организацію его были отпущены громадныя средства и вскорѣ въ самомъ лучшемъ общественномъ зданіи Архангельска — коммерческомъ собраніи, открылся русскій солдатскій клубъ. Открытіе его было произведено при торжественной обстановкѣ самимъ Главнокомандующимъ, сказавшимъ по этому поводу краткое задушевное слово.

Въ числѣ прочихъ, сопровождавшихъ ген. Миллера лицъ, я обошелъ всѣ обширныя помѣщенія клуба съ читальней, биліардной, столовыми и громадной чистой кухней, гдѣ лежали горы сладкихъ булокъ и варился кофе, чай и какао, отпускаящіеся солдатамъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Между

двумя залами помѣщалась кантина (солдатская лавочка), гдѣ продавались папирсы, спички, почтовая бумага и другіе мелкіе предметы солдатскаго обихода. Послѣ обхода помѣщеній, мы заняли мѣста въ верхнихъ ложахъ зрительскаго зала для присутствіа на спектаклѣ, которымъ началось открытіе сезона законтрактованной штабомъ передвижной труппой, во главѣ съ знаменитымъ артистомъ Александринаскаго театра Владиміромъ Николаевичемъ Давыдовымъ. Шелъ старый веселый водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ: «Прежде скончались, потомъ повѣвчались», въ которомъ старый артистъ развернулся во всей красотѣ своего богатаго дарованія.

Залъ, вмѣщавшій не менѣе 800 человекъ, былъ биткомъ набитъ солдатами, привѣтствовавшими игру артистовъ, особенно старика Давыдова, громомъ аплодисментовъ. Послѣ водевиля состоялся короткій дивертисментъ изъ музыкальныхъ и вокальныхъ номеровъ. Во время спектакля царилъ образцовый порядокъ, который, впрочемъ, за все время существованія солдатскаго клуба строго поддерживался самими его членами солдатами.

Каждую недѣлю давался одинъ спектакль и одинъ концертъ, а кромѣ того читались лекціи культурно-просвѣтительнаго характера. Клубъ былъ чрезвычайно популяренъ въ солдатской средѣ и всегда полонъ посѣтителями. Вся хозяйственная сторона лежала на женскомъ патріотическомъ союзѣ, представительницы котораго по очереди дежурили, работая на кухнѣ и въ кладовыхъ, продавая въ кантинѣ и буфетѣ. Присутствіе интеллигентныхъ женщинъ чрезвычайно благотворно дѣйствовало на солдатскую среду, оказывавшую имъ сердечное вниманіе.

Передвижная труппа не ограничивалась игрой въ Архангельскѣ, а объѣзжала ближайшіе участки фронта, побывавъ въ Желѣзнодорожномъ, Двинскомъ и Пинежскомъ районахъ. Старикъ Давыдовъ, не взирая на свой преклонный возрастъ, неутомимо ѣздилъ всюду, несмотря на то, что приходилось по нѣскольку сотъ верстъ дѣлать на лошадяхъ въ невѣроятную стужу. Онъ самъ со смѣхомъ рассказывалъ мнѣ, какъ долженъ былъ въ холодномъ сараѣ, при 40° морозѣ на дворѣ, въ одномъ пиджакѣ, по ходу пьесы изображать, что онъ изнываетъ отъ жары. Понятно, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали на фронтѣ «дѣдушку», какъ его величали солдаты. Въ Желѣзнодорожномъ районѣ солдаты, принеся его на рукахъ къ поѣзду, не хотѣли отпустить послѣдній, пока «дѣдушка» не расскажетъ имъ еще что-нибудь передъ отъѣздомъ. Жители Пинеги и другихъ захолустныхъ уголковъ тоже получили возможность увидѣть игру великаго артиста. Пожалуй, талантливый артистъ былъ лучшимъ агитаторомъ и пропагандистомъ культурно-просвѣтительнаго отдѣленія Штаба: его неподобная игра размягчала сердца, пробуждая въ нихъ добрыя человѣческія чувства.

26 ноября по старому стилю я былъ приглашенъ въ солдатскій клубъ на обѣдъ Георгіевскихъ Кавалеровъ — офицеровъ и солдатъ. Около 600 человекъ усѣлось за столы, у которыхъ прислуживали дамы женскаго патріотическаго союза. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ: борща съ пирогомъ, котлетъ съ картофелемъ и какао, а для провозглашенія тостовъ былъ предложенъ горячій глинтвейнъ. Подъ звуки оркестра обѣдъ прошелъ чрезвычайно дружно и оживленно, при образцовомъ порядкѣ, который былъ внесенъ дѣятельностью чрезвычайно умѣло прислуживавшихъ представительницъ женскаго патріотическаго союза. Здравница Главнокомандующаго за

георгиевскимъ кавалеромъ была покрыта могучимъ «ура», послѣ чего солдаты посадили его на стулъ и, пронеся по всему помѣщенію, долго качали.

Такъ создавалась и крѣпла связь между офицерскимъ корпусомъ въ лицѣ Главкома и солдатской массой на Сѣверѣ. Она была порвана при очередномъ поворотѣ не въ нашу пользу колеса исторіи, но я глубоко убѣжденъ, что, зажженные тогда рукой ген. Миллера искры благодарности въ солдатскихъ сердцахъ за его неустанныя заботы о нихъ на Сѣверѣ, тлѣютъ до сихъ поръ и ихъ не удастся заглушить тѣмъ, кто еще разъ оказался временнымъ побѣдителемъ, сыгравъ на не изжитыхъ еще до конца злыхъ инстинктахъ, пробужденныхъ призывами къ классовой борьбѣ.

Глава II

Морское вѣдомство. Сибирская экспедиція

Существуютъ не только отдѣльныя лица, но цѣлыя корпораціи, для которыхъ не дѣйствительны никакіе, хотя бы самые жестокіе, уроки. Чего только не потерпѣли наши морскіе офицеры отъ своихъ озвѣрѣвшихъ командъ въ періодъ еще февральской революціи, сколько жертвъ понесли они въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, которыхъ не просто убивали, а предварительно подвергали самымъ мучительнымъ пыткамъ, и, однако, это нисколько не вразумило уцѣлѣвшихъ и, когда они волею судебъ вновь становились у власти, они опять съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ повторяли всѣ свои старыя ошибки, которыя уже разъ привели къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Печальный опытъ Русско-Японской войны былъ учтенъ выдающимися нашими моряками въ лицѣ адмирала Эссена и его славныхъ учениковъ Непенина, Колчака и др. лишь въ смыслѣ нашей технической отсталости. Къ устраненію ея были приняты рѣшительныя мѣры и въ мнувшую войну нашъ флотъ блестяще справился съ тѣми задачами, которыя ему ставились въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Но не даромъ говорятъ, что мы рабы своихъ привычекъ и что послѣднія составляютъ нашу вторую натуру. Технику, несмотря на нашу отсталость, было легче измѣнить, чѣмъ вкоренившіяся вѣками традиціи, и быть во флотѣ остался прежній. На судахъ господствовала феодальная система. Офицеры представляли собой замкнутую корпорацію представителей лучшихъ дворянскихъ семей, которая смотрѣла свысока даже на своихъ сухопутныхъ коллегъ по оружію, а матросы, набираемые преимущественно изъ сознательныхъ элементовъ уральскихъ заводовъ, представляли собой готовый авангардъ для пролетарской революціи. Жизнь однихъ протекла въ каютъ-кампани, а другихъ — въ лабиринтѣ кубриковъ (помѣщеніе для матросовъ на судахъ), куда не проникалъ и не стремился проникать начальнической глазъ; соединялись всѣ только на занятіяхъ. Не было принято никакихъ мѣръ для сближенія этихъ столь разнородныхъ элементовъ, и вполне понятно, что должно было произойти, когда реальное соотношеніе силъ было нарушено революціей.

Казалось бы, изъ происшедшей тяжелой катастрофы нужно было сдѣлать соответствующій выводъ: осторожно приступать къ набору новыхъ командъ, стараясь на ряду съ малонадежнымъ техническимъ элементомъ имѣть

надежную опору въ лицѣ морской пѣхоты, да и самый техвическій персоналъ стараться пополнить призывомъ на службу благонадежныхъ лицъ, преимущественно интеллигентной среды. Несомнѣнно нужно было отказаться разъ на всегда отъ обособленной жизни и постараться сблизиться съ матросской массой, используя въ этомъ отношеніи опытъ сухопутныхъ войскъ, гдѣ офицерскому составу давно уже вмѣнено въ обязанность не одно техническое руководство, а и удовлетвореніе духовныхъ запросовъ ихъ подчиненныхъ. Посмотримъ же, что имѣло мѣсто у насъ на Сѣверѣ.

Морское вѣдомство во главѣ съ Командующимъ морскими силами и Главнымъ Командиромъ портовъ Ледовитаго Океана было подчинено Главнокомандующему на правахъ Морского Министра. Въ составъ его входили не только морская и рѣчная флотиліи и военные порты, но и гражданское управленіе портовъ и мореплаванія съ морскимъ и рѣчнымъ транспортомъ, такъ какъ по условіямъ боевой обстановки считалось необходимымъ сосредоточить все въ однихъ рукахъ.

По приѣздѣ въ Архангельскъ, я засталъ во главѣ морского вѣдомства адмирала В., чрезвычайно опытнаго и искуснаго моряка, но не пользовавшагося въ морской средѣ авторитетомъ и популярностью, такъ какъ онъ командовалъ флотомъ Ледовитаго Океана при большевикахъ. Обстоятельство это было необслѣдовано въ законномъ порядкѣ, что необходимо было сдѣлать въ дѣлахъ всесторонняго выясненія дѣятельности адмирала В., для преданія его въ случаѣ виновности суду, или для реабилитаціи его имени, если бы обвиненіе его въ сознательномъ содѣйствіи Совѣтской власти не подтвердилось. Послѣ долгихъ и неоднократныхъ мохъ настояній ген. Миллеръ согласился на производство предварительнаго слѣдствія, данныя котораго оказались чрезвычайно благоприятными для адмирала В. и дѣло о немъ было прекращено въ законномъ порядкѣ. Но одновременно съ началомъ слѣдствія Главнокомандующій не нашелъ возможнымъ оставить В. на своемъ посту и вмѣсто него Командующимъ морскими силами былъ назначенъ адмиралъ И.

Однимъ изъ первыхъ удачныхъ мѣропріятій адмирала И. было отправленіе въ Сибирь ледокольной экспедиціи, которой онъ долженъ былъ бы руководить самъ, если бы не состоялось его назначеніе. Обслѣдованіе пути, а равно подготовка и руководство выполненіемъ этой сложной задачи, выпало на извѣстнаго изслѣдователя нашихъ полярныхъ путей кап. I ранга В., который и отправился впередъ на ледоколѣ «Вайгачъ». Отправленная вслѣдъ за нимъ экспедиція въ составѣ нѣсколькихъ ледоколовъ подъ командой кап. II ранга М., очень дѣльнаго и толковаго офицера, использовала указанія кап. I ранга В. и благополучно прибыла въ Сибирь, гдѣ, взаменъ отправленныхъ для сибирской арміи винтовокъ, получила хлѣбъ и валенки, которые и доставила къ зимѣ въ Архангелскъ для нашей Сѣверной арміи.

Эта экспедиція, организованная на скромныя средства нашей маленькой области и проведенная вполне благополучно, несмотря на предрекаемый ей союзниками, а также специалистами изъ норвежскихъ круговъ неуспѣхъ, составляетъ несомнѣнную заслугу нашего маленькаго сѣвернаго флота.

Привлеченіе къ активной дѣятельности адмирала И. вызвало притокъ новыхъ силъ въ морскую среду, но и послѣ этого адмиралъ ощущалъ большой недостатокъ въ личномъ составѣ.

Очень печально обстояло также дѣло съ углемъ. Наличные запасы его были рассчитаны до 1 января 1920 года, а полученіе заказаннаго въ Англии было болѣе чѣмъ сомнительно. Все это диктовало строжайшую экономію въ его расходованіи, вслѣдствіе чего электрическая станція города была переведена на дровяное отопленіе. Между тѣмъ бронепосецъ «Чесма» и яхта «Ярославна», на которую съ уходомъ англичанъ перешелъ морской штабъ, поглощали массу угля. Мы уже знаемъ, что бронепосецъ «Чесма» не только не представлялъ поддержки нашимъ скромнымъ силамъ, но, наоборотъ, приходилось принимать чрезвычайныя мѣры для его разгрузки отъ вредныхъ элементовъ. Однако, это разумное мѣропріятіе носило временный характеръ и скоро команда его опять дошла до 350 человекъ, причемъ пешіе на немъ охрану ополченцы, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, покинули его и опъ, какъ мы увидимъ ниже, опять сдѣлался цитаделью красныхъ. Жизнь на немъ протекала въ условіяхъ, описанныхъ въ началѣ главы, что мнѣ было извѣстно отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые просились ко мнѣ на службу для того, чтобы, во что бы то ни стало, списаться съ него. Когда я какъ то спросилъ Начальника Штаба морскихъ силъ, чѣмъ занята команда «Чесмы» и надежна ли она, опъ весело и увѣрено отвѣтилъ, что все въ полномъ порядкѣ, такъ какъ матросы заняты развлечениями, спектаклями и танцами. Дѣйствительно, всѣ «танцующіи» и по вечерамъ Троицкій проспектъ были наполнены матросами, причемъ по внѣшнему виду они ничѣмъ не отличались отъ своихъ коллегъ краснаго флота: тѣ же вызывающія лица съ выпущенными губами на лбу, декольтированные груди и брюки клошъ.

Гораздо разумнѣе было бы, снявъ съ броненосца команду, лишитъ его всякаго военнаго значенія, причемъ мы выиграли бы не только въ экономіи угля, но и въ смыслѣ обезпеченія нашего спокойствія отъ всякихъ неожиданностей. Впрочемъ, въ оправданіе адмирала П. необходимо отмѣтить, что такой задачи ему никто не ставилъ, а, наоборотъ, Штабъ Главнокомандующаго самъ вначалѣ разсматривалъ «Чесму», какъ одинъ изъ нашихъ опорныхъ пунктовъ во время ухода союзниковъ. Много нареканій вызвалъ переѣздъ морского штаба на «Ярославну», такъ какъ это также вызвало непродуманную трату угля, тогда какъ въ городѣ было много подходящихъ для штаба зданій, которыя могли отопляться дровами.

Командующему морскими силами была подчинена также рѣчная флотилія, во главѣ которой стоялъ кап. I ранга Ч., извѣстный по учиненному имъ 6 сентября 1918 года перевороту и аресту членовъ Верховнаго Управленія. Подвижной, энергичный, смѣлый, окруженный такими же сотрудниками изъ морской молодежи, онъ былъ положительно пезамѣнимъ въ критическіе моменты нашего существованія. Съ уходомъ англичанъ, охрана Двины перешла въ его руки и надо было видѣть, съ какой стремительностью онъ вынесся туда на наскоро собранныхъ баржахъ и пароходахъ, вооруженныхъ артиллеріей и какъ смѣло оперировалъ тамъ, несмотря на слабыя силы и весьма неважный техническій персоналъ своего экипажа.

Но насколько онъ и окружавшіе его сотрудники были способны къ самоотверженному порыву въ минуту опасности, настолько же они были неспособны ни къ какой планомѣрной организаціонной работѣ въ условіяхъ нормальнаго существованія. Когда замерзла Двина, Ч. пришла злосчастная мысль изъ его неблагонадежнаго экипажа сформировать морской стрѣлковый полкъ. Было сформировано нѣсколько ротъ, поселенныхъ въ казармахъ;

внутренняя жизнь морских стрѣлковъ приняла характеръ, основныя черты котораго были отмѣчены выше. Предоставленные самимъ себѣ, морскіе стрѣлки быстро самоопредѣлились въ смыслѣ большевистской оріентаціи. Начальникъ военно-регистраціонной службы Р. многократно докладывалъ по начальству, вплоть до Главкомаандующаго, что положеніе въ морскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ носитъ угрожающій характеръ и можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія. Однако, все шло своимъ чередомъ, несмотря на то, что Главкомаандующій, посѣтивъ какъ то казармы, пришелъ въ ужасъ отъ мрачнаго и озлобленнаго вида людей и былъ страшно возмущенъ тѣмъ, что спрошенные имъ офицеры не знали матросовъ своего взвода по фамиліи.

Когда вступаешь въ полосу бѣдствій, то надъ рѣшеніями людей начинается тяготѣть какой то рокъ. Несмотря на то, что всѣ данныя говорили за немедленное расформированіе морскихъ стрѣлковъ, которые не стѣсняясь по всему городу открыто объявляли, что если ихъ отправятъ сражаться, то они откроютъ фронтъ, они все-таки въ концѣ января были отправлены туда. Ген. Д. отказался ихъ принять къ себѣ на Двипу, поэтому двѣ роты были расположены въ Холмогорскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ прибытіе сразу же ознаменовалось наспіями надъ жителями и большевистской пропагандой, о чемъ ген. Д. докладывалъ при мнѣ впоследствии Главкомаандующему. Командающій же Желѣзнодорожнымъ райономъ ген. В. принялъ къ себѣ двѣ роты, что, какъ мы увидимъ ниже, сыграло роковую роль не только для Желѣзнодорожнаго района, но и всего нашего фронта.

Всѣ описанныя выше грустныя обстоятельства имѣли мѣсто, несмотря на то, что способнаго и опытнаго моряка адмирала В. смѣнилъ не менѣе опытный и образованный адмиралъ П., обладавшій широкимъ кругозоромъ, что видно, напримѣръ, изъ того, какъ онъ великолѣпно разбирался въ общемъ положеніи въ критическіе моменты нашего существованія. Однако, они оба не въ силахъ были справиться съ выработанной вѣками рутинной и гибельными навыками, вошедшими въ плоть и кровь личнаго состава нашего флота, ибо дѣло было не въ людяхъ, а въ системѣ.

Глава III

Внутренняя политика. Городская дума и земство. Печать

Сѣверная Область включала въ себя неполную Архангельскую губернію, между тѣмъ въ этихъ скромныхъ предѣлахъ приходилось считаться съ нагроможденіемъ властей, имѣвшихъ прямое отношеніе къ внутренней политикѣ въ лицѣ Временнаго Правительства, Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, Генераль Губернатора и Начальника Губерніи. Если наличіе Временнаго Правительства оправдывалось самымъ процессомъ возстановленія въ этой части Россіи государственной власти послѣ изгнанія изъ нея большевиковъ, а постъ Начальника Губерніи, соединенный съ Управляющимъ отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, былъ также необходимъ, то несомнѣнно, что Генераль-губернаторство было совершенно излишнимъ учрежденіемъ и, со вступленіемъ ген. Миллера въ должность Главкомаандующаго, оно было упразднено. Однако, такъ какъ Главкомаандующему принадлежали

крупныя права въ области гражданскаго управленія въ смыслѣ охраненія государственной и общественной безопасности, то гражданская канцелярія Геп. Губернатора не была упразднена, а получила наименованіе гражданской канцеляріи Главнокомандующаго.

Такое нагроможденіе властей врядъ ли способствовало успѣху дѣла, создавая взаимныя тренія и волокиту, но въ этой главѣ я хочу коснуться не административной техники управленія, а общаго направленія политическаго курса, такъ какъ только это и можетъ составить интересъ для широкой публики.

Прежде всего, конечно, придется остановиться на дѣятельности въ этой области Временнаго Правительства, такъ какъ несомнѣнно ему принадлежала руководящая роль и на его засѣданіяхъ разрѣшались конфликты, возникшіе между отдѣльными руководителями внутренней политики.

Мы уже выше ознакомились съ персональнымъ составомъ Правительства до и послѣ реконструкціи власти и партійной принадлежностью его членовъ, а также съ основнымъ направленіемъ его дѣятельности въ моментъ перваго нашего кризиса, вызваннаго уходомъ союзниковъ и открытіемъ земско-Городскаго совѣщанія. Ниже въ другихъ главахъ я остановлюсь на господствовавшихъ въ Правительствѣ теченіяхъ въ связи съ послѣдующими правительственными кризисами, а поэтому здѣсь я ограничусь лишь сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о внутренней политической группировкѣ его членовъ при разсмотрѣніи вопросовъ принципиальнаго характера.

До земско-городскаго совѣщанія, при разногласіяхъ намѣчалось всегда три теченія. Лѣвое было представлено Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ Игнатьевымъ и Управляющимъ Отдѣломъ Народн. Просв. Федоровымъ (народные социалисты) правое — Управляющимъ Отдѣломъ Торг. и Промышленности Мефодіевымъ (к.-д.) и Управляющимъ Отдѣломъ Юстиціи Городецкимъ, а центръ — Зубовымъ (союзъ возрожд. Россіи) и ген. Миллеромъ. Рѣшающая роль несомнѣнно принадлежала центру, въ который входилъ Предсѣдатель Правительства, а также Главнокомандующій, имѣвшій исключительное вліяніе на весь курсъ правительственной дѣятельности, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ голосовалъ обыкновенно и входившій въ составъ Правительства ген. М—скій.

Послѣ реконструкціи власти правое крыло въ лицѣ Городецкаго и Мефодіева отпало и одно время лѣвое крыло оказывало сильное вліяніе на правительственный курсъ, благодаря наличію Скоморохова (с.-р.), который, какъ мы увидимъ ниже, отличался незауряднымъ природнымъ умомъ и энергіей. Его партійный товарищъ, Едовинъ слѣпо слѣдовалъ за нимъ, плохо разбираясь при этомъ въ государственныхъ дѣлахъ. Однако, и при этомъ составѣ Правительства умѣренное теченіе въ лицѣ центра имѣло несомнѣнный перевѣсъ, такъ какъ центръ, въ лицѣ Зубова и ген. Миллера, усиленъ Багриновскимъ и Цапенко, да и Федоровъ былъ далекъ отъ поддержки во всѣхъ случаяхъ Скоморохова и Едовина. Послѣдніе, чувствуя послѣ отклоненія амнистіи и принятія энергичныхъ мѣръ къ сохраненію порядка въ связи съ уходомъ союзниковъ игру свою проигранной, выбыли изъ состава Правительства, если не ошибаюсь, въ концѣ октября, или, какъ они выражались въ своемъ заявленіи по этому поводу, «сложили свои полномочія», считая, что это должно было вызвать уходъ и другихъ членовъ, такъ какъ все Правительство было призвано къ власти земско-городскимъ совѣщаніемъ.

Однако, Правительство не раздѣлило такой точки зрѣнія, считая себя однимъ изъ органовъ Всероссійской власти, въ виду сохраненія преемственности съ таковой въ лицѣ своего Предсѣдателя Н. В. Чайковскаго, а потому полномочія свои не сложило, а Скоморохова и Едовина освободило отъ дальнѣйшаго участія въ составѣ Правительства.

Мотивируя свой уходъ, Скомороховъ заявилъ, что онъ считаетъ новый составъ Правительства болѣе контръ-революціоннымъ, чѣмъ до реконструкціи власти, но никакихъ данныхъ въ обоснованіе такого своего взгляда не привелъ, а лишь сослался на отклоненіе амнистіи. Однако, этотъ вопросъ потерялъ къ этому времени всякую свою остроту, ибо, за исключеніемъ вѣсколькихъ человѣкъ, всѣ осужденные за «большевизмъ» совѣтскіе дѣятели были выпущены Правительствомъ въ порядкѣ персональнаго помилованія, а въ заключеніи оставались только Бечинъ, Цейтлинъ и Клюевъ, не пожелавшіе подать требуемое отъ нихъ Правительствомъ заявленіе о томъ, что они «обязуются больше не выступать противъ Правительства Сѣверной Области и раскаиваются въ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяніяхъ».

Непосредственное руководство внутренней политической дѣятельностью лежало на Управляющемъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ рукахъ котораго находился весь административный аппаратъ, такъ какъ этотъ постъ былъ совмѣщенъ съ должностью Начальника Губерніи. На этомъ посту я засталъ В. П. Игнатъева, причемъ, еще до своего личнаго знакомства съ нимъ, мнѣ пришлось со всѣхъ сторонъ слышать, что онъ претендовалъ на руководящую роль въ правительствѣ и что претензіи его въ этомъ отношеніи иногда увѣнчивались успѣхомъ. Не было другого такого лица въ Архангельскѣ, которое сумѣло бы всѣхъ такъ объединить въ чувствѣ недоброжелательства къ себѣ, какъ В. П. Игнатъевъ. Своей завосчивостью и олимпійскимъ величіемъ, столь негармонировавшими съ его прошлымъ политическаго ссыльнаго въ административномъ порядкѣ и настоящимъ — демократическаго дѣятеля, вышедшаго изъ рядовъ народно-соціалистической партіи, онъ отталкивалъ отъ себя не только рабочихъ, но и гораздо болѣе умѣренные демократическіе элементы въ лицѣ представителей земства и коопераций; тѣ же качества выводили изъ себя его политическихъ противниковъ справа, считавшихъ его выскочкой, претендующимъ играть роль прежняго губернатора. Къ сожалѣнію, онъ самъ подавалъ поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ, не только своей манерой держаться, но и нѣкоторыми своими поступками, какъ напримѣръ арестованіемъ зазѣвавшагося и не отдавшаго ему чести милиціонера, о чемъ имъ былъ отданъ офиціальнй приказъ, окончательно подорвавшій его престижъ въ демократическихъ кругахъ. Мнѣ скажутъ, что это мелочь, но она характерна, а самое печальное это то, что въ его дѣятельности не было ничего крупнаго, что было бы достойно отмѣтить на страницахъ моихъ воспоминаній. Ни одного серьезнаго труда въ разнообразныхъ отрасляхъ ввѣреннаго ему управленія и лишь пышная, но дешевая революціонная фразеологія въ выступленіяхъ, столь не вяжущаяся при этомъ съ патянутымъ и напыщеннымъ видомъ снобствующаго бюрократа, и газетные фельетоны вмѣсто законопроектовъ. Появленіе его у власти было положительно загадкой, причемъ видимо онъ былъ въ этомъ отношеніи обязанъ болѣе всего своей личной эгергіи, такъ какъ, по словамъ управлявшаго дѣлами Временнаго Правительства К. Г. Маймистова, Чайковскій не склоненъ былъ сначала привлекать его къ активной

дѣятельности, но онъ предъявилъ ему какіе то серьезные мандаты центрального комитета народно-соціалистической партіи и союза возрожденія Россіи, которые склонили Чайковскаго къ предоставленію ему поста Начальника Губерніи, а затѣмъ и Управляющаго отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ.

В. И. Игнатьева замѣстилъ Городской Голова Архангельской Городской Думы И. В. Багриновскій, на котораго, въ связи съ его энергичной дѣятельностью въ области городского самоуправления, возлагались большія надежды. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ его общественныхъ выступленій, которые рисовали его человѣкомъ искреннимъ, разумнымъ, толково разбирающимся въ окружающей сложной обстановкѣ. Такое же впечатлѣніе было и отъ его первыхъ шаговъ въ качествѣ руководителя внутренней политики, совнавшихъ съ тревожными днями созыва земско-городского совѣщанія и уходомъ союзниковъ, когда онъ твердо и увѣренно поддерживалъ въ Правительствѣ и проводилъ въ жизнь мѣропріятія, которые дали намъ возможность выйти съ честью изъ выпавшаго тогда на насъ тяжкаго испытанія. Но тѣ, кто его хорошо знали, предсказывали, что его не на долго хватитъ для планомерной и систематической работы, такъ какъ основными чертами его характера являлись порывъ и настроеніе. Къ сожалѣнію эти предсказанія оправдались и онъ, несмотря на вступленіе наше въ полосу критическихъ событій, отдался своимъ личнымъ дѣламъ, которые конечно не являются темой для нашего изслѣдованія.

Выдвинувшая его Городская Дума, какъ мы уже видѣли по дѣлу ея оправданнаго секретаря Антушевича, склонна была принимать самое активное участіе въ политической жизни края, не только тогда, когда члены ея привлекались къ этому въ порядкѣ созыва земско-городского совѣщанія, но и тогда, когда на повѣсткахъ ея стояли болѣе скромные вопросы городского хозяйства. Извѣстна свойственная намъ русскимъ черта брать на себя смѣлость переустройства всего міра на новыхъ основаніяхъ, когда мы часто не можемъ справиться съ лопнувшей водопроводной трубой. Давно отмѣчено также, что въ политикѣ не только внутренней, но даже международной, каждый невѣжда считаетъ себя компетентнымъ. Поэтому засѣданія Думы временами не носили твердаго, дѣлового характера и каждый поставленный на повѣстку вопросъ вызывалъ схватку праваго и соціалистическаго блоковъ. Послѣ ухода изъ Думы И. В. Багриновскаго, на выборахъ его замѣстителя, побѣдилъ правый блокъ и постъ Городского Головы занялъ крупный мѣстный торговецъ г. Александровъ. Это вызвало не только длительное противодѣйствіе со стороны соціалистическаго блока, но и оппозицію служащихъ Городской Управы, большая часть которыхъ принадлежала къ демократическимъ элементамъ. Однако, въ своихъ политическихъ выступленіяхъ Городская Дума, какъ въ періодъ Земско-Городского совѣщанія, такъ и въ послѣдній критическій моментъ существованія области была носителемъ умѣренныхъ теченій политической мысли и до конца оказывала поддержку Правительству и высшему военному командованію.

Земство было въ рукахъ эсеровъ всѣхъ трехъ группъ (лѣвыхъ, правыхъ и центра) со Скомороховымъ въ качествѣ Предсѣдателя Губернской Земской Управы во главѣ. Правое оборонческое крыло его было незначительно, имѣя своимъ лидеромъ редактора «Возрожденія Сѣвера» А. Иванова. Душой, вдохновителемъ, вѣрнѣе полновластнымъ руководителемъ земства былъ Скомороховъ, авторитету котораго безпрекословно подчинялись представители

лѣвыхъ эсеровъ и центра. Отличительными чертами этой незаурядной фигуры являлись природный умъ и сильная воля, а принимая во вниманіе ту исключительную роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ области, я позволю себѣ немного подробнѣе остановиться на характеристикѣ его личности. Мальчикомъ онъ былъ взятъ на побѣгушки въ магазинъ мѣстнаго крупнаго торговца Антонова, у котораго онъ потомъ сдѣлался отвѣтственнымъ приказчикомъ. Съ дѣтскаго возраста онъ весь свой досугъ посвящалъ самообразованію, усвоивъ самоучкой не только грамоту, но пройдя самостоятельно курсъ «гимназіи на дому». Однако, онъ не ограничился этимъ, и, прибѣгнувъ къ содѣйствию проживавшихъ въ Архангельскѣ политическихъ ссыльныхъ, подъ ихъ руководствомъ познакомился съ экономическими и социальными науками, чѣмъ и опредѣлилось видимо его міровоззрѣніе и партійная принадлежность еще задолго до революціи. Упомянутый выше докторъ Борисъ Соколовъ отзывался о немъ, какъ о надежнѣйшемъ и преданнѣйшемъ членѣ эсеровской партіи, но если вѣрить въ искренность оборончества самого доктора Соколова, то онъ въ Скомороховѣ ошибся, считая его принадлежавшимъ къ правому эсеровскому крылу. Какъ большинство самоучекъ, Скомороховъ былъ самоувѣренъ, а усвоенныя имъ социальныя доктрины носили для него непреложное значеніе символа вѣры. Все это вмѣстѣ съ конденсированной классовою злобой придавало его энергіи сатанинскій характеръ, когда онъ начиналъ кампанію противъ своихъ враговъ, причемъ нелегальная дѣятельность въ періодъ царскаго режима выработала въ немъ искусныя навыки къ подпольной работѣ. Мы увидимъ ниже, какъ онъ послѣ ухода изъ Правительства организовалъ очередной натискъ на послѣднее и въ критическій моментъ нанесъ ударъ, который оказался роковымъ не только для Правительства, но и для самаго существованія области.

Съ дѣятельностью земства въ земельномъ вопросѣ мы познакомимся въ отдѣльной главѣ, а пока отмѣтимъ нѣкоторыя характерныя черты его хозяйственной дѣятельности.

Архангельское земство насчитывало только нѣсколько лѣтъ своего существованія, оно не имѣло ни опыта, ни традицій, ни средствъ, которыми располагали старыя земства сосѣднихъ Вологодской и Вятской губерній. Мы знаемъ какъ даже въ старыхъ земствахъ косная крестьянская масса тяготилась земскими повинностями въ связи съ расходами, которые вызывались открытіемъ школъ, больницъ и проведеніемъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Можетъ быть, совѣтская система съ ея первоначальными лозунгами власти на мѣстахъ въ значительной степени и имѣла успѣхъ потому, что сельскіе совдепы пользовали ее въ смыслѣ избавленія отъ всякихъ тяготъ не только земскихъ но и государственныхъ, въ силу чего Совѣтской власти при переходѣ къ государственной централизаціи приходится выколачивать сейчасъ налоги въ порядкѣ карательныхъ экспедицій. Поэтому понятно, какъ тяжело должно было чувствовать себя молодое Архангельское губернское земство, считаясь съ явной тенденціей волостныхъ земствъ избавиться отъ земскаго обложенія, особенно въ связи съ реквизиціями, квартирной и подводной повинностями и всякими другими поборами, вызываемыми военными дѣйствіями. Въ виду этого губернское земство существовало исключительно на правительственныя средства, представляя собой какъ бы избранный населеніемъ аппаратъ для осуществленія той отрасли государственной дѣятельности, которую Правительство не брало на себя, а возлагало на

законный орган самоуправленія, не желая подъ предлогомъ отсутствія средствъ у послѣдняго узурпировать его права. Существова на правительственные средства, земство настолько неудовлетворительно вело свое хозяйство, что возникалъ даже вопросъ о правительственной ревизіи. Наряду съ неумѣніемъ и безтолкостью были допущены и прямыя злоупотребленія, что можно было усмотрѣть изъ разслѣдованія, произведеннаго по поводу поставки земствомъ недоброкачественной рыбы военному вѣдомству. Разслѣдованіе это какъ разъ совпало съ послѣднимъ патискомъ земскаго собранія на правительство и матеріаль его послужилъ прекраснымъ оружіемъ въ рукахъ Главнокомандующаго для охлажденія пылкихъ демагоговъ, подвергшихъ беспощадной критикѣ правительственную политику. Очень жалко, что послѣдовавшее черезъ двѣ недѣли послѣ этого паденіе области помѣшало привлечь къ законной отвѣтственности тѣхъ господъ изъ земской среды, которые проливали крокодиловы слезы о «несчастныхъ солдатахъ, понуждаемыхъ офицерами къ безсмысленной братоубійственной боицѣ», и одновременно поставляли недоброкачественную рыбу, употребленіе которой могло вывести изъ строя не одинъ десятокъ человѣкъ.

Отсутствіе разумной и добросовѣстной хозяйственной дѣятельности земство компенсировало политическими выступленіями съ обвиненіемъ Временнаго Правительства въ контръ-революціонности и посягательствѣ на народныя права, не имѣя при этомъ никакихъ конкретныхъ данныхъ для фактическаго обоснованія своихъ обвиненій. Если въ чемъ и можно было обвинить Правительство, такъ это въ томъ, что оно слишкомъ щепетильно относилось къ охраненію принциповъ земскаго самоуправления и на безпочвенные нападки не отвѣтило ревизіей земскихъ учреждений и передачей виновныхъ прокурорскому надзору. Правительство содержало на казенныя средства не только законную оппозицію, но, какъ мы увидимъ ниже, и прямыхъ предателей, съ которыми можно и должно было разговаривать только въ порядкѣ военно-полевого суда.

Принимая участіе въ земско-городскомъ совѣщаніи, земство усиливало въ немъ лѣвое крыло, давая явный перевѣсъ социалистическимъ элементамъ, что обезпечивало Скоморохову предсѣдательское мѣсто и исключительное вліяніе на работу земско-городскаго совѣщанія. Съ дѣятельностью послѣдняго мы уже ознакомились при разсмотрѣніи вопроса о политической амнистіи, ничѣмъ болѣе реальнымъ эта работа не выразилась, что удосто-вѣрено было даже самимъ Земско-Городскимъ совѣщаніемъ въ проектѣ его конституціи, который принадлежалъ перу одного изъ его членовъ, молодому помощнику присяжнаго повѣреннаго, принадлежавшему къ социалистическому блоку. Проектъ этотъ былъ одобренъ юридической секціей совѣщанія и предложенъ вниманію Правительства для проведенія его въ жизнь. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть что нибудь болѣе безграмотное въ юридическомъ смыслѣ. Указывая на то, что земско-городское совѣщаніе обнаружило «дѣйствительность» (?!) и жизнеспособность особенно въ поднятомъ по его инициативѣ вопросѣ объ общей политической амнистіи, проектъ предлагалъ сохранить этотъ органъ какъ представительный для періодическаго его собранія на предметъ контроля правительственной дѣятельности. Не устанавливая фактической отвѣтственности Правительства передъ земско-городскимъ совѣщаніемъ и не конструируя этотъ органъ, въ смыслѣ его правъ, обязанностей и отвѣтственности его членовъ, на началахъ, положенныхъ въ

основаніе представительныхъ органовъ демократическихъ государствъ, проектъ устанавливалъ право, какъ самого земско-городского совѣщанія, такъ и дѣйствующихъ во время перерыва между сессіями комиссій, провѣрять и контролировать дѣятельность органовъ правительственной власти, не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ, съ правомъ допуска и ознакомленія съ дѣлами всѣхъ правительственныхъ учреждений и должностныхъ лицъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, и устраниенія замѣченныхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ на ряду съ Временнымъ Правительствомъ долженъ былъ появиться совдепъ временъ начала февральской революціи и мы, несмотря на жестокой оныгъ большевизма, закончившейся благодаря такому двоевластію захватомъ власти совѣтами, возвращались авторами проекта къ тому, съ чего начали. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе консультаціи при Управляющемъ отдѣломъ юстиціи, которая подвергла его заслуженной жестокой критикѣ, послѣ чего онъ былъ отвергнутъ въ Правительствѣ всѣми голосами противъ Едовина и Скоморохова, который, между прочимъ, по поводу замѣчаній консультаціи на проектъ заявилъ, что «чиновники не желаютъ признавать народныхъ правъ и хотятъ править сами», — выводъ, продиктованный невѣжествомъ въ союзѣ съ классовой злобой.

Остается въ связи съ освѣщеніемъ нашей внутренней политической жизни сказать еще нѣсколько словъ о печати, этомъ могучемъ оразителѣ и двигателѣ политическихъ настроеній каждой, свободной демократической страны.

Въ Архангельскѣ выходили четыре газеты: «Сѣверное Утро», «Отечество», «Русскій Сѣверъ» и «Возрожденіе Сѣвера». «Сѣверное Утро», по силу безпартійный характеръ, не представляя собою интереса въ смыслѣ отраженія тѣхъ или иныхъ господствовавшихъ на Сѣверѣ политическихъ теченій, но зато обладало наибольшимъ информаціоннымъ матеріаломъ, въ силу чего охотно читалось, какъ частной публикой, такъ и на фронтѣ. «Отечество» было органомъ праваго крыла праваго блока Гор. Думы, лидеромъ котораго былъ и редакторъ этой газеты Е. П. Семеновъ. Она имѣла скромный тиражъ и неохотно читалась на фронтѣ, въ виду непопулярности въ массахъ проводимыхъ ею политическихъ тенденцій, между тѣмъ иногда печатаемая ею свѣдѣнія были очень интересны, такъ какъ Е. П. Семеновъ располагалъ большимъ информаціоннымъ матеріаломъ, особенно о дѣятельности Всероссійскаго Правительства адмирала Колчака.

Очень интересной и содержательной газетой былъ «Русскій Сѣверъ», издаваемый группой видныхъ мѣстныхъ кадетъ, но здѣсь иногда позволяли себѣ слишкомъ неумѣренныя вынады противъ Правительства на почвѣ защиты эгоистической политики мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ, съ которыми газета была связана прочными узами.

Наибольшее распространеніе имѣла газета «Возрожденіе Сѣрева», что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что она была единственнымъ органомъ «соціалистической мысли», но надо отдать ей справедливость, что она располагала богатымъ матеріаломъ и статьи ея были весьма интересны по своему содержанию. Къ сожалѣнію, какъ я уже отмѣтилъ выше, она послѣ приѣзда доктора Бориса Соколова взяла рѣзкій оппозиціонный тонъ какъ къ Правительству адмирала Колчака, такъ и къ Правительству Сѣверной Области, а въ послѣдній критическій фазисъ нашего существованія, въ редакціи ея побѣдили крайніе элементы въ лицѣ всѣмъ памятнаго по Архангельску министра Кентэва, подъ псевдонимомъ котораго скрывался нѣкій Долговъ,

подозрительный субъектъ, называвшій себя анархистомъ, который, между прочимъ, даже позволилъ себѣ какъ-то въ стихотворной формѣ восхвалять Ленина и Троцкаго.

Военная цензура, бывшая сначала въ рукахъ военной канцеляріи Генераль-Губернатора, а съ упраздненіемъ этой канцеляріи перешедшая въ руки военно-цензурнаго отдѣленія Штаба Главнокомандующаго, носила болѣе чѣмъ снисходительный характеръ, строго держаась лишь недопущенія въ печать свѣдѣній, которыя могли бы повредить намъ въ военномъ отношеніи.

Правительство имѣло свой собственный органъ «Правительственный Вѣстникъ Сѣверной Области», но литературная сторона его представляла мало интереса и онъ имѣлъ значеніе лишь какъ офиціозный освѣдомитель о распоряженіяхъ Правительства и различнаго рода административныхъ назначеніяхъ. Въ качествѣ правительственнаго органа освѣдомленія и агитаціи существовало Сѣверное бюро печати, или какъ его называли «Арбюръ» (Архангельское бюро), издававшее газету «За свободу Россіи»; въ составъ его входили лица, политическую фізіономію которыхъ очень трудно было уловить. Въ періодъ успѣховъ на бѣлыхъ фронтахъ газета «За свободу Россіи» держалась боевого тона въ отношеніи большевиковъ, ярко проявляя патріотическія тенденціи. Но съ паденіемъ другихъ бѣлыхъ фронтовъ дѣятельность Арбюра начинаетъ принимать тревожный характеръ. Въ витринахъ его къ удивленію и возмущенію архангельской публики появлялись, то картины стройныхъ парадовъ красныхъ войскъ, привимаемыхъ Троцкимъ, то очередное агитаціонное воззваніе Ленина или Троцкаго, сопровождаемое наивной фразой: «Вотъ какъ они собираются завоевать міръ» или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Командующіе войсками раіоновъ, вызывавшіеся къ ген. Миллеру на совѣщаніе незадолго до ликвидаціи нашего фронта, указывали, что въ арміи, благодаря культурно-просвѣтительному отдѣленію Штаба, кое что дѣлается въ смыслѣ агитаціи и пропаганды, но тылъ совершенно заброшенъ и населеніе его поражаетъ своей полной неосвѣдомленностью о событіяхъ, которыя мы переживали, и дѣлахъ, которыя мы преслѣдовали въ борьбѣ съ большевиками. Очевидно, въ порядкѣ борьбы съ «неподходящимъ» для него правительствомъ бюро прибѣгло къ скрытой формѣ саботажа, причины котораго обнаружались въ критическій періодъ нашего существованія, когда Арбюръ вошелъ въ зону исключительнаго вліянія эсеровскихъ теченій, поддерживая самыя тѣсныя сношенія съ докторомъ Б. Соколовымъ, который въ дни катастрофы очутился въ составѣ послѣдняго Правительства какъ разъ въ качествѣ руководителя агитаціи и пропаганды.

Глава IV

Аграрный вопросъ. Рабочій вопросъ.

Аграрный вопросъ не носилъ въ Сѣверной Области характера остроты, такъ какъ помѣщичьихъ земель тамъ не было и лишь монастыри были крупными земельными собственниками. Распоряженіемъ Временнаго Правительства Сѣверной Области церковныя и монастырскія земли были конфискованы и обращены въ національный фондъ. Кромѣ постановленія о монастырскихъ земляхъ были опубликованы еще два закона: о расчисткахъ

и оброчныхъ статьяхъ. Расчисками назывались участки земли, предоставляемые издавна на Сѣверѣ на льготныхъ основаніяхъ тѣмъ, кто брался ихъ расчищать для заведенія на нихъ крестьянскаго хозяйства. Постановленіемъ Временнаго Правительства въ отношеніи оброчныхъ статей и расчисокъ устанавливался максимумъ владѣній на одного домохозяина въ 11 десятинъ. Лишь въ предѣлахъ этого максимума владѣльцу земли предоставлялась возможность спокойно пользоваться его участкомъ, если послѣдній эксплуатировался въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, такъ какъ, согласно общаго характера всѣхъ вышеназванныхъ трехъ земельныхъ законовъ, земля каждой волости находилась въ полномъ распоряженіи волостного земства, которое имѣло право поступать съ нею по своему усмотрѣнію. Такъ какъ въ каждой волости были свои порядки и возрѣнія, а между волостями не было опредѣленныхъ границъ, то законы, базируясь на усмотрѣніи волостного земства, устанавливали полный хаосъ въ области земельныхъ отношеній, создавая массовые споры между волостями о компетенціи той или иной волости рѣшать спорное дѣло. При спорѣ крестьянъ разныхъ волостей между собой выигрывалъ тяжбу обыкновенно тотъ, волость котораго принимала участіе въ разрѣшеніи спора. При столкновеніи интересовъ отдѣльнаго владѣльца съ волостью, которая по закону была не только судьей, но и хозяиномъ земель, поступившихъ въ волостной фондъ, конечно процессъ всегда выигрывала волость, которая была заинтересована въ томъ, чтобы отобрать лишній кусокъ земли и хозяйничать надъ нимъ. Путаницу усугубляло еще и то обстоятельство, что съ формальной стороны постановленія волостной земской управы подлежали обжалованію административнаго суда, а по существу — волостного земскаго собранія, которое было въ этомъ отношеніи послѣдней и окончательной инстанціей, что тоже часто вызывало острые конфликты между судебными учрежденіями и земствомъ.

Въ законѣ о расчискахъ ясно была видна тенденція сохранить землю за захватчиками ея въ порядкѣ развитія революціоннаго процесса, а не за тѣми, кто дѣйствительно въ свое время потратилъ колоссальный трудъ на ея расчиску. Постоянныя недоразумѣнія порождались также между новыми владѣльцами монастырской земли и бывшими арендаторами ея у монастырей.

Безъ всякихъ поясненій понятно, вліяніе какихъ партійныхъ теченій отразилось на всѣхъ этихъ земельныхъ законахъ, красной нитью черезъ которые проходитъ искорененіе въ области землевладѣнія собственническаго начала.

Законы эти прошли во Временномъ Правительствѣ подъ сильнымъ личнымъ давленіемъ Чайковскаго, за нѣсколько дней до его отъѣзда за-границу.

Однако и въ этомъ своемъ видѣ они не удовлетворяли губернское земство во главѣ со Скомороховымъ, которое особенно настойчиво, сначала въ видѣ ходатайствъ, а потомъ и прямыхъ требованій, настаивало передъ Правительствомъ на отмѣнѣ ограниченія, установленнаго въ отношеніи спокойнаго пользованія владѣльцемъ землей въ предѣлахъ законнаго максимума въ одиннадцать десятинъ и на предоставленіи волостнымъ земствамъ права отбирать земельные участки у владѣльцевъ, не считаясь ни съ нормой, ни съ характеромъ владѣнія. Такъ какъ ограниченіе это продолжало сохранять свою силу, то земство попыталось отмѣнить его своей инструкціей, которую оно должно было составить въ силу закона. Инструкція

эта подвергалась критикѣ консультаціи при управляющемъ отдѣломъ юстиціи, послѣ чего земство пошло уже походомъ на Временное Правительство, которое однако тянуло съ разрѣшеніемъ этого вопроса и своего рѣшительнаго слова по нему не сказало.

Между прочимъ, въ нашу крестьянскую среду проникли свѣдѣнія о томъ, что въ Сибири къ разрѣшенію аграрнаго вопроса подошли болѣе осторожно, съ бережнымъ отношеніемъ къ принципу частной земельной собственности, что имѣло у насъ своимъ послѣдствіемъ столкновеіе въ крестьянской средѣ, часть которой привѣтствовала сибирскіе законы и указывала на необходимость примѣненія ихъ у насъ, а часть рѣзко протестовала противъ нихъ, причемъ не обошлось даже безъ эксцессовъ, одинъ изъ которыхъ въ порядкѣ предварительнаго слѣдствія дошелъ и до меня. По этому поводу я имѣлъ случай побесѣдовать о мѣстныхъ земельныхъ законахъ съ Управляющимъ Отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, В. И. Игнатьевымъ, который приложилъ къ нимъ въ періодъ ихъ созданія свою руку и руководилъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. На моп сѣтованія, что они страдают неопредѣленностью и что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Правительство въ стадіи ихъ фактическаго осуществленія отстранилось отъ руководства, предоставивъ собственно говоря все земству, онъ, не мало не смущаясь, заявилъ мнѣ, что въ неопредѣленности содержанія этихъ законовъ и заключается главное достоинство, такъ какъ она придаетъ имъ ту гибкость и эластичность, которая въ зависимости отъ послѣдующаго разрѣшенія аграрнаго вопроса во всероссійскомъ масштабѣ дастъ возможность сдѣлать изъ нихъ выводъ или въ сторону укрѣпленія собственности, или въ развитіе идеи социализаціи земли.

Рабочій вопросъ тоже не могъ имѣть въ Сѣверной Области особой остроты уже по одному тому, что количество рабочихъ по сравненію съ остальной массой было ничтожно, такъ какъ даже въ Архангельскѣ при пятидесятитысячномъ населеніи ихъ насчитывалось немного болѣе трехъ тысячъ человекъ, да и въ смыслѣ матеріальнаго благополучія они стояли много выше средней обывательской среды, такъ какъ оклады ихъ превышали таковыя же мелкихъ служащихъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ учреждений.

Англійское командованіе, имѣя дѣло съ нашими рабочими судоремонтнаго завода и портовыми, выпустило для ихъ вразумленія сравнительную шкалу заработка англійскихъ и нашихъ рабочихъ со справкой о цѣнахъ на предметы первой необходимости, причемъ оказалось, что наши рабочіе совершенно не были обижены въ расцѣнкѣ своего труда, что объяснялось отчасти тѣмъ, что рубль нашъ, утративъ цѣнность на внѣшнемъ рынкѣ, сохранилъ довольно высокую покупательную стоимость на внутреннемъ и цѣны не только на нормированные продукты, но даже и на ненормированные, какъ напримѣръ рыбу, составляющую основной продуктъ питанія сѣверянъ, были въ области не высоки.

Дѣло Бечина показало, что никакихъ поводовъ матеріальнаго характера къ выступленію рабочихъ противъ Правительства не было и что оно преслѣдовало исключительно политическія цѣли, благодаря тому, что рабочая среда была лишена разумнаго идейнаго руководства и чувствовала себя совершенно заброшенной демократическимъ Правительствомъ, игнорировавшимъ, какъ духовные запросы рабочихъ, такъ и дѣятельность ихъ

профессиональных союзовъ. Доложивъ объ этомъ Главнокомандующему послѣ процесса, я высказалъ соображеніе, что военный судъ является слишкомъ суровой школой государственности и что необходимо принять какія нибудь другія мѣры. Въ это время рабочій вопросъ входилъ въ компетенцію управляющаго отдѣломъ торговли и промышленности Мефодіева, а въ качествѣ охранителя общественныхъ и государственныхъ интересовъ къ нему имѣлъ касательство В. И. Игнатьевъ. Ни тотъ, ни другой ничего для разрѣшенія его не сдѣлали, хотя Игнатьевъ сначала горячо взялся за дѣло и рѣшилъ издать законъ объ организаціи труда. Кому онъ поручилъ составленіе его — неизвѣстно, но только вмѣсто закона вышелъ фельетонъ обо всемъ вообще, что касается труда, вслѣдствіи чего этотъ законопроектъ и не былъ принятъ Правительствомъ.

При реконструкціи Правительства въ августѣ, въ связи съ созывомъ земско-городского совѣщанія, Правительство рѣшило принять мѣры къ урегулированію рабочаго вопроса и, въ связи съ этимъ, имъ былъ учрежденъ отдѣлъ труда, который былъ врученъ вошедшему въ составъ Правительства директору судоремонтнаго завода инженеру Цапенко, чрезвычайно любимому рабочими и пользовавшемуся въ ихъ средѣ большой популярностью. По полученіи изъ Сибири, приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ, законоположеній объ организаціи и охранѣ труда, инженеръ Цапенко занялся разработкой примѣненія этихъ законовъ къ архангельскимъ условіямъ, результатомъ чего явился къ новому году довольно объемистый и серьезный трудъ, который однако Временное Правительство не успѣло рассмотреть, такъ какъ слишкомъ много было другихъ горячихъ и животрепещущихъ вопросовъ на повѣсткахъ Правительства послѣдніе два мѣсяца его существованія.

Глава V

Финансы, торговля и промышленность

Сѣверная Область, какъ это уже было отмѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ, вмѣщалась въ предѣлы прежней Архангельской губерніи, которая хотя и обладала значительными природными богатствами въ видѣ лѣса, рыбы и пушнины, но зато не имѣла въ достаточномъ количествѣ своего хлѣба, принадлежа въ этомъ отношеніи къ числу не производительныхъ, а потребительныхъ губерній. Конечно, разумное использование лѣсныхъ богатствъ и рыбныхъ промысловъ давало бы возможность области свести концы съ концами въ порядкѣ обмена этихъ цѣнностей на хлѣбъ, но нельзя забывать, что мы находились въ состояніи войны, для которой, какъ извѣстно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще разъ деньги. Вполнѣ понятно, что область не въ состояніи была на свои скромныя средства вести вооруженную борьбу, которая конечно требовала колоссальныхъ затратъ. Ясно, что въ этомъ отношеніи нельзя было обойтись безъ посторонней помощи, которую несомнѣнно не въ силахъ было оказать Омское Правительство, а поэтому она всецѣло пала на союзниковъ, вѣрнѣе на англичанъ. Мы не извѣстены точно порядокъ расчета съ ними за предоставленное ими въ большомъ количествѣ вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и продовольствіе для арміи, очевидно тутъ сыграли вѣкоторую роль довольно крупныя

средства, имѣвшіяся за границей у нашихъ дипломатическихъ представителей для расчета за военные заказы въ связи съ національной войной, но помощь была оказана не только въ военной, но и въ чисто финансовой области, путемъ выпуска сѣверныхъ кредитокъ, обеспеченныхъ Англійскимъ банкомъ.

Когда я приѣхалъ въ область, я засталъ въ обращеніи самыя разнообразныя денежныя знаки. Наибольшую цѣнность обладали сѣверныя деньги, выпущенныя англичанами и получаемыя изъ Англии, гдѣ онѣ печатались. Онѣ считались по официальному курсу вдвое дороже всѣхъ другихъ знаковъ, а такъ какъ фунгъ стерлинговъ расцѣпывался въ сорокъ рублей сѣверныхъ, то и курсъ обыкновеннаго рубля стоялъ на Сѣверѣ довольно высоко. Этого курса Правительство придерживалось и въ дальнѣйшемъ, уже послѣ изъятія изъ обращенія сѣверныхъ денегъ, что конечно не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей, ибо стоимость нашего рубля все падала.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, Правительство отдало распоряженіе о перфорации (штемпелеваніи) царскихъ, думскихъ и керенокъ, объявивъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онѣ должны были быть представлены для перфорации, послѣ истеченія котораго непроштемпелеванныя денежныя знаки перечисленныхъ категорій подлежали изъятію изъ обращенія. Насколько мнѣ удалось выяснить, мѣра эта была принята подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Омска распоряженій, гдѣ были проведены еще болѣе энергичныя мѣропріятія къ аннулированію керенокъ, что вызвало страшное неудовольствіе сибирскаго крестьянства и, какъ потомъ это оповѣщалось большевиками, послужило однимъ изъ поводовъ паденія адмирала Колчака. У насъ штемпелеваніе имѣло главной цѣлью прекратить наплывъ этихъ денегъ изъ-за границы и совдепін, а также установить количество обращающихся въ области денежныхъ знаковъ, для выясненія нужды въ таковыхъ населенія области и въ связи съ эмиссіоннымъ правомъ Областнаго банка.

Я уже указывалъ выше, описывая возстаніе на Пинегѣ, какое неудовольствіе вызвала эта мѣра въ крестьянскомъ населеніи и какъ ее въ своихъ интересахъ использовали большевики. Нетрудно понять причины этого неудовольствія, особенно въ прифронтовой полосѣ, гдѣ населеніе переходило то къ краснымъ, то къ бѣлымъ и гдѣ оно, слѣдовательно, нуждалось въ денежныхъ знакахъ, имѣвшихъ значеніе для обѣихъ сторонъ, а ему какъ разъ «портитли» самыя цѣпныя съ его точки зрѣнія деньги. Но и въ Архангельскѣ эту мѣру встрѣтили съ большимъ возмущеніемъ, тѣмъ болѣе что выполненіе штемпелевки было поставлено безобразно, такъ какъ она проводилась въ кратчайшій срокъ и вызвала скопленіе публики, которая, простаивая часами въ хвостахъ, подвергала яривятую Правительствомъ мѣру самой озлобленной критикѣ. Правда, вскорѣ обыватель нашелъ довольно простой выходъ изъ положенія. Такъ какъ способъ штемпелевки былъ очень простой и состоялъ въ пробитіи маленькихъ отверстій съ изображеніемъ очереднаго номера штемпеля, то приступили къ перфорации домашнимъ способомъ при посредствѣ шпилекъ и булавокъ, при чемъ «перфорированныя» такимъ образомъ деньги, даже при самой грубой поддѣлкѣ, имѣли свободное обращеніе. Однако большинство населенія совершенно уклонилось отъ штемпелеванія особенно крупныхъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ нештемпелеванныя стали приниматься охотнѣе и даже ихъ расцѣпывали дороже въ сравненіи со штемпелеванными равнаго съ ними достоинства. Чтобы

покончить съ неудачными мѣропріятіями Правительства въ этой области, необходимо еще отмѣтить то неудовольствіе, которое вызывало въ населеніи отсутствіе мелкихъ денежныхъ знаковъ, изъ-за чего происходили постоянныя пререканія въ трамваяхъ и магазинахъ, которые чтобы исправить это неудобство завели особыя чековыя книжки. Съ вопросомъ этимъ такъ тянули, что машины для напечатанія этихъ денежныхъ знаковъ прибыли изъ-за границы везадолго до паденія области.

Согласно имѣвшимъ въ моихъ рукахъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ торгово-промышленныхъ круговъ, торговля при союзникахъ находилась почти вся въ ихъ рукахъ, такъ какъ они были распорядителями морского транспорта и лишь 16% вывозимаго груза приходилось на нашу долю. Подъ прикрытіемъ военного мундира въ Архангельскѣ появились многочисленныя представители англійскаго торговаго міра, вродѣ селечнаго короля П—ра, свабдившаго насъ между прочимъ весьма недоброкачественными норвежскими сельдями стараго засола.

Для урегулированія валютнаго вопроса Правительство потребовало отъ экспортеровъ выдачи подписокъ о сдачѣ областному банку вырученной отъ продажи лѣса и другихъ товаровъ валюты, безъ чего не выдавало разрѣшительныхъ свѣдѣтельствъ на вывозъ. Союзники съ своей стороны не склонны были считаться съ этими правилами и разрѣшали вывозъ товаровъ по выдаваемымъ ими такъ-называемымъ компенсаціоннымъ свѣдѣтельствамъ, обезпечивавшимъ экспортерамъ оставленіе въ ихъ рукахъ денегъ, вырученныхъ отъ продажъ товаровъ за границу.

Такъ работали въ этой области англичане, но отъ нихъ не отставали и французы, которые подошли къ этому вопросу немного иначе. Въ Архангельскѣ появился громадный французскій пароходъ «Торъ», нагруженный исключительно предметами роскоши: виномъ, парфюмеріей, сладостями и принадлежностями дамскаго туалета, причемъ всѣ эти товары продавались только на сѣверныя деньги. Такимъ образомъ выкачиваніе валюты пошло путемъ импорта, причемъ когда была сдѣлана попытка запротестовать, то ловкіе друзья сослались на Н. В. Чайковскаго, котораго имъ дѣйствительно удалось уфѣдить въ Парижѣ оказать содѣйствіе къ проведенію этой губельной для нашего финансоваго благополучія операціи. Но мало этого, у валюты появился еще болѣе грозный «внутренній» врагъ въ лицѣ Управляющаго Областнымъ банкомъ г. Б. Послѣдній располагалъ правомъ, при расплатахъ съ частными банками и фирмами, часть суммы выдавать сѣверными, а часть другими денежными знаками. Онъ использовалъ это свое право въ интересахъ одного банка, съ которымъ былъ связанъ близкими отношеніями, путемъ расплаты съ послѣднимъ сѣверными деньгами, причемъ таковая производилась обыкновенно наканунѣ поднятія курса этихъ денегъ, такъ что мало того, что тратилась валюта, но Правительство еще теряло и на курсѣ.

Всѣ указанныя выше промахи и недочеты объяснялись въ значительной степени тѣмъ, что финансы находились въ рукахъ слишкомъ довѣрчиваго и мало компетентнаго въ этомъ вопросѣ П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были ввѣрены доктору Мефодіеву, который по своей медицинской специальности врядъ ли былъ на высотѣ пониманія врученнаго его руководству дѣла.

Съ созывомъ земско-городского совѣщанія и образованіемъ новаго состава Правительства, Мефодіевъ и г. Б. покинули свои посты. Управляющимъ Областнымъ банкомъ былъ назначенъ г. Р., а соединенные въ одинъ отдѣлъ финансы, торговля и промышленность были вручены инженеру К., одному изъ директоровъ Коломенскихъ заводовъ.

Первые шаги его дѣятельности были ознаменованы крайне рѣзкимъ выступленіемъ въ отношеніи представителей торгово-промышленнаго класса, которыхъ онъ вызвалъ къ себѣ для переговоровъ въ связи съ испытываемыми областью финансовыми затрудненіями, потребовавъ отъ нихъ выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ по сдачѣ валюты. Предполагаю, что это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ для открытія противъ него кампаніи, которая приняла въ концѣ концовъ ожесточенный характеръ. Переговоры во всякомъ случаѣ не привели ни къ какимъ реальнымъ результатамъ, а между тѣмъ область испытывала въ означенный періодъ крайнюю нужду въ платежныхъ средствахъ за-границей.

Въ виду этого, я былъ вызванъ къ Главнокомандующему, гдѣ на совмѣстномъ совѣщаніи съ инженеромъ К. было рѣшено принять исключительныя мѣры для побужденія внесенія валюты тѣми лицами, которыя нарушили свой долгъ и не выполнили принятыхъ передъ Правительствомъ обязательствъ. Въ результатъ этого былъ изданъ 29 Октября приказъ Главнокомандующаго слѣдующаго содержания:

«Для борьбы съ врагомъ армія и флотъ нуждаются въ хлѣбѣ, фуражѣ и углѣ, которые можно пріобрѣсти главнымъ образомъ за-границей за счетъ иностранной валюты. Безъ этой валюты Сѣверная Область лишена возможности удовлетворять эти жизненныя потребности своихъ вооруженныхъ силъ, а потому полученіе ея Правительствомъ составляетъ васущную и неотложную потребность для облегченія возможности продолженія вооруженной борьбы. Въ дѣляхъ успѣха веденія войны считаю необходимымъ въ порядкѣ исключительныхъ правъ, предоставленныхъ мнѣ, какъ Главнокомандующему, принять нижеслѣдующія мѣры:

1) Лица, обязавшіяся подпиской о сдачѣ иностранной валюты Сѣверному Областному банку по вывознымъ разрѣшеніямъ и не сдавшія таковой по требованію Отдѣла финансовъ въ назначенный этимъ отдѣломъ срокъ, подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ отъ 4 до 6 лѣтъ и, сверхъ того, отобранію всего принадлежащаго имущества въ казну.

Основаніе: ст. 12 Правиль о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи.

2) На основаніи второго пункта ст. 19 тѣхъ же Правиль дѣла объ упомянутыхъ выше преступленіяхъ изъемяю изъ общей гражданской подсудности съ передачей ихъ на разсмотрѣніе военнаго суда».

Приказъ этотъ имѣлъ самые благоприятные матеріальные результаты, ибо, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ прикосновенныя къ нему лица, ваходившіяся въ Архангельскѣ, рѣшили, что съ военнымъ командованіемъ шутки плохи и немедленно внесли въ распоряженіе Областнаго банка ту валюту, которую они, въ нарушеніе выданныхъ ими обязательствъ, не представляли до сихъ поръ.

Ковечво, такое мѣропріятіе, нарушающее нормальныя гражданско-правовыя отношенія Правительства и частныхъ лицъ, могло быть предпринято

только въ порядкѣ исключительныхъ обстоятельствъ и подлежало самому ограниченному толкованію. Между тѣмъ г. К. была обнаружена тенденція дать ему распространительное примѣненіе направленіемъ военно-прокурорскому надзору дѣлъ, которыя ни съ какой стороны подъ этотъ приказъ не подходили. Возвращеніе ему ихъ обратно побудило его обратиться ко мнѣ съ укоромъ, что я лишаю этимъ область продовольствія, которое не можетъ быть приобрѣтено безъ валюты, на что я отвѣтилъ ему, что военная прокуратура не является нормальнымъ органомъ снабженія и что я сомнѣваюсь, чтобы его финансовыя мѣропріятія могли имѣть успѣхъ, если онъ ихъ собирается проводить черезъ прокурорскій надзоръ.

Отношенія г. К. съ торгово-промышленными кругами обострялись все больше и больше и, наконецъ, дошли до своего кульминаціоннаго пункта послѣ того, какъ послѣднимъ стала извѣстна составленная Управляющимъ Областнымъ банкомъ г. Р. записка объ организаціи импорта и экспорта. Записка эта дѣйствительно носила чрезвычайно поверхностный характеръ, создавая какой-то непонятный органъ изъ представителей отдѣла финансовъ, торгово-промышленнаго класса и общественности, который долженъ былъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю. Но кромѣ того, эта записка была совершенно недопустима по своему тону, своими рѣзкими выпадами противъ торгово-промышленнаго класса, которому во всероссійскомъ масштабѣ приписывались все наши бѣдствія, будто бы имѣвшія своимъ источникомъ его корыстолюбіе и нежеланіе поступиться своими интересами для общаго блага. Не говоря уже о тѣмъ, что такое огульное и необоснованное обвиненіе одного класса представлялось совершенно несправедливымъ, такъ какъ вина за нашу разруху несомнѣнно была общая, это обвиненіе было особенно неосторожно, такъ какъ исходило отъ одного изъ отвѣтственныхъ дѣятелей финансовой политики Правительства, обязаннаго къ особой сдержанности по своему служебному положенію.

Нельзя было не согласиться съ представителями торговли и промышленности, что проектъ этотъ носилъ на себѣ отпечатокъ большевизма, ничѣмъ не отличаясь отъ большевистскаго декрета о націонализаціи вѣншей торговли и названіе «совнархозъ», мѣтко брошенное кѣмъ-то, болѣе всего подходило къ проектированному органу. Недаромъ проектъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ среди нашихъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, что, какъ оказывается, имѣлъ въ виду и самъ авторъ его, уже крѣпко къ этому времени связавшій съ ними свою судьбу черезъ Арбюръ.

Торгово-промышленные круги выступили въ отвѣтъ на проектъ г. Р. съ подробной критикой, изложенной въ представленной Главнокомандующему и Правительству особой запискѣ, любезно врученной мнѣ однимъ изъ представителей торгово-промышленнаго класса. Записка эта указывала на все отмѣченные мною выше промахи, допущенные самимъ Правительствомъ при разрѣшеніи валютнаго вопроса, и, съ приложеніемъ діаграмъ и цифровыхъ данныхъ, доказывала, что при установленномъ низкомъ курсѣ на контръвалюту никакая торговая дѣятельность невозможна, такъ какъ никто себѣ въ убытокъ торговать не станетъ. Поэтому Правительству предлагалось установить болѣе нормальный и соответствующій рыночнымъ цѣнамъ курсъ на валюту и не требовать по окончаніи торговой операціи сдачи вырученной суммы цѣликомъ, оставляя часть ея владѣльцу въ качествѣ фонда для послѣдующихъ операцій и для поощренія его для дальнѣйшихъ предпріятій.

Дѣятельность гг. К. и Р. подверглась самой беспощадной критикѣ съ указаніемъ, что они дискредитировали себя экзекутированіемъ банковскихъ счетовъ старыхъ кліентовъ, подрывая этимъ всякое довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ и вызывая параличъ въ торговой дѣятельности. Одновременно въ запискѣ указывалось на несправедливыя льготы, оказываемыя кооперациі, которой почему-то была возвращена Правительствомъ валюта, представленная ею по разрѣшительному вывозному свидѣтельству, при чемъ выражалось пожеланіе, чтобы въ будущемъ эта несправедливость была устранена и торговля частныхъ фирмъ и кооперациі была поставлена въ одинаковыя условія свободы и конкуренціи, чѣмъ лучше всего будутъ обезпечены интересы какъ широкихъ круговъ населенія, такъ и государства, что видно по опыту всѣхъ культурныхъ европейскихъ странъ, гдѣ Правительства, ища выхода изъ труднаго эконоическаго положенія, стараются въ равной степени использовать какъ общественно-кооперативныя организаціи, такъ и частную предпріимчивость.

Одновременно Правительство подверглось отповѣди и со стороны кооперативныхъ организацій въ лицѣ представителя «Центросоюза» г. С., поводомъ къ чему послужило рѣзкое выступленіе Управляющаго Отдѣломъ Финансовъ Торговли и Промышленности г. К. на совѣщаніи изъ представителей Правительства, торгово-промышленнаго класса и кооперациі, на которомъ онъ позволилъ себѣ упрекнуть публично мѣстную кооперацию въ своекорыстной дѣятельности и въ полученіи за свое посредничество ростовщическихъ процентовъ. Представитель центросоюза представилъ Главнокомандующему особую докладную записку, въ которой просилъ указать ему порядокъ привлеченія за клевету члена Временнаго Правительства г. К., а затѣмъ подробно обрисовалъ всю дѣятельность кооперативныхъ организацій на Сѣверѣ, направленную, согласно запискѣ, на снабженіе области дешевыми продуктами и предметами первой необходимости.

Я не беру съ себя судей того, кто былъ правъ въ возникшемъ тогда столкновеніи между представителями Правительства съ одной стороны, и торгово-промышленными кругами и кооперативами, съ другой. Изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Правительства П. Ю. Зубовымъ я вынесъ впечатлѣніе, что Правительство въ вопросахъ финансовой и торговой политики держится взглядовъ, которые положены сейчасъ въ основу дѣятельности правящихъ круговъ почти всѣхъ странъ, испытавшихъ на себѣ послѣдствія міровой войны и которые сводятся къ урегулированію ввоза, съ устраниемъ изъ него такъ-называемыхъ предметовъ роскоши и къ всемирному поощренію производства и вывоза, но съ сосредоточеніемъ въ рукахъ Правительства экспортной валюты, для поддержанія падающаго курса денегъ и уменьшенія или хотя бы задержанія вздорожанія жизни на предметы и продукты первой необходимости.

Цѣны на послѣдніе, которыя мнѣ удалось сохранить въ своей памяти, могутъ отчасти служить иллюстраціей того, что Правительство въ значительной степени достигло указанной цѣли. Населеніе получало ежедневно по фунту бѣлаго хлѣба, стоившаго 55 коп. фунтъ. Рыба въ изобиліи предлагалась на рынкѣ и въ кооперативахъ отъ 2 р. 50 к. (треска) до 4 рублей (камбала, навага и др.) за фунтъ. Мясо было трудно достать, но и оно стоило всего отъ 8 до 9 р. фунтъ. Дороже было масло — 40 р. фунтъ и молоко — 10—12 р. бутылка. Конечно я беру архангельскія

цѣны самаго послѣдняго времени, которыя были много выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ напримѣръ въ Селецкомъ районѣ бутылка молока стоила отъ 80 коп. до 1 рубля. Въ офицерскомъ собраніи обѣдъ до послѣдняго времени стоилъ 6 рублей, трамвай въ зависимости отъ перергона отъ 1 до 3 рублей, газета 1 рубль за номеръ. Мнѣ неизвѣстно, что произошло съ цѣнами на продукты при появленіи въ Архангельскѣ большевиковъ, я только знаю точно, что стоимості при насъ 300 рублей англійскій френчъ сразу же послѣ возстановленія рабоче-крестьянской власти сталъ расцѣпываться отъ 15 до 20 тысячъ рублей, а затѣмъ цѣна на него поднялась до 80 тысячъ рублей.

Возвращаясь къ описанію упомянутыхъ выше разногласій, считаю необходимымъ отмѣтить, что они совпали съ критическимъ моментомъ нашего существованія, когда всѣ остальные фронты уже пошатнулись и требовалось особое единеніе и сплоченіе всѣхъ антибольшевистскихъ элементовъ, между тѣмъ оппозиція держалась непримиримаго тона, способствуя этимъ приближенію правительственнаго кризиса, который былъ совсѣмъ не по времени.

Особенно жалко было Главнокомандующаго, котораго засыпали въ это время записками со всѣхъ сторонъ съ обвиненіями другъ друга, причемъ онъ конечно врядъ ли былъ въ состояніи разобраться, кто былъ правъ и кто виноватъ, и его лишь пугала мысль, что въ результатѣ этихъ препирательствъ область останется безъ всякихъ средствъ.

Эти раздоры больше всего были на руку крайнимъ оппозиціоннымъ элементамъ и въ частности ихъ лидеру Скоморохову, который очень ловко использовалъ въ своихъ интересахъ создавшееся противъ Правительства настроеніе. Притворившись сочувствующимъ г. К., онъ всячески поощрялъ натискъ послѣдняго на кооперативы, жалуюсь, что тѣ при заключеніи контрактовъ съ земствомъ стараются содрать съ него ростовщическіе проценты, а одновременно съ этимъ собирая у себя совѣщаніе представителей всѣхъ демократическихъ теченій въ томъ числѣ и руководителей кооперативныхъ организацій и указывая на всю недопустимость и нелѣпость финансовой политики Правительства и на притѣсненія, которыя оно чинитъ такимъ демократическимъ организаціямъ, какъ кооперативы, несмотря на всю ихъ аполитичность, — призывалъ всѣхъ къ сплоченію и борьбѣ съ Правительствомъ, предлагая даже въ этомъ отношеніи использовать и недовольство торгово-промышленныхъ круговъ.

Подъ его руководствомъ, незамѣтно, съ экономическихъ вопросовъ переходили на политическіе и въ пужный моментъ онъ ловко выдвигалъ новый лейтъ-мотивъ: «Нужно мириться, такъ какъ генералы на всѣхъ фронтахъ загубили революцію», послѣ чего упорно подчеркивалась мысль, что даже большевики лучше, и если съ ними во время заключить миръ, то и переходъ власти къ нимъ совершится безболѣзненно, безъ всякихъ репрессій съ ихъ стороны. Самое ужасное, что на этихъ засѣданіяхъ присутствовали солдаты, принадлежавшіе къ партійнымъ эсерамъ, черезъ которыхъ эти предательско-соглашательскія тенденціи дѣлались достояніемъ остальной солдатской массы.

Глава VI

Гражданская и военная юстиція

Правильно организованная юстиція составляет основу государственного порядка, поэтому восстановление судебного аппарата было одной из первых задач, сразу же послѣ изгнанія большевиковъ изъ области. Въ отношеніи гражданского вѣдомства это было сравнительно нетрудно сдѣлать, такъ какъ, немедленно съ восстановленіемъ государственного порядка, мировые суды и Архангельскій Окружной судъ открыли свою дѣятельность и наличный составъ ихъ служащихъ приступилъ къ прерванной большевиками работѣ. Однако, передъ гражданской юстиціей возникли новыя задачи въ связи съ самостоятельнымъ существованіемъ области, что вызвало появленіе въ составѣ Правительства Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, при которомъ впоследствии была организована консультація, игравшая роль маленькаго сената въ смыслѣ окончательнаго редактированія и согласованія законопроектовъ передъ внесеніемъ ихъ во Временное Правительство, послѣ утвержденія имъ они воспринимали силу законовъ и печатались въ Правительственномъ Вѣстникѣ, а также въ Собраніяхъ узаконеній и распоряженій Временнаго Правительства Сѣверной Области.

Въ консультаціи кромѣ предсѣдателя ея — Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, принимали участіе: Предсѣдатель Кассационнаго Присутствія Сѣвернаго фронта, Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда, представители гражданского и уголовного отдѣленій этого суда и представители адвокатуры. Консультація, какъ я уже отмѣтилъ выше играла видную роль въ приданіи правительственнымъ узаконеніямъ надлежащей формы и яснаго содержанія, что обезпечивалось составомъ ея участниковъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ юристовъ области.

Для ликвидаціи послѣдствій большевистскаго режима была учреждена Особая Слѣдственная Комиссія изъ чиновъ гражданской магистратуры и прокуратуры при участіи представителя военнаго вѣдомства. Она пользовалась исключительными правами въ смыслѣ привлеченія всѣхъ лицъ, скомпрометировавшихъ себя при большевикахъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, наблюдательныя же прокурорскія функціи въ отношеніи ея были возложены на Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи.

Дѣятельность этой комиссіи вызвала нареканія со всѣхъ сторонъ, такъ какъ работа ея велась столь замедленнымъ темпомъ, что создавала впечатленіе безконечной волокиты. Произошло это потому, что поставленная комиссіи задача совершенно не соответствовала спламъ гражданского судебного вѣдомства, испытывавшаго колоссальный недостатокъ въ личномъ составѣ, да и была неправильна по существу, такъ какъ несомнѣнно, что главарей большевистскаго движенія нужно было ликвидировать въ порядкѣ военно-полевого суда, а въ отношеніи остальныхъ второстепенныхъ дѣятелей проявить большую осторожность, избѣгая предварительнаго содержанія ихъ подъ стражей и огравничываясь привлеченіемъ минимальнаго количества наиболѣе скомпрометированныхъ совѣтскихъ служащихъ съ освобожденіемъ остальныхъ отъ всякой уголовной отвѣтственности. Между тѣмъ комиссія широко раскинула свои сѣти и заарестовала массу лицъ, дѣла о которыхъ съ момента переворота и изгнанія большевиковъ — 2 августа 1918 года тянулись вплоть до паденія области, причемъ большая часть привлеченныхъ была въ

результатъ освобождена самой комиссіей, или оправдана военно-окружнымъ судомъ.

Не только волокита вызывала неудовольствіе, но и обнаруженная комиссіей беспомощность, выразившаяся въ необслѣдованіи дѣятельности болѣе видныхъ представителей совѣтской власти на ряду съ содержаніемъ подъ стражей многихъ мелкихъ агентовъ ея. Особенно въ этомъ отношеніи оказался не на высотѣ филиаль комиссиіи на Мурманѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, большинство совѣтскихъ дѣятелей могло быть привлечено лишь за социалистическіе опыты, правда причинившіе краю большіе матеріальные убытки, но гдѣ совѣты не запытали себя измѣной, составлявшей одинъ изъ характерныхъ моментовъ преступной дѣятельности московскихъ большевиковъ. Однако, и здѣсь большинство привлеченныхъ тоже находилось подъ стражей, безконечно ожидая результатовъ слѣдствія, а въ то же время не былъ привлеченъ къ отвѣтственности бывшій военный руководитель красной арміи ген. З., который, послѣ того какъ предсѣдатель Мурманскаго совдепа кочегаръ Юрьевъ прервалъ сношенія съ Москвой, обозвавъ Ленина измѣнникомъ, продолжалъ сношаться съ большевистскимъ командованіемъ въ лицѣ комиссаровъ и ген. Огородникова, сообщая имъ свѣдѣнія о количествѣ прибывшихъ союзныхъ силъ. Этотъ ловкій генералъ, бывшій лейбъ-гусаръ и флигель-адъютантъ, душа въ душу работалъ съ большевистской властью. Не могу не отмѣтить чрезвычайно интереснаго эпизода, характеризующаго его личность и извѣстнаго мнѣ изъ предварительнаго слѣдствія о Мурманскомъ совдепѣ. Прибывъ какъ то въ Мурманскъ изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ командировкѣ, онъ привезъ Мурманскому совѣту низкій поклонъ «революционныхъ вождей товарищей Ленина и Троцкаго», причемъ, передавая его, всталъ и фактически низко поклонился Мурманскому совѣту.

По ознакомленіи съ дѣломъ Мурманскаго совѣта я потребовалъ привлеченія ген. З. къ уголовной отвѣтственности, что и было исполнено.

Дѣятельность слѣдственной комиссиіи вызывала неудовольствіе не только общественныхъ круговъ, но членовъ Правительства и Главнокомандующаго, а земско-городское совѣщаніе, какъ извѣстно, даже потребовало совсѣмъ упразднить ее.

Но не только это обстоятельство вызвало нареканіе на руководителя гражданскаго судебнаго вѣдомства, управляющаго отдѣломъ юстиціи и предсѣдателя Архангельскаго окружнаго суда С. Н. Городецкаго, — его также усиленно обвиняли въ томъ, что дѣятельность его была проникнута духомъ партійности. Объясняется это тѣмъ, что С. Н. Городецкій былъ втянутъ въ круговоротъ политической борьбы не только по своей должности управляющаго отдѣломъ юстиціи, но и какъ гласный буржуазнаго блока городской думы и предсѣдатель союза интеллигенціи. Между тѣмъ, привлеченію его къ широкой общественной и политической дѣятельности способствовали его общительность и чрезвычайно привлекательныя черты его характера.

Какъ одинъ изъ дефектовъ организаціи гражданской юстиціи необходимо отмѣтить то, что не было создано апелляціонной и — главное — кассационной инстанціи, что придавало дѣламъ, въ случаѣ ихъ опротестованія или обжалованія, незаконченный характеръ, вызывая иногда въ населеніи представленіе объ отказѣ въ правосудіи, иллюстраціей чего можетъ служить одно маленькое дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ нѣкимъ господиномъ N своей прислуги. По жалобѣ послѣдней обидчикъ былъ осужденъ мировымъ

судьей и приговоръ былъ утвержденъ мировымъ съѣздомъ; виновный принесъ на рѣшеніе послѣдняго кассационную жалобу и тѣмъ избавился отъ приведенія приговора въ исполненіе, что вызвало въ демократическихъ слояхъ населенія, не разбирающихся въ тонкостяхъ процесса, представленіе о томъ, что судъ «мирволитъ буржуямъ», разрѣшая имъ безнаказанно «обижать простой народъ».

Отсутствіе кассационной инстанціи нельзя было оправдать ни ссылкой на то, что обжалованные приговоры будутъ рассмотрѣны Сенатомъ въ Омскѣ при первой къ тому возможности, ни ограниченнымъ составомъ служащихъ, такъ какъ испытывавшее въ этомъ вопросѣ не меньшія затрудненія военно-судебное вѣдомство еще до моего прибытія открыло кассационное присутствіе.

За исключеніемъ этихъ дефектовъ гражданскія судебныя установленія съ честью выполняли выпавшую на нихъ тяжелую и отвѣтственную работу, которая при болѣе чѣмъ скромномъ численномъ составѣ служащихъ требовала величайшаго напряженія. Сессіи уголовного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей шли непрерывно какъ въ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, куда приходилось выѣзжать за сотни верстъ, подвергаясь большимъ неудобствамъ и лишеніямъ какъ въ пути такъ и на мѣстахъ.

С. Н. Городецкій, чрезвычайно опытный и образованный юристъ, выдѣлялся своимъ искуснымъ руководствомъ судебныхъ засѣданій, пользуясь большой популярностью среди присяжныхъ засѣдателей, чрезвычайно чутко прислушавшихся къ его образцовымъ резюме. Его ближайшій сотрудникъ прокуроръ Архангельскаго Окружнаго суда г. Д., на котораго по его должности выпадала главная часть работы гражданскаго судебного вѣдомства, отличался исключительной работоспособностью, и обладалъ широкими познаніями и яркимъ юридическимъ мышленіемъ.

Необходимо также отмѣтить, что С. Н. Городецкій былъ однимъ изъ создателей національнаго ополченія, почтенная роль котораго была отмѣчена мною выше, и что, начиная съ прокурора суда г. Д., всѣ чины гражданскаго судебного вѣдомства состояли ополченцами и, въ качествѣ таковыхъ, съ винтовками въ рукахъ выполнили свой долгъ до конца, неся караульную службу во время посадки на суда и оставленія нами Сѣверной Области.

Военно-судебное вѣдомство включало въ свой составъ Военно-Окружный Судъ Сѣверной Области и Кассационное присутствіе Сѣвернаго фронта, замѣнявшее собой Главный Военный Судъ, благодаря чему всѣ дѣла могли имѣть вполнѣ законченный характеръ. Я уже отмѣтилъ выше при описаніи прибытія моего въ Архангельскъ, что въ основу организаціи военно-судебнаго вѣдомства были положены правильные принципы, что составляло громадную заслугу всѣхъ тѣхъ гражданскихъ юристовъ, на которыхъ выпала трудная задача организаціи военно-судебныхъ установленій на Сѣверѣ. Моя роль свелась лишь къ тому, чтобы обезпечить фактическое проведеніе указанныхъ принциповъ въ жизнь, путемъ рѣшительнаго отдѣленія судебной власти отъ административной.

Въ войскахъ въ качествѣ судовъ низшей инстанціи были организованы полковые суды, а для рассмотрѣнія исключительныхъ правонарушеній особые военные суды (военно-полевые). Для наблюденія за правильнымъ управленіемъ правосудія въ послѣднихъ и полковыхъ судахъ, при всѣхъ Командующихъ войсками раіоновъ, а также при Штабѣ Главнокомандующаго были учреждены завѣдывающіе военно-судебной частью, назначаемые преимуще-

ственно изъ офицеровъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, черезъ которыхъ военная прокуратура осуществляла свой контроль надъ военно-полевыми и полковыми судами, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы дѣятельность послѣднихъ носила закономѣрный характеръ, что, между прочимъ, также обезпечивалось пересмотромъ приговоровъ послѣднихъ въ порядкѣ обжалованія въ Военно-Окружномъ судѣ.

Въ послѣднемъ, при полномъ единомысліи между собой юридическихъ элементовъ — военныхъ судей и представителей строя — временныхъ членовъ, протекала важнѣйшая дѣятельность военно-судебнаго вѣдомства, на которое, какъ то видно изъ описаннаго выше дѣла Бечина, выпала главная роль по борьбѣ съ преступными проявленіями большевизма, а также устраненіе злоупотребленій и поддержаніе дисциплины и воинскаго порядка въ арміи.

Большая работа была выполнена также по пересмотру и изданію новыхъ законоположеній, какъ матеріальнаго такъ и процессуальнаго характера, а также воинскихъ уставовъ: внутренней службы и дисциплинарнаго. При пересмотрѣ послѣднихъ были устранены всѣ недопустимые пережитки прошлаго, трактовавшіе солдата, какъ «нижняго» чина, съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ незыблемыхъ требованій воинской дисциплины, какъ въ области повиновенія и чинопочитанія, такъ и при регламентаціи внутренней и внѣказарменной жизни, которыя положены въ основаніе соответствующихъ уставовъ демократическихъ странъ.

Я не нахожу возможнымъ входить здѣсь въ оцѣнку принципиальной стороны дѣятельности военно-судебнаго вѣдомства, ибо мнѣ пришлось бы быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но я считаю себя въ правѣ отмѣтить успѣшность технической стороны работы, которая благодаря тому, что во главѣ суда и прокурорскаго надзора стояли такіе выдающіеся по своимъ способностямъ лица, какъ А. Н. З. и Н. И. С., носила образцовый характеръ. Служащіе суда и надзора отличались чрезвычайной добросовѣстностью и работоспособностью, отлично справляясь съ выпавшей на нихъ тяжелой работой, несмотря на то, что всѣ они также какъ и ихъ непосредственныя руководители были не военными, а гражданскими юристами, и только двое изъ нихъ, предсѣдатель суда и военный судья В. М. А., во время національной войны приобрѣли основательный стажъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ.

Глава VII

Сношенія съ Всероссійскимъ Правительствомъ и распоряженіе послѣдняго объ упраздненіи Вр. Правительства Сѣверной Области

Прежде чѣмъ закончить описаніе сравнительно спокойнаго періода нашего строительства и перейти къ критическому фазису нашего существованія, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на нашихъ сношеніяхъ съ Сибирью, которыя чуть было не привели къ упраздненію нашего Правительства, причемъ не въ силу какого нибудь конфликта, а въ порядкѣ

предпринятаго Омскимъ Правительствомъ объединенія всей власти въ своихъ рукахъ. Еще 10 сентября Главнокомандующимъ была получена радиотелеграмма изъ Омска съ сообщеніемъ объ утвержденіи 29 августа Верховнымъ Правителемъ принятаго совѣтомъ Министровъ «Положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ» и присвоеніи Главнокомандующему правъ Главнаго Начальника этого края, съ введеніемъ изложеннаго правительственнаго постановленія въ дѣйствіе по телеграфу. Независимо отъ того, что постановленіе это, вызвавшее принятіе такой серьезной и отвѣтственной мѣры, какъ упраздненіе Временнаго Правительства Сѣверной Области, носило характеръ полной неожиданности, такъ какъ нашъ представитель въ Сибири кн. Куракинъ не освѣдомилъ предварительно о немъ ни Правительство, ни Главнокомандующаго, полученіе его совпало съ уходомъ союзниковъ, созывомъ земско-городскаго совѣщанія и реконструкціей власти по соглашенію съ послѣднимъ, что, видимо, заставило Главнокомандующаго отнестись болѣе чѣмъ осторожно къ проведенію его въ жизнь, тѣмъ болѣе, что переданный по радио текстъ положенія объ управленіи Сѣвернымъ краемъ страдалъ существенными пропусками и даже самое поверхностное ознакомленіе съ нимъ вызывало полное недоумѣніе — настолько онъ былъ неудовлетворителенъ по своему содержанию. Поэтому Главнокомандующій обратился съ просьбой повторить текстъ этого положенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, запросилъ у кн. Куракина болѣе подробныхъ объясненій по поводу принятія Всероссійскимъ Правительствомъ такой серьезной мѣры въ столь спѣшномъ порядкѣ и безъ всякихъ предупрежденій.

Пока шли эти сношенія, которыя носили весьма несовершенный характеръ, такъ какъ связь по радио была налажена плохо, да и сибирская армія начала въ этотъ моментъ свое спѣшное отступленіе, изъ Сибири возвратилась ледокольная экспедиція, причемъ, вмѣстѣ съ ней прибыли представители Всероссійскаго Правительства во главѣ съ г. Фельдманомъ, доставившіе намъ законы Всероссійскаго Правительства, напечатанные въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Собраніи Узаконеній и Распоряженій.

При первоначальномъ разсмотрѣніи ихъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, въ которой я также принялъ участіе, наше общее недоумѣніе вызвало то обстоятельство, что сила дѣйствія многихъ законовъ Омскаго Правительства уже была распространена на нашу область съ отмѣной несогласованныхъ съ ними постановленій нашего Правительства, о чемъ послѣднее не было поставлено въ извѣстность, несмотря на то, что въ пересмотрѣ и отмѣнѣ ихъ опять таки принялъ участіе нашъ представитель кн. Куракинъ. Такъ какъ это мѣропріятіе противорѣчило постановленію самого же Всероссійскаго Правительства, сообщенному въ отвѣтъ на признаніе его Верховенства Правительствомъ Сѣверной Области, согласно которому послѣднее сохранило и послѣ этого право законодательства въ области практическихъ мѣропріятій, то рѣшено было приступить къ тщательному пересмотру присланныхъ законоположеній съ опубликованіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя не вызвали коренной ломки нашего законодательства, что могло бы вызвать крайне нежелательныя внутреннія осложненія.

Вмѣстѣ со своими ближайшими сотрудниками не безъ волненія приступилъ и я къ пересмотру законовъ по военно-судебному вѣдомству. Тревожилъ вопросъ, сохранились ли въ законодательствѣ Омскаго Правительства

основные принципы законодательнаго творчества перваго революціоннаго Правительства Россіи, которыми клался рѣшительный предѣлъ административному вмѣшательству въ судебныя дѣла, и военная прокуратура освобождалась отъ опеки всемогущаго военнаго начальства.

Организація военной юстиціи — одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ показателей политическаго курса правительства и не даромъ я съ тяжелымъ чувствомъ, еще до прибытія на Сѣверъ, прочелъ въ правилахъ Добровольческой арміи ген. Денкина о возстановленіи военно-судебныхъ законовъ и уставовъ, дѣйствовавшихъ до 27 февраля 1917 года. Для меня было достаточно одной этой фразы, чтобы понять, куда идуть и куда приведуть насъ руководители Южнаго Правительства.

Однако, всеѣмъ сомнѣніямъ было суждено быстро разсѣяться. Завоеванія революціи въ этой области были сохранены и, несмотря на то, что законодательство Сѣверной Области и Сибири протекало совершенно сепаратно другъ отъ друга, оно абсолютно совпало во всеѣхъ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ.

Проглядывая и изучая законодательство по военно-судебному вѣдомству, мы считали необходимымъ хотя бы бѣгло ознакомиться съ дѣятельностью Всероссійскаго Правительства во всеѣхъ другихъ важнѣйшихъ областяхъ государственной жизни, причемъ ознакомленіе это вызвало у насъ чувство полнаго удовлетворенія, ибо изъ правительственныхъ декларацій и распоряженій можно было усмотрѣть, что въ основу правительственной дѣятельности было положено искреннее желаніе возродить нашу государственность на началахъ правового строя и демократическаго режима.

Одновременно съ прибытіемъ Сибирской экспедиціи полученъ былъ подробный текстъ положенія о Главномъ Начальникѣ Сѣвернаго края съ категорическимъ требованіемъ адмирала Колчака немедленно ввести его въ дѣйствіе. Главнокомандующій не нашелъ болѣе возможнымъ откладывать разрѣшеніе этого вопроса и онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Временнаго Правительства, причемъ, по распоряженію Главнокомандующаго, съ докладами по этому поводу выступили юрисконсультъ гражданской канцеляріи Главнокомандующаго г. П. и я. Послѣ нашего доклада Правительство пришло къ единодушному рѣшенію, что временное положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, предоставлявшее Начальнику края лишь права Генераль-Губернатора, представляется абсолютно неприемлемымъ, такъ какъ Область, въ виду отсутствія нормальной связи съ Сибирью, попала бы въ безвыходное положеніе при разрѣшеніи всеѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ административнаго, законодательнаго и особенно финансоваго характера.

Въ виду этого Правительство рѣшило переработать это положеніе въ смыслѣ предоставленія болѣе широкихъ полномочій Главному Начальнику края, что было возложено на комиссію подъ моимъ предсѣдательствомъ въ составѣ юрисконсульта г. П. и Управляющаго Областнымъ Государственнымъ банкомъ г. Р. Работа эта была закончена въ кратчайшій срокъ и уже черезъ педѣлю Правительство получило возможность приступить къ разсмотрѣнію изготовленнаго нами проекта новаго положенія, сущность котораго сводилась къ передачѣ всеѣхъ полномочій Временнаго Правительства Сѣверной Области Главнокомандующему, какъ Главному Начальнику Сѣвернаго края, впредь до установленія правильныхъ и устойчивыхъ средствъ сообщенія, обезпечивающихъ во всеѣхъ отношеніяхъ связь Сѣверной Области

съ Всероссійскимъ Правительствомъ. Для устранения всякой ломки въ существующемъ и уже налаженномъ правительственномъ аппаратѣ, а также возможныхъ παρεканій, что проектируемыя измѣненія преслѣдуютъ контрреволюціонныя цѣли, рѣшено было персональный составъ Временнаго Правительства сохранивъ съ оставленіемъ всѣхъ Управляющихъ Отдѣлами, которые въ своей совокупности составили бы Гражданское управленіе края, съ помощникомъ Главнаго Начальника края по гражданской части во главѣ, въ лицѣ Предсѣдателя Временнаго Правительства П. Ю. Зубова. Всѣ дѣла законодательнаго характера подлежали обязательному внесенію въ Совѣтъ при Главномъ Начальникѣ края, состоящій изъ Управляющихъ отдѣлами, предсѣдателя финансово-экономическаго совѣщанія области, предсѣдателя Архангельской губернской земской управы и городского головы гор. Архангельска.

Выработанное комиссіей положеніе объ управленіи Сѣвернымъ краемъ, не вызвавъ почти никакихъ возраженій по существу, сдѣлалось предметомъ горячихъ дебатовъ въ виду возникшихъ основательныхъ сомнѣній въ своевременности его проведенія въ жизнь. Сибирскій фронтъ продолжалъ катиться на востокъ и дальнѣйшее благополучіе Омскаго Правительства было подъ большимъ знакомъ вопроса, что заставляло быть весьма осторожнымъ въ установленіи прочной связи съ нимъ, можетъ быть, наканунѣ его паденія. Къ этому же присоединились соображенія внутренне-политическаго характера; было извѣстно, что мѣстные демократическіе круги настроены крайне отрицательно къ проекту, усматривая въ немъ очередное «coup d'état». Послѣднее обстоятельство побудило члена Правительства М. М. Федорова воздержаться отъ голосованія при разрѣшеніи этого вопроса, что онъ объяснилъ политѣйшимъ своимъ несочувствіемъ постановкѣ самаго вопроса объ упраздненіи Правительства на обсужденіе послѣдняго. Голоса остальныхъ членовъ Правительства подѣлились пополамъ, причемъ за принятіе законопроекта голосовали Главнокомандующій и Цапенко, а противъ Зубовъ и Багриновскій.

Въ виду такого разногласія, въ Сибирь были сообщены не только сущность проекта, но встрѣченныя при обсужденіи проведенія его въ жизнь затрудненія, на что отвѣта не послѣдовало, такъ какъ пораженіе на сибирскомъ фронтѣ скоро приняло характеръ полной катастрофы.

Причины этой катастрофы были бы совершенно непонятны, если бы мы ограничили свое изслѣдованіе таковыхъ анализомъ правительственной дѣятельности, поскольку она нашла свое отраженіе въ официальныхъ государственныхъ актахъ, которые, насколько удалось съ ними ознакомиться, носили несомнѣнно демократическій характеръ. Но документальная сторона, къ сожалѣнію, не соответствовала дѣйствительности, на которую пролили довольно яркій свѣтъ проѣзжавшіе въ это время черезъ область два чехословацкихъ офицера, командированные въ Прагу съ подробными докладами къ Министру-Предсѣдателю Бенешу о положеніи въ Сибири.

Относясь съ большимъ уваженіемъ къ свѣтлой личности адмирала Колчака и къ его искреннимъ и честнымъ стремленіямъ возстановить нашу государственность на новыхъ началахъ, они не находили въ окружавшей его средѣ элементовъ, необходимыхъ для проведенія этихъ началъ въ жизнь. Безлюдіе и тяготѣніе къ прошлому на верхахъ, отсутствіе дисциплины и разложеніе въ арміи, которая по ихъ мнѣнію значительно уступала во всѣхъ

отношеніяхъ по своимъ качествамъ красной, и эгоизмъ и отсутствіе гражданскаго долга въ средѣ сибирскаго крестьянства, не испытавшаго большевизма, который до созданія бѣлаго фронта имѣлъ распространеніе только по сибирской магистральной, а потому деревня жила въ условіи гражданской войны, не платя къ тому же податей и налоговъ, — все это вмѣстѣ взятое приводило чехо-словацкихъ представителей къ пессимистическому выводу о полной безнадежности не только сибирскаго фронта, но и всего бѣлаго движенія въ Россіи. Чехо-словацкіе легіоны рвались домой и слышать больше не хотѣли объ оказаніи намъ дальнѣйшей поддержки.

Какъ чехо-словацкимъ офицерамъ, такъ и представителямъ Сибирскаго Правительства, царившій у насъ на Сѣверѣ и особенно въ Архангельскѣ порядокъ, носившій характеръ нормальной жизни мирнаго времени, казался недосыгаемымъ идеаломъ по сравненію съ имѣвшею мѣсто въ Сибири неурядицей.

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло и быть вопроса объ упраздненіи Временнаго Правительства Сѣверной Области и обращеніи насъ въ одну изъ провинцій, подчиненныхъ Сибиріи.

Между тѣмъ, существованіе областныхъ правительствъ на ряду съ Всероссийскимъ несомнѣнно вредило намъ въ международномъ отношеніи, создавая впечатлѣніе отсутствія единой національной власти, достойной международного признанія, и, кромѣ того, давало въ руки большевиковъ отличный поводъ для агитаціи въ смыслѣ трактованія насъ всѣхъ, какъ бунтовщиковъ противъ единой законной власти совѣтскаго правительства. При наличіи же только одного Всероссийскаго Правительства сама совѣтская власть принимала характеръ сообщества, посягнувшаго на испроверженіе государственнаго строя, возглавляемаго единой національной властью.

Что касается спеціально Сѣверной Области, то упраздненіе въ ней Правительства въ значительной степени избавило бы насъ отъ партійной борьбы за власть въ самые критическіе моменты нашего существованія, которая могла кончиться и, какъ мы увидимъ ниже, въ дѣйствительности и закончилась полной для насъ катастрофой.

Часть IV

Развалъ фронта и эвакуація

Глава I

Конфликтъ между Штабомъ и фронтомъ. Дѣло штабъ-ротмистра Н.

Наступилъ еще болѣе тревожный періодъ, чѣмъ передъ оставленіемъ насъ союзниками: пришли извѣстія о развалѣ всѣхъ остальныхъ бѣлыхъ фронтовъ. Была отброшена отъ Петрограда и ликвидировалась армія Юденича, агонизировала загнанная вглубь Сибири армія адмирала Колчака и началось послѣднее отступленіе Южной добровольческой арміи. Мы оставались одни противъ могучаго противника, что вызывало такую тревогу среди населенія, что Главнокомандующій выступилъ черезъ представителя бюро печати съ пространными объясненіями по поводу создаваемаго положенія, стараясь успокоить населеніе.

Такъ какъ наше военное положеніе въ переживаемый моментъ представляло наибольшій интересъ для всѣхъ круговъ населенія, которое опять, какъ и въ дни предшествовавшіе уходу союзниковъ, задавалось вопросомъ: «Что будетъ съ нами, когда мы останемся одни противъ большевиковъ», то я считаю нужнымъ подробнѣе остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Штаба Главнокомандующаго въ этотъ моментъ вызвала въ строевой офицерской средѣ очередное общее неудовольствіе.

Цѣлью нашего первоначальнаго удачнаго наступленія, предшествовавшаго еще уходу союзниковъ, былъ захватъ узловыхъ путей для сокращенія фронта путемъ объединенія Селецкаго и Онежскаго районовъ съ желѣзнодорожнымъ, послѣ чего возникла возможность освободить часть войскъ для отдыха въ резервъ, гдѣ бы они могли немного и развлечься, причемъ для разумнаго использования ими досуга былъ принятъ цѣлый рядъ описанныхъ выше мѣръ культурно-просвѣтительнаго характера.

Но даже эта разумная по своей цѣли операція стоила намъ большихъ жертвъ, которыя были для насъ очень чувствительны, такъ какъ ресурсы нашей живой силы были болѣе чѣмъ ограничены. Поэтому, уже въ этотъ періодъ, командный составъ строевыхъ частей былъ противъ неосторожнаго и чрезмѣрнаго, а въ некоторыхъ случаяхъ неоправдываемаго даже поставленной цѣлью, форсированія нашихъ скромныхъ силъ.

Казалось бы, что падение других фронтов должно было повлечь за собой подготовку к длительной обороне на занимаемых позициях с сокращением нашего тысячеверстного фронта путем увода наших войск из отдаленных районов, что дало бы возможность иметь и необходимый резерв, отсутствие которого в случае прорыва на фронте могло поставить нас в катастрофическое положение. Между тем, Штаб повел грандиозную операцию с захватом отдаленных от нас на сотни и тысячи верст местностей в Пинежском, Мезенском и Печорском районах, а также Яренского и Устьсысольского уездов Вологодской губернии, причем в некоторых районах, как например на Пинежье, большевики сами очистили занятую ими территорию, предоставив нам кормить брошенное ими голодавшее население. Захват новых громадных пространств еще больше растянул наш фронт, распыляя наши скромные боевые силы, повлек за собой удлинение коммуникационных линий, расход транспорта и, главное, продовольствия, в котором мы сами начинали ощущать недостаток, принужденные сокращать пайки сахара и хлеба не только населению, но и в армии, что неизбежно должно было вызвать громадное неудовольствие. Между тем, Штаб продолжал развивать в этом направлении бурную деятельность и оторванная от реальной действительности стратегическая мысль кабинетных полководцев витала в мире грандиозных операций, о которых возвещалось в пышных реляциях с указанием на захват территории равных по своей величине Франции или Германии.

Все это, а также небезопасность эвакуации привело сначала к скрытому, а потом и явному неудовольствию Штабом, причем много масла в огонь подлило некорректное отношение к строевым офицерам отдела Штаба, вдовавшего личным составом, куда офицерам постоянно приходилось обращаться за справками и с различными ходатайствами.

Преиратательства некоторых старших начальников со штабом приняли острый характер недопустимых с точки зрения воинской дисциплины отношений и сдвинулись, благодаря неоправдываемой неосторожности некоторых из них, достоянием офицерской среды, что чуть было не вызвало резкого активного выступления против Штаба.

Поводом к предполагаемому выступлению послужило предание военно-окружному суду одного офицера железнодорожного района за пьянство, буйство и оскорбление на словах патруля национального ополчения и нескольких старших офицеров Штаба, принимавших меры к прекращению учиненного им беспорядка. Произведенное расследование показало, что все эти эксцессы явились следствием крайне нездоровой атмосферы, создавшейся на почве обвинений Штаба в том, что он сам «сидит в безопасности в тылу», а строевым ставит невыполнимые задачи. Так как эксцессы были учинены в пьяном виде, то злоба была сорвана на нескольких достойных старших офицеров Штаба, совершенно неповинных в политике его руководителя, и, как представителям тыла, досталось также ополченцам, которые подверглись оскорблению за то, что, выполняя добросовестно обязанности патрульных, приняли меры к прекращению произведенного на улицах беспорядка.

Таких дел в описываемый период, к сожалению, было не мало и они составляли довольно богатый материал для милицейской хроники и обвинительных актов военно-окружного суда. Я уже имел случай выше

объяснить причины того душевного надрыва, который вызывалъ стремленіе, хотя бы на короткій мигъ, забыться среди тѣхъ тяжелыхъ переживаній, которыми была такъ богата жестокая дѣйствительность. Къ этимъ причинамъ въ описанный моментъ прибавилось гнетущее душу предчувствіе близкой катастрофы, уже постигшей другіе фронты, неизбежность которой инстинктивно чувствовалась всѣми и вызывала представленіе о безцѣльности какъ уже принесенныхъ жертвъ, такъ и тѣхъ, которыя еще предстояло принести.

Конечно, для потерпѣвшихъ мотивы такихъ выступленій были безразличны и архангельское населеніе очень чутко реагировало на нихъ, возмущаясь тѣми незаслуженными обидами, которымъ подвергались его близкіе за свою самоотверженную работу по охранѣ города.

Однако, упомянутое дѣло не привлекло бы особаго вниманія, если бы командовавшему желѣзнодорожнымъ райономъ кн. М. не пришла крайне неудачная мысль использовать предстоящее судебное засѣданіе въ цѣляхъ демонстраціи противъ Штаба, для чего онъ рѣшилъ выступить защитникомъ самъ и привлечь къ защитѣ еще двухъ лицъ: состоявшаго въ его штабѣ доктора К. и извѣстнаго въ Архангельскѣ присяжнаго повѣреннаго С.

Около дѣла создалась невѣроятная шумиха, дошло до нелѣпныхъ разговоровъ о поворотѣ въ случаѣ надобности княземъ М. фронта на Архангельскъ, о чемъ невоздержанно болтала при солдатахъ сбитая съ толку офицерская молодежь. Надо было, во что бы то ни стало, парализовать скандалъ, который могъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія и, несмотря на то, что дѣло само по себѣ не заслуживало никакого вниманія, мнѣ самому пришлось выступить обвинителемъ. Главнокомандующаго очень взволновала вся эта исторія и онъ хотѣлъ сначала не допускать кн. М. къ защитѣ и совершенно закрыть въ порядкѣ охраненія дисциплины двери засѣданія, но я убѣдилъ его не дѣлать этого и допустить къ слушанію дѣла возможно болѣе офицеровъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, подъ вліяніемъ строгой обстановки судебного засѣданія, которое по своему обыкновенію спокойно и образцово провелъ чрезвычайно опытный предсѣдатель суда А. Н. З., страсти улеглись и къ моменту судебныхъ преній создалась совершенно спокойная атмосфера, не вызывавшая никакихъ опасеній. Подвергнувъ жестокой критикѣ поведеніе подсудимаго, я предоставилъ сдѣлать выводъ каждому, насколько нелѣпо и преступно было въ переживаемый нами моментъ нарушать единство въ нашей офицерской средѣ противопоставленіемъ фронта тылу и въ періодъ классовой борьбы называть представителей національнаго ополченія, состоявшаго преимущественно изъ непмущихъ лицъ интеллигентской среды, «буржуями» съ оскорбленіемъ ихъ площадной бранью. Однако, въ интересахъ безпристрастія я остановился на томъ тяжеломъ психическомъ состояніи, которое господствовало въ переживаемый моментъ въ средѣ строевыхъ офицеровъ и не настаивалъ на высшей мѣрѣ наказанія, принимая во вниманіе, что подсудимый особенно отличался душевной неуравновѣшенностью, подъ вліяніемъ тяжелыхъ поврежденій черепа, полученныхъ имъ, какъ летчикомъ, во время одного изъ очередныхъ полетовъ.

Защита ограничилась характеристикой личности подсудимаго и описаніемъ тяжелыхъ переживаній, выпавшихъ на долю нашего офицерства. Противъ высшаго командованія и Штаба не только не послѣдовало какихъ либо рѣзкихъ выступленій, но даже одинъ изъ защитниковъ подчеркнул, что

штабы въ національную войну никогда не проявляли такой заботливости въ вопросѣ снабженія арміи, какъ это имѣло мѣсто на Сѣверѣ.

Судь приговорилъ подсудимаго къ заключенію въ крѣпость срокомъ на два мѣсяца съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

Кн. М. вскорѣ послѣ описаннаго процесса покинулъ Сѣверную Область и его въ качествѣ Командующаго Желѣзнодорожнымъ раіономъ замѣнилъ ген. В. Хотя отношенія со Штабомъ потеряли прежній острый характеръ, но все же продолжали быть натянутыми и холодными. Къ сожалѣнію обостреніе отношеній со Штабомъ сыграло свою печальную роль, породивъ въ офицерской средѣ наиболѣе любимаго и выдѣляемаго княземъ М. 3 Сѣв. стрѣлк. полка духъ неумѣстной критики, передавшейся въ солдатскую массу. Офицерство этого полка преимущественно отличалось пьяными эксцессами, подавая дурной и, къ сожалѣнію, заразительный примѣръ своимъ солдатамъ. Приѣзжавшіе въ Архангельскъ солдаты поражали своимъ разнузданнымъ видомъ и отличались массовымъ нежеланіемъ отдавать честь, заявляя, что въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку это не принято. Послѣдовавшія вскорѣ за тѣмъ боевыя дѣйствія показали, что прежній славный боевой духъ полка исчезъ совершенно, такъ какъ въ атаку ходили ген. В., командиръ полка и нѣсколько храбрѣйшихъ офицеровъ, сопровождаемые кучкой вѣрныхъ солдатъ, а весь остальной полкъ только принималъ на себя славу этихъ героевъ. Дурная слава о полкѣ приобрѣла широкую извѣстность. Послѣ оставленія полка генераломъ В. никто изъ старшихъ офицеровъ не хотѣлъ принимать командованія полкомъ и опъ оставался въ рукахъ молодого подполковника П., который не обладалъ служебнымъ опытомъ и несмотря на свою выдающуюся храбрость не пользовался авторитетомъ, такъ какъ началъ службу въ этомъ полку съ маленькихъ чиновъ, происходя самъ изъ простыхъ шенкурскихъ добровольцевъ. Главкомандующему и Начальнику Штаба со всѣхъ сторонъ докладывали о томъ, что необходимо принять мѣры къ оздоровленію полка, а нѣкоторые даже совѣтовали расформировать его, считая, что мѣры къ его исправленію уже запоздали, но, какъ и въ исторіи съ морскими стрѣлками, ничего сдѣлано не было и все было предоставлено естественному развитію событій, которыя и привели насъ къ катастрофѣ, началомъ чему послужило возстаніе въ 3 Сѣверномъ стрѣлковомъ полку.

Глава II

Пропаганда мира большевиками. Эвакуаціонный вопросъ

Паденіе другихъ бѣлыхъ фронтовъ было немедленно использовано большевиками въ агитаціонныхъ цѣляхъ для разложенія нашего фронта. Какъ изъ рога изобилія посыпались на насъ прокламаціи съ призывомъ немедленнаго прекращенія борьбы. Нужно отдать справедливость, что составлены онѣ были чрезвычайно искусно и несомнѣнно должны были произвести сильное впечатлѣніе не только на солдатскія массы и населеніе, но даже и на офицеровъ. Такъ какъ наше Правительство не давало повода для обвиненія въ контръ-революціонности, то политическіе вопросы въ прокламаціяхъ большей

частью совершенно обходились и центр тяжести былъ перенесенъ на доказательство безразсудности и безсмысленности нашего дальнѣйшаго сопротивленія всей остальной Россіи.

«Неужели вы серьезно предполагаете продолжать борьбу съ нами? Вѣдь мы можемъ васъ въ любой моментъ сбросить съ вашего пятачка пинкомъ ноги въ море», — твердили воззванія къ населенію и войскамъ, послѣ чего рекомендовалось немедленно прекратить безсмысленную бойню, а если офицеры будутъ сопротивляться этому, то связать ихъ и выдать. Однако и послѣдніе не были обойдены вниманіемъ, и къ нимъ послѣдовали спеціальныя обращенія за многочисленными подписями офицеровъ красной арміи.

«Братья офицеры, опомнитесь», взывало одно изъ обращеній, «перестаньте быть наймитами своего и иностраннаго капитала. Неужели васъ ничему не научилъ горькій опытъ ведущейся борьбы. Васъ бросили французы въ Одессѣ, чехи въ Сибири и англичане въ Архангельскѣ. Перестаньте приносить безчисленныя жертвы международному капиталу». Далѣе слѣдовало приглашеніе безбоязненно переходить къ непріятелю, гдѣ офицеры возстановлены въ прежнихъ правахъ, какъ въ смыслѣ своего престижа, такъ и въ отношеніи дисциплинарной власти: въ арміи введена прежняя дисциплина, комиссары дружно работаютъ съ команднымъ составомъ, офицеры получаютъ отличное вознагражденіе и вмѣстѣ со своими семьями обезпечены пайкомъ, причемъ даже имѣютъ по прежнему денщиковъ. Послѣ текста на одномъ изъ воззваній слѣдовало около ста шестидесяти подписей, среди которыхъ я нашелъ фамиліи нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ генераловъ и старшихъ кадровыхъ офицеровъ, съ указаніемъ ихъ прежняго чина и мѣста службы.

Конечно, на каждое изъ этихъ воззваній можно было дать и давался достойный и исчерпывающій отвѣтъ, но нельзя не признать, что они производили очень сильное впечатленіе, такъ какъ обстановка борьбы дѣйствительно складывалась не въ нашу пользу и мы оставались одинокими. Конечно, трудно было убѣдить населеніе въ возможности борьбы области съ количествомъ жителей въ 450 тысячъ человекъ, то-есть равнымъ приблизительно народонаселенію Петроградской стороны гор. Петрограда, со всей остальной Россіей, а главное, также какъ во время національной войны, намъ приходилось призывать къ продолженію борьбы и самопожертвованію, противоположная же сторона опять играла на шкурническихъ инстинктахъ, призывая къ миру.

Пока мы принимали всѣ мѣры къ тому, чтобъ парализовать преступную пропаганду мира большевикамъ, намъ въ этомъ отношеніи былъ нанесенъ новый мощный ударъ изъ такихъ круговъ, которые до сихъ поръ, хотя лишь въ сферѣ дѣловыхъ отношеній, но поддерживали насъ. Въ печати появились заграничныя телеграммы о томъ, что кооперативы въ лицѣ Центросоюза выступили съ проектомъ торговли съ Совѣтской Россіей, который однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей Центросоюза, г. Беркенгеймомъ, былъ предложенъ вниманію Ллойдъ-Джорджа, Клемансо и Нитти. Хотя полученные вскорѣ подробности проекта содержали въ себѣ такія данныя, что почти не было никакихъ шансовъ на его осуществленіе, ибо при проведеніи этой торговой операціи въ Совѣтской Россіи Центросоюзъ долженъ былъ функционировать, какъ государство въ государствѣ на условіяхъ экстерриториальности, имѣя дѣло съ русскимъ народомъ, а не съ совѣтской властью, — однако широкими кругами населенія изъ проекта этого мѣропріятія было усвоено только одно: бло-

када снимается и начинается торговля съ Совѣтской Россіей, а при этихъ условіяхъ наша дальнѣйшая борьба совершенно ни къ чему.

Тяжелый грѣхъ взяли себѣ на душу руководители Центросоюза, выступивъ съ этимъ неосторожнымъ проектомъ, изъ котораго впоследствии, какъ и слѣдовало ожидать, ровно ничего не вышло. Я съ полной отвѣтственностью за свои слова утверждаю, что этотъ проектъ Центросоюза сыгралъ у насъ болѣе роковую роль, чѣмъ прокламаціи большевиковъ о прекращеніи борьбы. Мѣстные кооператоры, до этого державшіеся въ сторонѣ отъ политики, сразу же ринулись въ объятія г. Скоморохова, который, какъ я уже указывалъ выше, развилъ къ этому времени чрезвычайно бурную дѣятельность по подготовкѣ натиска на Правительство съ цѣлью захвата власти. Оборонческіе эсеровскіе круги въ лицѣ доктора Соколова и А. Иванова шли съ нимъ вмѣстѣ, имѣя, видимо, желаніе и послѣ вступленія въ Правительство продолжать борьбу съ большевиками, по самъ Скомороховъ, пользуясь ими, какъ прикрытіемъ въ глазахъ политическихъ противниковъ, имѣлъ другую цѣль — заключеніе мира. Онъ усиленно обрабатывалъ въ этомъ направленіи кооператоровъ и особенно представителей земства, подготавливая послѣднихъ къ активному выступленію противъ Правительства на предстоявшемъ 3 февраля Губернскомъ Земскомъ собраніи.

Въ бесѣдѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б., имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, по поводу подводной повинности земства, онъ прямо заявилъ, что по его личному мнѣнію врядъ ли цѣлесообразно продолжать дальнѣйшую борьбу и намекнулъ, что необходимо выдвинуть къ власти элементы, которые могли бы безболѣзненно ликвидировать область. При этомъ онъ обнаружилъ чрезвычайную заботливость объ офицерахъ, заявивъ, что, конечно, надо принять всѣ мѣры къ обезпеченію ихъ личной неприкосновенности, для чего онъ согласенъ самъ войти въ списокъ заложниковъ за нихъ передъ большевиками. Не говоря уже о томъ, что его поручительство отнюдь не могло служить гарантіей чьей нибудь неприкосновенности, надо было имѣть очень многу наивности, чтобы повѣрить въ искренность этихъ его заявленій, принимая во вниманіе ту злобу, которую онъ питалъ къ своимъ классовымъ врагамъ и которую онъ даже не пытался скрывать.

Зная близкія личныя отношенія ген. Б. къ Главнокомандующему, онъ, желая, чтобы его слова дошли до послѣдняго, подчеркнул необходимость считаться съ его совѣтами, такъ какъ «связи его съ фронтомъ очень прочны, что онъ можетъ доказать въ любую минуту».

Тревожное настроеніе, созданное паденіемъ другихъ фронтовъ и агитаціей большевиковъ, привлекло вниманіе къ эвакуаціонному вопросу въ связи съ возможнымъ паденіемъ Архангельскаго фронта. Еще въ періодъ ухода союзниковъ высшее командованіе рѣшило принять нѣкоторыя подготовительныя мѣры къ обезпеченію эвакуаціи населенія и войскъ на Мурманъ, который являлся нашимъ естественнымъ и ближайшимъ редюнтомъ. Однако, мѣропріятія эти носили крайне несерьезный характеръ, давъ больше пищи для насмѣшекъ и негодованія. Вмѣсто того, чтобы отпустить Начальнику Мурманскаго края достаточное количество средствъ и командировать къ нему инженеровъ и, главное, рабочихъ, была создана цѣлая эвакуаціонная комиссія, во главѣ которой былъ поставленъ докторъ Б. Снабженіе его колоссальными полномочіями пріостанавливать и отмѣнять въ случаѣ надобности распоряженія

мурманскихъ военныхъ и гражданскихъ властей, вызвало довольно остроумное присвоеніе ему титула «эвакуаціоннаго диктатора», что звучало чрезвычайно комично въ связи съ его маленькой штатской фигуркой. Однако, было и не до смѣха; на Мурманѣ, гдѣ и такъ не было единой авторитетной для всѣхъ власти, прибавилось еще одно административное лицо съ крупными полномочіями, а докторъ, кромѣ того, создалъ сейчасъ же внушительные штаты съ соответствующими окладами и суточными, что тоже вызвало въ обществѣ совершенно справедливыя нареканія, въ виду тѣхъ скромныхъ средствъ, которыми располагала область. Появленіе доктора Б. на Мурманѣ еще болѣе обострило имѣвшій тамъ мѣсто кризисъ рабочихъ рукъ, что вызвало тренія между нимъ и Начальникомъ Мурманскаго края, а дѣятельность его выразилась главнымъ образомъ въ вставленіи стеколъ въ многочисленныхъ оставленныхъ союзниками баракахъ.

Однако, въ эвакуаціонномъ вопросѣ всѣхъ не такъ интересовало будущее размѣщеніе, какъ средства и способы перехода на Мурманъ и обезпеченіе послѣдняго въ военномъ отношеніи. Для «успокоенія» публики по гражданской канцеляріи Главнокомандующаго было выпущено объявленіе, которое съ одной стороны всѣхъ раззабавило, а съ другой еще болѣе усилило тревогу. Начинаясь оно съ указанія, что населеніе, почему то склонно въ послѣднее время впадать «то въ черезчуръ оптимистическое, то въ чрезмѣрно пессимистическое» настроеніе, между тѣмъ никого не задерживали, когда уѣзжали союзники и всѣ желающіе могли эвакуироваться съ нимъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ наши власти на себя въ этомъ вопросѣ никакой отвѣтственности не принимали. Послѣ такого неутѣшительнаго введенія тѣмъ не менѣе было подчеркнута, что планъ эвакуаціи выработанъ и «усвоенъ штабомъ», причемъ за отсутствіемъ достаточныхъ морскихъ средствъ предполагается, въ случаѣ неудачи на фронтѣ, планомѣрное отступленіе сухимъ путемъ на Мурманъ и на Печору. Послѣднее было особенно утѣшительно, такъ какъ въ конечномъ результатѣ все равно обрекало на эвакуацію въ руки большевиковъ, и почему для этого нужно было предварительно путешествовать на Печору, было совершенно непонятно.

Одновременно въ Штабѣ былъ разработанъ планъ отхода нашихъ войскъ на Мурманъ, который долженъ былъ совершиться по всѣмъ правиламъ военного искусства. Я помню, съ какимъ негодованіемъ мнѣ рассказывали о всѣхъ фантазіяхъ ген. К. въ этой области Начальникъ оперативнаго отдѣленія Штаба талантливый полковникъ Ген. Штаба К., которому была поручена разработка этой операціи. Точно дѣло шло на маневрахъ съ обозначеннымъ противникомъ или предстоялъ очередной эпизодъ національной войны, причемъ въ нашемъ распоряженіи находились прежніе лучшіе полки старой арміи, проникнутые единой національной идеей, боевыми традиціями и товариществомъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ волѣ начальства, тогда какъ въ дѣйствительности шла гражданская война въ условіяхъ постоянной пзмѣны, предательства и возможности въ любой моментъ неожиданнаго образованія внутренняго фронта въ тылу.

Недаромъ на фронтѣ параллельно вели другую работу, организуя на случай катастрофы прочныя ячейки въ частяхъ и заранее взвѣсивая всѣ возможности, которыя могла создать причудливая дѣйствительность гражданской войны. Планы ген. К. расцѣвивались тамъ какъ штабныя фантазіи и

дѣятельность его вызывала такое недовѣріе, что считалось необходимымъ скрывать отъ него свои проекты.

Плохо обстояло дѣло и съ морскимъ транспортомъ. Уголь былъ на исходѣ, да и ледоколы все время осуществляли очередныя заданія по перевозкѣ продовольствія, такъ что одновременно въ Архангельскѣ никогда не пахотилось болѣе двухъ, а бывали періоды, когда оставался одинъ ледоколъ. Адмиралъ на укору его въ Правительствѣ, совершенно резонно заявилъ, что онъ обо всемъ этомъ своевременно предупреждалъ, а на растерянные вопросы, какъ же эвакуироваться, посоветовалъ запастись валежками.

Не принималось никакихъ мѣръ и къ обезпеченію Мурманскаго редюнта, а тамъ во многихъ отношеніяхъ было весьма неблагополучно. Военное командованіе находилось тамъ въ очень опытныхъ рукахъ въ смыслѣ чисто боевого руководства, но не ладилось дѣло снабженія, а главное, очень неспокойно было въ тылу, охрана котораго уже не входила въ компетенцію военнаго начальства и всецѣло лежала на обязанности Начальника Мурманскаго края г. Е.

Железнодорожный транспортъ пришелъ въ полное разстройство изъ за отсутствія ремонта и топлива; обслуживавшій его составъ мелкихъ служащихъ былъ болѣе чѣмъ неблагонадеженъ въ политическомъ отношеніи, а нѣкоторые старшіе служащіе — инженеры позволили себѣ самовольно покинуть свои посты и эвакуировались съ англичанами. Для охраны громаднаго тыла, имѣвшаго въ глубину до 800 верстъ, не хватало людей, такъ какъ войскъ съ фронта снимать было нельзя, а милиція была немногочисленна и мало-надежна. Административный персоналъ былъ неопытенъ и крайне малочисленъ для обслуживания такого большого края, органы юстиціи также почти отсутствовали. Функціи властей не были точно разграничены и въ тылу одновременно наводили порядокъ какъ военные отряды, высланные съ фронта, такъ и организованные Начальникомъ Мурманскаго края г. Е. Последній послѣ ухода англичанъ совсѣмъ потерялъ голову, размѣнялся на мелочи, вмѣшиваясь лично во все дѣла и входя изъ за этого въ пререканія съ неподчиненными ему вѣдомствами. Во всѣхъ областяхъ жизни тутъ же у него подъ бокомъ, въ самомъ Мурманскѣ, царил неразбериха и хаосъ и все кишѣло красными, а Начальникъ края находилъ возможнымъ наводить рѣзкую критику на центральное Правительство, посылая Главнокомандующему телеграммы, составленные въ недопустимомъ тонѣ, съ выкриками, что онъ не желаетъ признавать Правительства Сѣверной Области, а своимъ единственнымъ Начальникомъ считаетъ Главнокомандующаго, хотя имѣетъ силы и возможность поднять бунтъ и отдѣлиться. Ген. Миллеръ, называя такія телеграммы очередной истерикой, спокойно ихъ складывалъ въ ящики своего письменнаго стола, не придавая имъ серьезнаго значенія, хотя было извѣстно, что это не однѣ пустыя словесныя угрозы, но что Начальникъ края обзаводится собственной валютой и усиленно муссируетъ среди своихъ подчиненныхъ мысль о необходимости образовать какой то отдѣльный штатъ подъ покровительствомъ англичанъ. Несомнѣнно, что поводомъ къ такому сепаратизму служило неудовлетвореніе Архангельскомъ многихъ настоятельныхъ пуждъ Мурманскаго края, бывшаго на положеніи насыпка.

Таковы были порядки на Мурманѣ, который долженъ былъ быть въ случаѣ катастрофы нашимъ редюнтомъ. Если онъ и держался, то благодаря крѣпкому фронту и наличію въ администраціи Олонецкой губерніи во главѣ

съ очень дѣльнымъ Начальникомъ Губерніи К., нѣсколькихъ опытныхъ уѣздныхъ начальниковъ вродѣ бывшаго земскаго дѣятеля Б-на и бывшаго лѣсничаго Т-на.

Наконецъ, жалобы, сыпавшіяся на г. Г. со всѣхъ сторонъ, собственныя его выходки и доклады всѣхъ командированныхъ на Мурманъ съ разными порученіями административныхъ лицъ привели Главнокомандующаго къ выводу, что дальше такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Начался длительный періодъ проектовъ и раздумій о томъ, какъ организовать тамъ власть. Ясно было, что надо было ввѣрить управленіе одному лицу, такъ какъ многовластіе вело тамъ къ полному безвластію, а между тѣмъ Штабъ Главнокомандующаго выступилъ съ проектомъ, согласно которому на Мурманѣ въ тылу учреждался военный округъ, въ подчиненіе къ которому входилъ Начальникъ Мурманскаго края, а фронтъ оставался самостоятельнымъ и по прежнему подчинялся Архангельску. Главнокомандующій, отвергнувъ этотъ проектъ, не нашелъ возможнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни подчинить Командующаго Войсками Мурманскаго района ген. С. во всѣхъ отношеніяхъ Начальнику Мурманскаго края, ни тѣмъ болѣе послѣдняго генералу С., заявивъ, что военное командованіе на Мурманѣ не въ достаточной степени обладаетъ административнымъ опытомъ и еще менѣе можетъ справиться со всѣми сложными вопросами въ области финансовой, административной и земельной, чѣмъ г. Е.

Вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ, какъ въ смыслѣ организаціи правильнаго управленія края, такъ и въ смыслѣ оказанія ему реальной помощи по укрѣпленію порядка въ тылу. Наоборотъ, посланные на Мурманъ изъ Архангельска паровозы оказались никуда негодными, а вмѣсто успевія тыла надежными элементами и поддержанія его въ военномъ отношеніи, въ Мурманскій портъ изъ Архангельска прибыла дѣлая флотилія судовъ съ краснымъ экипажемъ, который немедленно занялся большевистскою пронагандой. На Мурманѣ же были направлены освобожденные съ Юканги солдаты, своевременно высланные туда съ Архангельскаго фронта за свою политическую неблаговадежность, прибывшій же изъ за границы отрядъ датчанъ добровольцевъ былъ изъ Мурманска переведенъ въ Архангельскъ.

Всѣ эти распоряженія вызвали очередные рѣзкіе и энергичные протесты, какъ г. Е., такъ и ген. С., которые однако никакого успѣха не имѣли и дальнѣйшій ходъ событій на Мурманѣ былъ предоставленъ неизбежному естественному теченію, имѣвшему для насъ весьма непріятныя послѣдствія.

Глава III

Совѣщаніе старшихъ начальниковъ съ Главнокомандующимъ и членами Временнаго Правительства. Неожиданный правительственный кризисъ

Создавшееся болѣе чѣмъ серьезное положеніе въ связи съ непріятіемъ какихъ либо существенныхъ мѣръ къ парализованію возможной катастрофы какъ со стороны Правительства и Главнокомандующаго, такъ и Штаба, гдѣ зарывшійся въ бумагу ген. К. пытался уложить нашу бурную,

напоминающую непрерывные взрывы работающего бензино-мотора, жизнь в канцелярских формулы его резолюций, — побудило нескольких старших начальников и руководителей ведомств обсудить совместно те мероприятия, которые надлежало принять в спешном порядке для выхода из создавшегося положения. В эту группу, созданную по инициативе генерал-квартирмейстера Штаба ген. К., вошли кроме него председатель финансово-экономического совещания и начальник Национального ополчения ген. С., начальник военных сообщений ген. Б. и я; кроме того на первых заседаниях присутствовал Начальник гражданской канцелярии Главнокомандующего г. Ш. На первом же совещании, имевшем место в начале января, было решено всем вместе пойти к Главнокомандующему и, обрисовав ему существующую обстановку, побудить его на принятие более энергичных мероприятий, так как он в слишком оптимистических тонах расценивал ее, находясь в этом отношении под влиянием Начальника Штаба, тогда как оставленный для связи при нашем Штабе после ухода союзников английской лейтенант Н. считал наше военное положение настолько непрочным, что даже определил конечный срок нашего пребывания в области, заявив, что мы вряд ли продержимся более полутора, двух месяцев.

Прибыв к Главнокомандующему, мы изложили ему подробно наш взгляд на существующее положение, причем наместили те меры, которые по нашему единодушному мнению должны были быть осуществлены в срочном порядке.

Исходя из того, что мы остались одни против противника, располагавшего колоссальными силами, мы указали на необходимость немедленного установления самых дружественных отношений с теми из новых окраинных государств, которые находились в состоянии войны с большевиками, а, в частности, с Финляндией, войска которой примыкали к нашим и представитель военного командования которой находился при Мурманском Штабе. Предположено было отправить в Финляндию особую миссию для обеспечения себя на известных условиях более активной помощи, а также для принятия подготовительных мер к предоставлению нам убежища в случае катастрофы. Так как к этому времени чрезвычайно обострился карельский вопрос, причем некоторые волости выступили против нас с оружием в руках, захватив заложником одного из уездных начальников Олонецкой губернии бар. Т. и угрожая перерывом сообщения на Мурманской жел. дороге, то предположено было войти через особую миссию в переговоры с так называемым Ухтинским карельским правительством и урегулировать этот вопрос также с Финляндией через посылаемую туда миссию.

В связи с карельским вопросом было обращено особое внимание на Мурманский район, как на наше будущее убежище в случае катастрофы; было указано на необходимость скорейшей смены Начальника Мурманского края г. Е., обострившего, между прочим, наши отношения с карелами, и на принятие цѣлаго ряда мер по военному и гражданскому управлению для обеспечения этого нашего единственного редюита. Вопрос возможной эвакуации также был обсужден самым обстоятельным образом, с указанием на необходимость улучшить немедленно дороги на Мурман и принять экстренные меры к обеспечению нас углем и морскими перевозоч-

ными средствами, а также къ созданію за границей извѣстнаго палютнаго фонда, дабы, въ случаѣ катастрофы, бѣженцы Сѣверной Области не очутились въ безвыходномъ положеніи. Но особое вниманіе было удѣлено конечно укрѣпленію нашего фронта и обезпеченію порядка въ тылу. Не задолго до этого состоялся первый съѣздъ Командующихъ войсками ближайшихъ раіоновъ для совмѣстнаго совѣщанія съ Главкомандующимъ и чинами Штаба, на которомъ уже было обнаружено, въ чемъ болѣе всего пуждаются войска. Командующіе войсками жаловались на неудовлетворительную постановку агитаціи и пропаганды, особенно въ тылу, а также указывали на необходимость улучшенія продовольственнаго вопроса и организаціи транспорта.

Дѣйствительно, въ области снабженія были крупныя недочеты и чувствовалось неумѣніе использовать нашъ богатый рыбой, дичью и оленьимъ мясомъ край. Во главѣ снабженія стоялъ подчиненный Начальнику Штаба честный и старательный, но престарѣлый и пикогда въ жизни этимъ дѣломъ не занимавшійся ген. Б., который съ усердіемъ дѣлалъ оставленные намъ англичанами консервы «по расчету $\frac{3}{8}$ банки на $5\frac{1}{2}$ человекъ», какъ острили по этому поводу въ строю. Неважно также обстояло дѣло и съ транспортомъ, въ чемъ, правда, больше вины падло не на отдѣлъ военныхъ сообщеній, а на земство, которое, боясь крестьянъ и играя на популярность среди населенія, принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы избавить его отъ ненавидимой имъ подводной повинности и не выполняло задачій Отдѣла военныхъ сообщеній, который за это подвергался нападкамъ со стороны фронта.

Такъ какъ послѣ съѣзда Командующихъ войсками никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію указанныхъ дефектовъ Штабомъ принято не было, то совѣщаніе обратило вниманіе Главкомандующаго на необходимость отдѣленія снабженія и отдѣла военныхъ сообщеній отъ Штаба, на точномъ основаніи Положенія о полевомъ Управленіи войскъ, съ освобожденіемъ ген. Б. отъ лично тяготившихъ его обязанностей, съ которыми онъ съ очевидностью для всѣхъ не справлялся.

Ген. Б. былъ уволенъ и снабженіе, отдѣленное отъ Штаба, было ввѣрено въ опытныя руки ген. С., который прежде занималъ этотъ постъ въ арміи во время національной войны, обладалъ громаднымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ, а какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта Сѣверной Области, великолѣпно былъ знакомъ съ положеніемъ мѣстнаго рынка и могъ использовать широко свои связи съ торгово-промышленнымъ міромъ. Къ сожалѣнію, назначеніе его состоялось приблизительно черезъ мѣсяць послѣ нашего перваго совѣщанія и по своему обыкновенію мы и съ этой мѣрой запоздали.

Наше маленькое совѣщаніе имѣло возможность повторить всѣ свои соображенія передъ приглашенными Главкомандующимъ членами Правительства въ лицѣ Предсѣдателя П. Ю. Зубова и Управляющаго Отдѣломъ Торговли и Промышленности г. К., послѣ чего всѣ предположенія совѣщанія были предметомъ обсужденія въ Правительствѣ, въ результатѣ какового были намѣчены миссіи въ Финляндію — во главѣ съ Начальникомъ военныхъ сообщеній ген. Б. и въ Карелію — во главѣ съ генераль-квартирмейстеромъ ген. К., которые послѣ снабженія ихъ надлежащими полномочіями и отбыли по своему назначенію.

Для подпятія настроенія въ войскахъ на фронтъ выѣхали члены комиссіи земско-городскаго совѣщанія по оборонѣ, принадлежавшіе какъ къ правому, такъ и къ социалистическому блоку, причемъ среди послѣднихъ необходимо отмѣтить А. Иванова (правый эсеръ), который до конца выполнилъ свой долгъ и старался въ своихъ рѣчахъ доказать необходимость продолженія самой упорной борьбы съ большевиками.

Къ означенному періоду относится также неожиданно создавшійся правительственный кризисъ. Почти все члены Правительства принадлежали къ Союзу Возрожденія Россіи и, такъ какъ дѣятельность ихъ вызвала рѣзкую критику со стороны демократическихъ элементовъ, то Архангельское отдѣленіе союза рѣшило устроить экстренное собраніе всѣхъ членовъ, дабы обсудить создавшееся положеніе.

На этомъ совѣщаніи, численный составъ котораго выразился въ весьма скромной цифрѣ, если не ошибаюсь, 17 человекъ, дѣятельность принадлежавшихъ къ союзу членовъ Правительства подверглась самой ожесточенной критикѣ со стороны остальныхъ членовъ союза, причемъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, критика эта носила совершенно безпредметный характеръ перебранки и личныхъ вынадовъ на почвѣ того перваго настроенія, которое создалось тогда въ Архангельскѣ. Тѣмъ не менѣе, члены Правительства, не находя поддержки въ своей средѣ, рѣшили сложить свои полномочія и вручили свои портфели Главнокомандующему, который попросилъ ихъ временно продолжать работу.

Такимъ образомъ, въ самый отвѣтственный моментъ передъ созывомъ земскаго собранія, которое должно было открыться 3 февраля, когда ожидался очередной натискъ на Правительство и внутреннее положеніе области стало особенно тревожнымъ, Временное Правительство само усугубило серьезность положенія, придавъ своему существованію вдвойнѣ временный характеръ. Недаромъ въ широкихъ кругахъ архангельскаго общества членовъ его рѣзко осуждали за такой шагъ, приписывая ту легкость, съ которой они разстались со своими портфелями, отсутствію гражданскаго мужества и нежеланію нести бремя власти въ столь тяжкій и отвѣтственный моментъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ членовъ Правительства заговорили о своемъ чрезмѣрномъ утомленіи и желаніи для отдыха отбыть за границу.

Въ первыхъ числахъ февраля состоялось второе совѣщаніе Главнокомандующаго и старшихъ чиновъ Штаба съ Командующими войсками раіоновъ, на которое пріѣхали только ген. В. и ген. Д., командовавшіе ближайшими раіонами — Двинскимъ и Желѣзнодорожнымъ. Совѣщаніе это совпало съ состоявшимся 3 февраля открытіемъ Губернскаго Земскаго Собранія, сразу же поведшимъ энергичную атаку на Правительство, — и успѣло подѣлиться главнымъ образомъ тревожными опасеніями, какъ бы вновь затѣваемая политическая борьба не сорвала намъ фронта; къ детальному обсужденію многочисленныхъ вопросовъ, возбужденныхъ Штабомъ, перейти не удалось, такъ какъ 4 Февраля большевики начали энергичное наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ бои на всѣхъ участкахъ Архангельскаго фронта, что вызвало экстренный отъѣздъ туда Командующихъ войсками. Было извѣстно, что непріятель рѣшилъ сдѣлать серьезную попытку ликвидировать насъ, а въ случаѣ ея неудачи собирался оставить занимаемая имъ

въ то время позиціи, не имѣя возможности изъ-за отсутствія транспорта поддерживать сообщеніе на своихъ громаднѣхъ коммуникаціоннѣхъ линіяхъ. Мы вступили въ самый рѣшительный фазисъ борьбы.

Глава IV

Попытка Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія захватить власть въ свои руки. Возстаніе въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку. Образование новаго Правительства

Если Земско-Городское Совѣщаніе могло претендовать на политическую роль, такъ какъ въ немъ было сосредоточено представительство населенія всей области и оно представляло собою органъ, выходившій по своему назначенію и цѣлямъ изъ рамокъ хозяйственной дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія, то Архангельское Губернское Земское Собраніе отнюдь не могло претендовать на эту роль, такъ какъ въ составъ его не входили представители города Архангельска и Мурманскаго края, включившаго въ себя значительную часть Олонецкой губерніи, гдѣ функционировали свои органы земскаго самоуправленія.

Между тѣмъ, открывшееся 3 Февраля подъ предсѣдательствомъ Скоморохова Губернское Земское Собраніе сразу же отложило въ сторону все хозяйственные вопросы, для разрѣшенія которыхъ оно было созвано по закону, и выступило на путь самой рѣшительной политической борьбы. Засѣданія приняли сразу же характеръ митинга, причемъ на повѣткахъ оказались вопросы о реконструкціи власти и цѣлесообразности продолженія дальнѣйшей вооруженной борьбы. Встревоженный Главнокомандующій попросилъ посѣтить собраніе Управляющаго Отдѣломъ Народнаго Просвѣщенія М. М. Федорова, который какъ членъ Правительства менѣе другихъ вызывалъ нападки со стороны крайнихъ демократическихъ элементовъ, но послѣдній никакъ не могъ добиться, въ чемъ собственно конкретно состояли тѣ правительственные промахи, которые вызвали такіе яростные нападки на Правительство.

Между тѣмъ, страсти митинговавшей аудиторіи разгорались все больше и больше и, наконецъ, при обсужденіи вопроса о продолженіи вооруженной борьбы дошло уже до прямыхъ призывовъ къ измѣнѣ. Партиійный составъ собранія, состоявшаго изъ 40 человекъ, былъ однороденъ, въ виду принадлежности почти всѣхъ его членовъ къ эсерамъ, однако при голосованіи упомянутаго вопроса они раскололись на три группы. Правая группа въ 8 человекъ, во главѣ съ А. Ивановымъ, обнаружила ярко оборовческія тенденціи, идя подъ лозунгомъ борьбы до конца. Центръ, насчитывавшій 22 члена, придерживался черновской политики колебаній и виляній, указывая на возможность и необходимость борьбы «постольку, поскольку» Правительство пойдетъ на уступки и подчинится требованіямъ собранія, а также въ зависимости отъ общей обстановки и военнаго положенія области, и, наконецъ, лѣвая группа въ 8 человекъ взяла рѣзко пораженческій тонъ, настаивая на немедленномъ прекращеніи борьбы, съ указаніемъ, что въ случаѣ сопротивленія офицеровъ ихъ надо связать и выдать большевикамъ, такъ

какъ съ контръ-революціонерами «п бѣло-гадами» нечего стѣсняться, разъ они не желаютъ подчиниться народной волѣ. Все это конечно стало достояніемъ широкой публики и въ томъ числѣ солдатъ.

Обезпокоенный Главнокомандующій вызвалъ къ себѣ для объясненій Скоморохова, А. Иванова и Едемскаго (тоже членъ собранія), но если послѣдніе двое и склонны были идти на нѣкоторыя уступки, то Скомороховъ смотрѣлъ волкомъ и прямо заявилъ, что Главнокомандующій обязанъ подчиниться народной волѣ, хотя бы таковая нысказалась за миръ, причемъ добавилъ, что можетъ быть и онъ самъ склоненъ къ тому, что дальнѣйшая борьба бесполезна.

Выжидательная позиція, занятая Правительствомъ и Главнокомандующимъ въ отношеніи собранія, создала въ немъ представленіе о полной капитуляціи передъ нимъ законныхъ властей и собраніе рѣшило встать на путь активныхъ выступленій въ видѣ очередного *coup d'état*. Была составлена и принята декларація, въ которой послѣ обвиненія Временнаго Правительства въ контръ-революціонности послѣднее приглашалось немедленно сложить свои полномочія и передать таковыя Земскому Собранію, которое объявлялось законодательнымъ органомъ и должно было выдѣлить изъ своей среды отвѣтственное передъ нимъ Правительство. Декларація эта была принята поздней ночью, причемъ Собраніе первоначально рѣшило всѣмъ составомъ направиться къ Главнокомандующему для предъявленія ему ея въ ультимативной формѣ.

Эти наглыя выходки, учиваемыя въ то время, когда на Двинскомъ фронтѣ положеніе съ часу на часъ становилось все хуже и хуже, когда наши многочисленныя войска въ составѣ 4 Стѣв. стрѣлк. полка и Шенкурскаго баталіона должны были подъ натискомъ свѣжихъ превосходныхъ силъ непріятели очистить позиціи, предварительно разгромленныя тяжелой артиллеріей красныхъ, и продолжали, хотя и медленно, свое отступленіе, геройски цѣпляясь за каждый клочекъ земли, — вывели изъ себя даже спокойнаго и уравновѣшеннаго ген. Миллера, и имъ была приготовлена комедантская рота запаснаго полка для ликвидаціи возникшаго инцидента. Зная, что бывшіе красноармейцы, изъ которыхъ состоялъ полкъ, расправятся съ измѣнниками самымъ безошаднымъ образомъ, собраніе благоразумно рѣшило уклониться отъ прогулки къ Главнокомандующему и делегировало для этого своихъ двухъ членовъ, А. Иванова и Едовина (бывшій членъ Временнаго Правительства), которые и прибыли къ Главнокомандующему около часу ночи. Ознакомившись съ деклараціей, Главнокомандующій заявилъ, что онъ дастъ отвѣтъ на нее на слѣдующій день, но при этомъ просилъ предупредить членовъ собранія, что если они будутъ настаивать на немедленномъ претвореніи ихъ деклараціи въ жизнь, то онъ принужденъ будетъ отнести къ врученному документу такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, и передать его немедленно судебнымъ властямъ для привлеченія составителей къ законной отвѣтственности.

На слѣдующій день утромъ, прибывъ къ Главнокомандующему, я былъ немедленно приглашенъ къ нему, гдѣ я засталъ Начальника Штаба ген. К. и Начальника Національнаго ополченія генерала С.; Главнокомандующій, подѣлившись съ нами впечатлѣніями отъ предыдущей тревожной ночи, заявилъ, что онъ въ 12 час. дня ѣдетъ самъ на засѣданіе Земскаго Собранія

для ликвидаціи возникшаго инцидента, и попросилъ подѣлиться тѣми соображеніями, которыми можно было бы дополнить его предполагаемое обращеніе къ Земскому собранію. Ген. С., какъ предсѣдатель финансово-экономическаго совѣта, уже былъ въ качествѣ члена Правительства освѣдомленъ о всемъ и заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ добавить къ тому, что говорилось имъ въ Правительствѣ, уже обсуждавшемъ этотъ вопросъ. Ознакомившись съ проектомъ отвѣта ген. Миллера, я лично предложилъ дополнить его развитіемъ слѣдующей мысли. Борьба на территоріи Сѣверной Области началась не въ силу мѣстныхъ интересовъ, а во всероссійскомъ масштабѣ при участіи въ ней вооруженныхъ союзныхъ силъ, причемъ образовавшіе Верховное Управленіе Сѣверной Области члены Всероссійскаго Учредительнаго Собранія подчеркнули этотъ всероссійскій характеръ борьбы, начиная всѣ свои акты съ воззванія: «Во имя спасенія Родины и революціи». Во главѣ Правительства Сѣверной Области находится Н. В. Чайковскій, въ лицѣ котораго осуществляется преемственность власти и который вмѣстѣ съ тѣмъ является въ Парижѣ и представителемъ Всероссійскаго Правительства. Если признавать возможность за каждымъ изъ земскихъ собраній въ Россіи самовольное, въ порядкѣ захвата власти, принятіе на себя значенія законодательнаго органа, то этимъ сознательно становятся на путь анархіи и внутренней борьбы, ибо тогда вся территорія Россіи покроется такими парламентами, которые еще болѣе углубятъ взаимныя распри. За примѣромъ ходить недалеко, ибо Архангельская Городская Дума вовсе не склонна подчиниться рѣшенію Губернскаго Земскаго Собранія и протестуетъ противъ его попытокъ къ захвату власти самымъ энергичнымъ образомъ. Въ виду этого я считалъ необходимымъ предложить собранію аннулировать принятую имъ декларацію и встать на путь мирнаго сотрудничества съ властью для сформированія новаго Правительства изъ представителей всѣхъ политическихъ теченій на условіи преемственности власти въ лицѣ Н. В. Чайковскаго.

Главнокомандующій, дополнивъ свои замѣтки изложенными выше соображеніями, отправился на засѣданіе Земскаго Собранія, гдѣ въ подробной рѣчи подѣлился съ членами собранія своими взглядами на переживаемый моментъ. Онъ подробно остановился на безпочвенной критикѣ Правительства, указавъ, что хозяйственная дѣятельность земства, которому приходится разрѣшать гораздо болѣе скромныя задачи, чѣмъ Правительству, тоже далеко не на высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнул, что собраніе, требуя ухода Правительства, ломится въ открытыя двери, такъ какъ ему прекрасно извѣстно, что всѣ члены Правительства уже сложили свои полномочія и лишь временно исполняютъ свои обязанности. Не имѣя ничего противъ включенія въ составъ новаго Правительства представителей Земскаго Собранія, Главнокомандующій категорически отвергнулъ монопольное право послѣдняго на представительство интересовъ всего края, указавъ, что при сформированіи новаго Правительства онъ станетъ на путь использованія всѣхъ безъ исключенія политическихъ теченій, представители которыхъ находятся не только въ Земскомъ Собраніи.

Развивъ изложенные выше тезисы о преемственности власти и о веденіи борьбы во всероссійскомъ масштабѣ, Главнокомандующій подчеркнул также, что онъ не считаетъ возможнымъ отступить отъ этихъ принциповъ въ силу международныхъ отношеній, ибо онъ не увѣренъ, что корабли, везущіе въ область хлѣбъ и другіе предметы продовольствія и снаряженія въ адресъ

Правительства Чайковскаго, не повернуть свой носъ въ другую сторону подъ вліяніемъ рискованныхъ политическихъ экспериментовъ Земскаго Собранія.

Закончивъ свое слово, произведшее весьма сильное впечатлѣніе, Главнокомандующій, уже покидая собраніе, еще разъ обратился къ нему съ просьбой подумать надъ тѣмъ, куда оно толкаетъ область своими опрометчивыми рѣшеніями, и попросилъ собраніе болѣе ясно опредѣлить свое отношеніе къ вооруженной борьбѣ, такъ какъ занятая имъ въ этомъ вопросѣ позиція вызываетъ немалое смущеніе какъ въ населеніи, такъ и въ войскахъ.

Слова эти возымѣли свое дѣйствіе, декларация была положена подъ сукно, а Земское Собраніе обратилось къ войскамъ съ воззваніемъ, призывая спокойно продолжать борьбу, такъ какъ оно взяло на себя охраненіе политическихъ интересовъ передъ Правительствомъ, сформированіе котораго ведется при его участіи.

Большую поддержку Главнокомандующему въ эти тревожные дни оказала Архангельская Городская Дума, обратившаяся къ нему съ особымъ адресомъ, въ которомъ она въ рѣзкой формѣ критиковала позицію, занятую Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ и заявляла о готовности отдать всѣ свои силы на защиту провозглашенныхъ Главнокомандующимъ идей. Вообще Архангельское населеніе, за исключеніемъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, было все настроено враждебно къ политическому курсу, принятому Земскимъ Собраніемъ, что, видимо, и побудило послѣднее объявить себя единственнымъ правомочнымъ законодательнымъ органомъ области, такъ какъ оно не рассчитывало въ порядкѣ созыва Земско-Городскаго Совѣщанія склонить къ принятому имъ образцу дѣйствія членовъ Городской Думы. Оборонческая группа Земскаго Собранія состояла преимущественно изъ представителей волостей Печорскаго края и Пинежскаго раіона, только что освобожденныхъ отъ большевиковъ, гдѣ всѣ достаточно вкусили прелесть большевистскаго режима и не склонны были вновь подвергнуться ему. Къ сожалѣнію, это было невразумительно для Скоморохова и его политическихъ друзей, которыхъ неизжитая классовая злоба толкала въ объятія большевиковъ.

Началось сформированіе новаго Правительства, что выпало на долю самого Главнокомандующаго, который одинъ уцѣлѣлъ изъ прежняго его состава, съ одной стороны какъ представитель Всероссійской власти по должности Главнокомандующаго, а съ другой потому, что вступленіе его въ составъ Правительства не только не встрѣчало возраженій, но привѣтствовалось всѣми, безъ различія партій, настолько онъ сумѣлъ завоевать симпатіи всѣхъ своей аполитичностью и умѣніемъ во время политическихъ кризисовъ соблюдать строгій нейтралитетъ среди борющихся. Но еще болѣе приходилось считаться съ той популярностью, которой пользовалось его имя во всѣхъ слояхъ населенія и въ войскахъ, гдѣ было извѣстно, какъ онъ, не жалѣя себя, работаетъ съ утра до вечера, руководимый одной заботой — обезпечить благополучіе ввѣренныхъ ему войскъ.

Жалко было въ эти дни смотрѣть на него, настолько онъ имѣлъ измученный видъ отъ всѣхъ этихъ нескончаемыхъ разговоровъ съ мѣстными лидерами политическихъ группъ и партій, въ то время, когда вѣсти съ фронта носили все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Если лѣвые обнаруживали узкую партійность и непримиримость, неохотно идя на встрѣчу идеѣ сформированія коалиціоннаго кабинета и ссылаясь на уже имѣвшій мѣсто неудачный опытъ Земско-Городскаго Совѣщанія, то съ правыми было еще труд-

иѣе разговаривать, потому что здѣсь остро чувствовался недостатокъ въ людяхъ, а во взглядахъ царили полнѣйшій хаосъ и неразбериха.

Каждый день приходилось вести бесѣды съ Главнокомандующимъ, причѣмъ я, какъ и нѣкоторые другіе старшіе чины арміи, въ лицѣ Командующихъ войсками раіоновъ генераловъ Д. и В., считали своимъ долгомъ предупредить его, что въ предѣлахъ проведенія оборонческой программы для насъ партійный составъ Правительства совершенно безразличенъ, по этому мы будемъ привѣтствовать вступленіе въ него такихъ дѣятелей какъ А. Ивановъ и другихъ правыхъ эсеровъ, но появленіе у власти господъ вроде Скоморохова вызоветъ нашъ немедленный уходъ, ибо мы не желаемъ сознательно предавать себя въ руки непріятеля.

Рекопструкція власти совнала и съ переменами въ командномъ составѣ. Ген. К., въ виду общаго отрицательнаго отношенія къ нему въ военныхъ кругахъ, а также недовольный отдѣленіемъ отъ него отдѣла снабженія, ввѣреннаго ген. С., покинулъ постъ Начальника Штаба Главнокомандующаго и лишь временно исполнялъ свои обязанности. Главнокомандующій по своему обыкновенію медлилъ съ вопросомъ объ его замѣстителѣ и, хотя предложилъ этотъ постъ Командующему войсками Мурманскаго раіона ген. С., но не вызывалъ его съ Мурманска, считая невозможнымъ въ такой отвѣтственный моментъ мѣнять тамъ командованіе. Между тѣмъ, дальнѣйшее пребываніе ген. К. у власти вызывало такое неудовольствіе въ арміи, что свѣдѣнія объ этомъ проникли въ отвѣтственные политическіе круги, которые выступили со своими кандидатами передъ ген. Миллеромъ. Послѣдній совершенно правильно отклонилъ это вмѣшательство въ сферу его специальныхъ правъ, но, съ другой стороны, этотъ вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ до паденія фронта.

Вопросъ съ формироваціемъ новаго Правительства принялъ затяжной характеръ, главнымъ образомъ, изъ-за отдѣла финансовъ, торговли и промышленности, на руководство которымъ предъявили особую претензію торгово-промышленные круги, заявивъ, что они не заинтересованы въ распредѣленіи другихъ портфелей. Это неосторожное выступленіе, обнаружившее при этомъ стремленіе охранить только свои специальные интересы, повлекло за собой настойчивое требованіе лѣвыхъ круговъ предоставить управленіе этимъ отдѣломъ Управляющему Государственнымъ Банкомъ г. Р., который къ этому времени прочно связалъ себя черезъ Арбіуро съ представителями социалистическихъ партій и приобрѣлъ себѣ тамъ исключительную популярность своимъ проектомъ о націонализациіи внѣшней торговли, такъ взволновавшимъ въ свое время торгово-промышленные круги. Его кандидатура встрѣтила рѣзкій протестъ со стороны послѣднихъ и неизвѣстно, какъ бы мы выбрались изъ этихъ взаимно исключającychъ противорѣчій, если бы обрушившіяся на насъ несчастія не побудили пойти на взаимныя уступки; новое Правительство въ концѣ концовъ было сконструировано; однако, это совершилось въ такой моментъ, когда уже никто не могъ насъ спасти отъ неминуемой гибели.

Какъ я уже упомянулъ выше, 4 Февраля началось наступленіе на Двинѣ, которое постепенно вылилось въ общее сраженіе на всѣхъ ближайшихъ къ Архангельску участкахъ фронта. Особенно ожесточенный характеръ носили бои въ Селецкомъ раіонѣ, гдѣ большевики вели повторныя атаки на Средь-Михреньгу, упорно защищаемую 7 Сѣв. стрѣлк. полкомъ, въ составъ кото-

раго входили Тарасовскіе партизаны, зубами державшіеся за свои родныя деревни. Атака слѣдовала за атакой, но сломить упорное сопротивление партизанъ не удавалось. Оттошедшія со своихъ позицій войска Двинскаго фронта, благодаря Шенкурскимъ добровольцамъ, тоже остановились, причемъ возникла надежда съ подходомъ туда резервовъ окончательно ликвидировать въ этомъ направленіи дальнѣйшее продвиженіе большевиковъ. Но въ этотъ моментъ прибыло потрясающее извѣстіе съ Желѣзнодорожнаго фронта.

Въ ночь съ 6 на 7 Февраля взбунтовался 3 Сѣв. стрѣлк. полкъ, открывъ фронтъ непріятелю. Полученныя вскорѣ шифрованныя телеграммы Командующаго войсками ген. В. указывали на причастность къ возстанію членовъ Земскаго Собранія Скоморохова и др., вслѣдствіе чего мною немедленно были командированы для разслѣдованія военно-слѣдственныхъ власти. Законченное въ теченіе нѣсколькихъ дней предварительное слѣдствіе, а также рассказы одного изъ офицеровъ, руководившихъ подавленіемъ возстанія, возстановили во всей полнотѣ картину послѣдняго.

Числа 5, 6 Февраля агентами контръ-развѣдки совершенно случайно, благодаря неосторожной болтовнѣ одного лежавшаго въ лазаретѣ больного матроса, была открыта преступная организація въ одной изъ морскихъ стрѣлковыхъ ротъ, расположенной на Желѣзнодорожномъ фронтѣ; эта организація поставила своей цѣлью открытіе фронта непріятелю и вошла для этого въ сношеніе съ такой же группой въ 3 Сѣв. стрѣлк. полку, стоявшемъ въ это время на позиціяхъ у группы деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Дениславье. Предполагалось немедленно по отводѣ 3 Сѣв. стрѣлк. полка въ резервъ и замѣнѣ его Архангелогородскимъ стрѣлк. полкомъ поднять возстаніе въ тылу этого полка, чтобы одновременно увлечь и этотъ послѣдній за собой, такъ какъ онъ обнаруживалъ колебаніе и особой увѣренности въ томъ, что онъ тоже выступитъ, не было, и, такимъ образомъ, обнажить на этомъ участкѣ фронтъ, что повлекло бы по плану возставшихъ и измѣну стоявшаго на самой желѣзной дорогѣ 6 Сѣв. стрѣлк. полка, недовольнаго тѣмъ, что его долго не смѣняють съ позицій. Такъ какъ допросомъ 11 матросовъ, входившихъ въ преступную организацію, были точно установлены фамиліи заговорщиковъ 3 Сѣв. стрѣлк. полка, то командиру послѣдняго подполковнику П. было сообщено требованіе арестовать ихъ. Послѣдній, получивъ списокъ, былъ ошеломленъ его составомъ, такъ какъ въ него входили наиболѣе преданные и надежныя съ его точки зрѣнія солдаты, составлявшіе личную охрану штаба и такъ называемую службу связи, поэтому онъ колебался и началъ выяснять, не произошло ли недоразумѣнія. Между тѣмъ, видимо, свѣдѣнія о предполагаемомъ арестѣ проникли въ среду заговорщиковъ, они рѣшили ускорить свое выступленіе и въ ночь съ 7 на 8 Февраля ими было поднято возстаніе. Стоявшія на позиціяхъ роты, захвативъ 12 человекъ своихъ офицеровъ, перешли къ противнику. Въ это время другія возставшія роты, расположенныя въ деревнѣ, захватили стоявшія тамъ орудія, прислуга которыхъ, не желая присоединиться къ бунтовщикамъ, ушла прочь. Одновременно въ сосѣдней деревнѣ бунтовщиками были также арестованы офицеры и къ нимъ былъ приставленъ карауль. Оставшаяся вѣрной своему долгу артиллерія, расположенная недалеко отъ этихъ двухъ деревень, открыла огонь сначала по ближайшей деревнѣ, гдѣ были захвачены пушки, вслѣдствіе чего бунтовщики бросили ихъ и сбѣжали, а прислуга

этихъ орудій подь вліяніемъ офицеровъ возвратилась на мѣста. Послѣ этого орудійный огонь былъ перенесенъ на ту деревню, гдѣ находились арестованные офицеры, причемъ окарауливавшіе ихъ бунтовщики разбѣжались. Въ это время началось наступленіе большевиковъ, во главѣ которыхъ шли уже соединившіеся съ ними бунтовщики. Батарея, стоявшая въ деревнѣ, открыла по нимъ огонь, а оставшіеся вѣрными долгу стрѣлки во главѣ съ командиромъ полка подполк. П. отбили атаку пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Однако, силы были слишкомъ неравны и маленькая группа, человекъ въ сто, такъ быстро таяла, что пришлось оставить Дениславье, тѣмъ болѣе, что противникъ уже сталъ заходить въ тылъ, причемъ отступавшіе попали при этомъ подь сильный пулеметный огонь, которымъ имъ были причинены тяжелыя потери и, въ частности, у подполк. П. была раздроблена лѣвая рука.

Измѣна 3 Сѣв. стрѣлк. полка повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія и ее несомнѣнно нужно считать началомъ конца. Стоявшій въ резервѣ баталіонъ этого полка вызывалъ столь основательныя подозрѣнія, что его не рѣшались вводить въ боевую линію. Архангелогородскій полкъ двинулся на позицію съ явнымъ неудовольствіемъ, и вѣры въ его прочность не было, такъ какъ онъ былъ укомплектованъ изъ красноармейцевъ, лучшіе изъ которыхъ уже полегли въ бояхъ, а оставшіеся, благодаря неуспѣхамъ на другихъ фронтахъ, обнаружили тенденцію къ дезертирству, стараясь при этомъ миновать и красныя войска и стремясь пробраться незамѣченными домой. Высланные въ развѣдку или въ полевой карауль часто обратно не возвращались, причемъ иногда у оставленныхъ винтовокъ находили записки съ просьбой не винить ихъ за измѣну, такъ какъ, не видя конца борьбѣ, они соскучились по роднымъ и рѣшили пробраться домой. Морскія стрѣлковые роты были уведены въ тылъ и разоружены, а 6 Сѣв. стрѣлк. полкъ вызывалъ также массу опасеній въ виду его недовольства продолжительнымъ стояніемъ на позиціяхъ.

Такимъ образомъ, на самомъ главномъ участкѣ фронта создавалось чрезвычайное непрочное положеніе, вызванное не побѣдой большевиковъ, а измѣной. Непритель не располагалъ въ этомъ направленіи хорошими частями и показаніями офицеровъ, которые были сначала арестованы, а затѣмъ брошены своимъ конвоемъ и послѣ этого, застрѣвъ изъ-за артиллерійскаго огня въ деревнѣ, сдѣлались зевольными свидѣтелями наступленія большевиковъ, было установлено, что красныя войска шли въ бой неохотно, понукаемая площадной бранью и ударами палокъ.

Честь большевистской побѣды выпала на долю членовъ Земскаго Собранія гг. Скоморохова, Едовина и Едемскаго, такъ какъ разслѣдованіемъ была установлена связь ихъ съ заговорщиками въ лицѣ родного брата послѣдняго, унтеръ-офицера Едемскаго, состоявшаго при Штабѣ полка и др. Пропаганда велась подь лозунгомъ мира съ большевиками при соблюденіи трехъ условій: 1) Земля должна была остаться въ пользованіи у крестьянъ на существующихъ въ Сѣверной Области условіяхъ, 2) Войска Сѣверной Области могли быть употреблены только для караульной службы въ ея предѣлахъ, и 3) Виновники гражданской войны (очевидно — офицеры) подлежали выдачѣ большевикамъ.

Тѣмъ же разслѣдованіемъ было установлено, что въ тылу фронта въ деревняхъ велась также пропаганда за немедленный миръ, причемъ крестьянъ уверяли, что ген. Миллеръ уже уѣхалъ съ офицерами. Недаромъ

многихъ прїѣзжавшихъ въ деревню по дѣламъ лѣсниковъ и инженеровъ поражаело, что крестьяне очень интересовались тѣмъ, находится ли еще Главнокомандующій въ Архангельскѣ.

Такимъ образомъ очередное предательство совершилось, предательство гнусное и бессмысленное, ибо изъ него, какъ и всегда, пользу извлекли не сами предатели, а большевики. Для заключенія мира съ послѣдними на указанныхъ выше условіяхъ была установлена черезъ линію фронта связь какъ въ желѣзнодорожномъ районѣ, такъ и на Двинскомъ направленіи. Въ связи съ этими сношеніями необходимо отмѣтить, что наступленіе на насъ совпало съ открытіемъ Земскаго Собранія, такъ что ударъ намъ наносился одновременно какъ съ фронта, такъ и съ тыла.

Главнокомандующій выпустилъ обращеніе къ населенію съ указаніемъ, что политиканство и преступная болтовня въ нѣкоторыхъ кругахъ населенія повлекли за собой возстаніе въ 3 полку, вызвавшее кровопролитіе, такъ какъ оставшіяся вѣрными долгу войска имѣли штыковую схватку съ бунтовщиками.

Создавшееся грозное положеніе отрезвило наши политическіе круги и новое Правительство сконструировалось съ Главнокомандующимъ во главѣ въ качествѣ замѣстителя Н. В. Чайковскаго. Подъ вліяніемъ Земскаго Собранія отдѣлы народнаго просвѣщенія, юстиціи и земледѣлія были упразднены и въ составъ Правительства вошли: Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ дѣлъ бар. Тизенгаузенъ, уѣздный начальникъ на Мурманѣ, правый эсеръ, оборонецъ, по общимъ отзывамъ оцѣнъ энергичный человѣкъ, кандидатура котораго привѣтствовалась даже правыми; къ сожалѣнію, онъ въ это время находился въ плѣну у карель и надежда извлечь его оттуда въ ближайшемъ будущемъ была невелика; финансы, торговля и промышленность были ввѣрены Управляющему Областнымъ Государственнымъ Банкомъ А. Репману, которому въ помощь по отдѣлу торговли и промышленности долженъ былъ быть делегированъ представитель мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ. Докторъ Борисъ Соколовъ, правый эсеръ, бывший секретарь А. Ф. Керенскаго, получилъ въ свои руки агитацію и пропаганду и, кромѣ того, безъ портфелей въ составъ Правительства вошли изъ лѣвыхъ круговъ А. Ивановъ, правый эсеръ, оборонецъ, а отъ буржуазнаго блока докторъ Поповъ, личность совершенно безцвѣтная, партійная принадлежность котораго мнѣ неизвѣстна.

Очень много разговоровъ Главнокомандующій имѣлъ съ докторомъ Соколовымъ въ стадіи предварительнаго обсужденія его кандидатуры, причемъ послѣдній старался убѣдить ген. Миллера въ томъ, что, хотя онъ и близокъ къ Керенскому и сотрудничалъ съ нимъ, но во многомъ не раздѣляетъ взглядовъ послѣдняго. Пропаганду онъ обѣщалъ поставить на такую высоту, что фронтъ нашъ сразу же воспрянетъ, а большевики начнутъ разваливаться. Многихъ тогда въ Архангельскѣ интересовалъ вопросъ, какъ попалъ въ составъ Правительства скромный докторъ санитарнаго поѣзда, до того остававшійся въ тѣни, такъ какъ публикѣ была неизвѣстна та роль, которую Б. Соколовъ игралъ въ Архангельскихъ эсеровскихъ кругахъ. Когда кандидатура его была въ осторожной формѣ выдвинута Скомороховымъ, то Главнокомандующій заинтересовался, почему выдвигается прїѣзжій и никому неизвѣстный врачъ, тѣмъ болѣе, что социалистическій блокъ находилъ участіе пришлыхъ элементовъ въ Правительствѣ нежелательнымъ, на что Скомороховъ

скромно замѣтилъ, что мѣстные соціалистическіе круги ощущаютъ большой недостатокъ въ культурныхъ силахъ, почему кандидатура доктора Соколова, какъ человѣка образованнаго, встрѣтила въ нихъ сочувствіе.

Новое Правительство имѣло всего лишь нѣсколько засѣданій, выпустивъ обращеніе къ населенію и войскамъ съ призывомъ къ оборонѣ и давъ отвѣтъ на предложеніе большевиковъ о мирѣ. Последнее носило несомнѣнно провокаціонный характеръ съ цѣлью отнять послѣдній импульсъ къ борьбѣ, такъ какъ въ немъ указывалось на неприкосновенность команднаго состава въ случаѣ капитуляціи. Ясно, что этому вѣрнѣе было нельзя, но въ массахъ это создавало впечатлѣніе, что генералы, во что бы то ни стало, хотятъ продолжать борьбу, несмотря на то, что великодушная совѣтская власть прощаетъ имъ ихъ прежнія заблужденія.

Я не имѣю точныхъ свѣдѣній о томъ, что Правительство отвѣтило на предложеніе мира, кажется, оно требовало при заключеніи его соблюденія тѣхъ условій и гарантій, которыя въ нормальномъ порядкѣ борьбы культурныхъ государствъ между собою кладутся въ основаніе такого рода договоровъ, но конечно всякому здравомыслящему человѣку, знакомому со взглядами и методами дѣйствія большевиковъ, должно быть ясно, что рассчитывать на соблюденіе этого договора ими, можно было лишь обладая большимъ запасомъ наивности. Я полагаю, что Правительство и само не вѣрило въ то, чтобы его отвѣтъ могъ имѣть какія либо реальныя послѣдствія и дало отвѣтъ на предложеніе мира лишь для того, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ ловкаго агитаціоннаго приѣма, употребленнаго противникомъ, и чтобы населеніе не могло обвинять его въ томъ, что оно оттолкнуло протянутую не-пріателемъ руку. Независимо отъ этого, отвѣтъ носилъ конечно запоздалый характеръ, ибо Правительство къ этому моменту не располагало властью и вооруженной силой, наличность которой обезпечивала бы ему право договаривающейся стороны: фронтъ уже развалился и жалкіе остатки его неудержимо катились къ Архангельску.

Глава V

Паденіе фронта. Последняя ночь въ Архангельскѣ

Въ эти послѣдніе дни нашего существованія въ Архангельскѣ мнѣ, какъ и другимъ старшимъ начальникамъ, было не до Правительства съ его высшей политикой. Надо было спѣшно принимать мѣры къ обезпеченію эвакуаціи, такъ какъ Главнокомандующій былъ отвлеченъ политическими дѣлами, а Штабъ проявлялъ полную бездѣятельность, ибо руководитель его или не понималъ, или не желалъ понять, что катастрофа можетъ разразиться съ часу на часъ.

Сразу же послѣ возстанія 3 Сѣв. стрѣлк. полка, я далъ телеграмму Командующему Желѣзнодорожнымъ райономъ ген. В. съ просьбой пріѣхать лично для переговоровъ со мной, или командировать кого-нибудь изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, и 12 Февраля ко мнѣ прибылъ полк. Н. Разсказавъ мнѣ подробности возстанія, онъ заявилъ, что ген. В. и другіе строевые начальники считаютъ это возстаніе началомъ конца, такъ какъ духъ войскъ пошатнулся и надежныхъ частей на фронтѣ нѣтъ. По ихъ мнѣнію намъ,

считая съ момента возстанія, осталось до полной ликвидаціи отъ двухъ недѣль до мѣсяца, причемъ строевые начальники считаютъ двѣ недѣли болѣе вѣрнымъ срокомъ. Я немедленно доложилъ объ этомъ Главнокомандующему и попросилъ полк. Н. сдѣлать то же самое, но ген. Миллеръ нашель, что о ликвидаціи фронта преждевременно говорить.

Между тѣмъ, событія продолжали развиваться довольно быстро. Вскорѣ была уступлена врагу станція Плесецкая, что вызывало необходимость отхода войскъ Селецкого района, которыхъ послѣ этого не могли сохранять свое выдвинутое положеніе. Но Тарасовскіе партизаны оказались вѣрны данному слову не бросать своихъ родныхъ деревень. Они, какъ я уже отмѣчалъ выше, заранѣе предупреждали, что впередъ пойдутъ куда угодно, но назадъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ не желаютъ подвергать своихъ женъ и дѣтей большевистскому террору. Обо всемъ этомъ былъ своевременно осведомленъ Штабъ, но ген. К. съ голосомъ строя не считался и «велъ военную игру» не съ существующими въ дѣйствительности войсками, а съ отвлеченными боевыми единицами, числившимися у него на бумагѣ.

Отходъ по стратегическимъ соображеніямъ 7 Сѣв. стрѣлк. полка имѣлъ своимъ послѣдствіемъ выбитіе почти всего полка изъ строя, такъ какъ съ командиромъ полка отошло только около 150 человекъ, а весь остальной полкъ со своими офицерами остался въ родныхъ деревняхъ. Однако, даже это не отрезвило высшее командованіе и когда 16 утромъ я и полк. Н. вновь посѣтили Главнокомандующаго и доложили ему, что намъ остается до полной ликвидаціи отъ трехъ до семи дней, то онъ назвалъ нашу оцѣнку событіи слишкомъ несимметрической, такъ какъ по его мнѣнію, хотя и видно было, что паденіе Архангельскаго фронта неизбежно, но что врядъ ли такое могло послѣдовать въ ближайшіе дни.

Съ тяжелымъ чувствомъ расстался я съ уѣхавшимъ на фронтъ полк. Н., однимъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ на Сѣверѣ; предчувствіе не обмануло меня, мы съ нимъ уже больше не встрѣтились. Того же 16 Февраля меня посѣтилъ командиръ одвой изъ лучшихъ въ Архангельскѣ строевыхъ частей съ просьбой поддержать передъ Главнокомандующимъ и Начальникомъ Штаба его ходатайство о немедленномъ выводѣ его части изъ Архангельска на Мурманъ, такъ какъ солдаты волнуются подъ вліяніемъ агитаціи матросовъ, побуждавшихъ ихъ къ немедленному выступленію и перевороту, причемъ имѣли уже съ ними схватки, при которыхъ въ ходъ были даже пущены штыки. Каждый день промедленія вызывалъ, по мнѣнію полк. Н., усиленіе ненадежныхъ элементовъ, которые могли увлечь за собой и другихъ, подстрекнувъ ихъ на переворотъ и избіеніе офицеровъ съ цѣлью заслужить себѣ прощеніе у большевиковъ, ибо основную массу полка составляли красноармейцы. На вопросъ мой, докладывалъ ли онъ все это Начальнику Штаба генералу К., полк. Н. отвѣтилъ, что онъ уже неоднократно излагалъ передъ послѣднимъ эти соображенія, но что Начальникъ Штаба сказалъ, что полкъ, согласно выработаннаго плана, можетъ оставить Архангельскъ только тогда, когда непріятельскіе авангарды подойдутъ къ городу, на что полк. Н. отвѣтилъ, что непріятельскіе авангарды находятся не только въ городѣ, но и въ самомъ его полку, такъ какъ идетъ не національная, а гражданская война. Хотя мнѣ и трудно было вмѣшиваться въ чисто военныя дѣла, но я доложилъ Главнокомандующему соображенія полк. Н., на

что послѣдовалъ отвѣтъ, что все это напрасныя волненія и войска будутъ свосвременно уведены.

Въ городѣ въ эти дни царилъ образцовый порядокъ и жизнь шла своимъ чередомъ, какъ въ смыслѣ занятій, такъ и удовольствій. 15 Февраля въ торгово-промышленномъ собраніи организація «Отечество» во главѣ съ Е. П. Семеновымъ устроила концертъ и спектакль, весь сборъ съ котораго шелъ въ пользу воиновъ; веселившаяся публика была далека отъ мысли, что катастрофа уже виситъ надъ городомъ. 16 Февраля я встрѣтилъ проходившую по улицамъ Архангельска одну изъ лучшихъ нашихъ частей. Она имѣла такой блестящій видъ и такъ молодежато шла подъ пѣсни, что вызывала разговоры прохожихъ о томъ, что навѣрно все благополучно, такъ какъ солдаты построены хорошо и ведутъ себя образцово. Вся эта обскаповка невольно вызывала мысль, что, можетъ быть, высшее командованіе и право и пѣтъ основаній для той тревоги, которую вызывали сообщенія представителей строя.

18 Февраля утромъ я вышелъ изъ управленія, чтобы освѣдомиться въ Штабѣ о нашемъ положеніи и встрѣтилъ на улицѣ полк. Ген. Штаба К., который, увидѣвъ меня, выразилъ удивленіе, что я не принимаю никакихъ мѣръ къ отъѣзду, такъ какъ положеніе фронта критическое. «Не медлите ни минуты, скорѣе ванимайте лошадей и вмѣстѣ съ вашими подчиненными покидайте городъ, вѣдь вы же знаете, что ждетъ всѣхъ васъ съ приходомъ большевиковъ». На мое замѣчаніе, что я согласно практикѣ, выработанной на фронтѣ во время національной войны, жду соотвѣтствующихъ распоряженій Штаба, онъ, махнувъ рукой, заявилъ: «Вы же знаете ген. К., я еще нѣсколько дней тому назадъ, когда очередные ледоколы отходили на Мурманъ, говорилъ ему о необходимости эвакуировать такіа учреждения, какъ судъ, присутствіе котораго съ военной точки зрѣнія не вызывается необходимостью, а служащіе подвергаются смертельной опасности, на что онъ заявилъ мнѣ, что эвакуація суда его не касается, такъ какъ вы непосредственно подчинены Главнокомандующему, а потому сами должвы заботиться о ней». Къ этому полк. К. добавилъ, что оперативный отдѣлъ Штаба уже 16 числа выступилъ на Мурманъ. Разставшись съ полк. К., я немедленно заготовилъ соотвѣтствующіе документы для полученія денегъ и подводъ и, захвативъ съ собой Предсѣдателя суда, отправился къ Главнокомандующему. Мы застали ген. Мпллера въ совершенно спокойномъ настроеніи, причемъ онъ, прочтя представленные мною документы, выразилъ неудовольствіе, что въ нихъ говорится объ эвакуаціи, заявилъ, что о ней не можетъ быть и рѣчи, а поэтому зачеркнулъ это слово и собственноручно написалъ: «Выѣздная сессія на Мурманъ». Видя, что оффиціальныи оптимизмъ настолько овладѣлъ Главнокомандующимъ, что всякіе споры въ этомъ отношеніи будутъ совершенно безрезультатны, я рѣшилъ не возражать ему по поводу его резолюціи и вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ суда прежде всего слѣшно отправился въ судъ для ликвидаціи нашихъ дѣлъ, такъ какъ послѣднія, попавъ въ руки большевиковъ, дали бы богатый матеріалъ для чрезвычайки въ отношеніи лицъ, фигурировавшихъ свидѣтелями по большевистскимъ дѣламъ. Не обращая никакого вниманія на то, что согласно оффиціальной терминологіи мы отбывали только въ выѣздную сессію, я, взявъ всю отвѣтственность на себя, приказалъ немедленно сжечь всѣ дѣла Управленія Полевого Военнаго Прокурора и Военно-Окружнаго суда, каковая процедура и была закончена

въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Остальная часть дня была посвящена подготовкѣ къ предстоящему походу, для чего надо было обезпечить себя подводами и продовольствіемъ. Въ серединѣ дня ко мнѣ по телефону обратился Прокуроръ Архангельскаго Окружнаго Суда съ просьбой чиновъ гражданскаго судебнаго вѣдомства присоединиться къ намъ, такъ какъ ихъ предупредили объ отъздѣ въ послѣднюю минуту и перевозочными средствами не обезпечили. Хотя мнѣ было извѣстно, что мы не можемъ рассчитывать на большое количество подвозъ, но объ отказѣ въ такую минуту не могло быть и рѣчи, и я предложилъ чиновамъ гражданскаго судебнаго вѣдомства прибыть на сборный пунктъ въ зданіе военно-окружнаго суда къ 9 часамъ вечера.

Предполагалось, что мы составимъ конвой у повозокъ съ женами и дѣтьми какъ нашихъ служащихъ, такъ и другихъ должностныхъ лицъ, отправляемыхъ Краснымъ Крестомъ, для чего необходимо было войти въ связь съ Главноуполномоченнымъ послѣдняго. Однако, въ теченіе дня не удалось установить съ нимъ связи, а поэтому я около 6 часовъ вечера отправился лично въ Штабъ для выясненія этого вопроса, а также чтобы попрощаться съ Главнокомандующимъ.

Тамъ я засталъ Главнокомандующаго уже совершенно въ другомъ настроеніи, онъ положительно осунулся и постарѣлъ за тотъ короткий промежутокъ времени, что прошелъ съ утренняго моего визита. Съ фронта пришли извѣстія, которыя свидѣтельствовали о полной катастрофѣ. Войска бросили позиціи и лишь небольшія группы въ нѣсколько сотъ человекъ, оставшихся вѣрными долгу, начали отходъ на Мурманъ. Хорошо, что неприятель не особенно насѣдалъ, и между нимъ и нами образовалась зона, въ которой шло усиленное братаніе. Я распрощался самымъ сердечнымъ образомъ съ Главнокомандующимъ; переживаемая имъ тяжелая душевная драма глубоко взволновала меня, такъ какъ я за свою совмѣстную работу съ нимъ проникся къ нему чувствомъ глубокаго уваженія и сердечной привязанности. Я, не розыскавъ Главноуполномоченнаго Краснаго Креста, отправился домой.

Къ 9 часамъ вечера я прибылъ на сборный пунктъ, гдѣ вскорѣ собрались пожелавшіе эвакуироваться члены военнаго и гражданскаго вѣдомства, которыхъ оказалось 42 человека, въ томъ числѣ 8 чел. женщинъ и дѣтей.

Трудно передать то щемящее душу настроеніе, которое охватило насъ въ эти послѣдніе часы нашего пребыванія въ Архангельскѣ. Тутъ смѣшались вмѣстѣ и тревога за себя и за своихъ близкихъ сослуживцевъ въ связи съ малою вѣрой въ успѣшность предпринимаемаго нами похода, и сверлящая мозгъ мысль, что опять приходится терять родину и, можетъ быть, надолго обречь себя на прозябаніе за границей, и чувство сожалѣнія о погибшихъ усиліяхъ и работѣ въ стремленіи принести пользу своему родному народу, еще разъ лишшающему насъ своей поддержки и предоставляющему насъ своей собственной участи.

Въ городѣ царили еще полный порядокъ и тишина, магазины и кинематографы закрылись въ свои обычные часы. На улицахъ, на ряду съ нѣкоторыми ополченцами, преимущественно изъ демократическихъ слоевъ и взятыхъ въ ополченіе по мобилизаціи, патрулировали мѣстные офицеры и чиновники, пожелавшіе остаться въ Архангельскѣ, а также члены милиціи.

Около 10 часовъ вечера мимо здація суда прошелъ въ полномъ порядкѣ запасный полкъ. Наконецъ-то его выпустили изъ города. Солдаты шли веселые и спокойные, еще не предчувствуя, какой крестный путь ожидаетъ ихъ впереди. Съ уходомъ полка городъ лишился лучшей охранявшей его части и темныя силы могли поднять свою голову. Однако, спокойствіе продолжало сохраняться и психологическій переломъ въ настроеніи преступныхъ элементовъ еще не наступилъ, они занимали пока выжидательное положеніе.

Подводы все еще не прибывали, что создавало среди поджидавшихъ ихъ довольно первное настроеніе. Снѣгъ валилъ крупными и мокрыми хлопьями, дѣлая дорогу почти что непролазной. Возникло опасеніе въ успешности сухонутнаго путешествія съ женщинами и дѣтьми по колѣно въ снѣгу, а предстояло сдѣлать до Мурмана 500 верстъ. У Краснаго Креста никакихъ подводъ не собиралось и вскорѣ мы узнали, что женщины и дѣти были посажены имъ на паровую яхту «Ярославну», стоящую у Соборной пристани, которая должна была идти на буксирѣ ледокола «Мининъ». Проводившій на Ярославну свою жену, военный прокуроръ С. принесъ свѣдѣніе, что тамъ мѣсть достаточно и высказался за то, что намъ тоже слѣдуетъ двинуться морскимъ путемъ, такъ какъ сухопутьемъ мы не уйдемъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ вышедшіе 16 числа чины контръ-развѣдки, благодаря глубокому снѣгу, сдѣлали въ первый день всего 15 верстъ. Посовѣтовавшись съ предсѣдателемъ суда, я рѣшилъ отправиться на «Ярославну», гдѣ засталъ распорядившагося кап. I ранга Ч., назначеннаго комендантомъ «Ярославны»; онъ сразу же написалъ мнѣ записку съ разрѣшеніемъ посадить на яхту всѣхъ чиновъ какъ гражданскаго, такъ и военно-судебнаго вѣдомства. Къ моменту моего возвращенія на сборный пунктъ пришли подводы, которыхъ оказалось всего восемь, причемъ, когда на нихъ погрузили вещи и, главное, продовольствіе, то оказалось, что даже не всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ хватитъ мѣста на нихъ. Стало ясно, что сухопутьемъ мы не могли бы уйти никуда.

Съ виштовками въ рукахъ мы проконвоировали подводы до «Ярославны», гдѣ приступили къ погрузкѣ продовольствія и вещей, которая закончилась около часа ночи. Тогда еще не было яснаго сознанія, что, избѣгая сухонутнаго путешествія, мы забываемъ себя отъ неминуемой смертельной опасности, это выяснилось значительно позже, когда мы уже находились за границей. Не могу не отмѣтить той преданности и вѣрности до конца, которую проявили писаря и солдаты военно-судебныхъ учреждений. Въ теченіе дня они помогали укладывать и перетаскивать вещи, а ночью приняли самое дѣятельное участіе въ погрузкѣ продовольствія и вещей на «Ярославну». Прощаніе съ ними послѣ самый трогательный и сердечный характеръ.

Рядомъ съ «Ярославной» чернѣлъ силуэтъ ледокола «Мининъ». Исторія его случайнаго появленія въ рѣшительный для насъ моментъ въ Архангельскѣ не лишена интереса и я позволю себѣ съ ней подѣлиться. Высшее военное командованіе, какъ мы уже отмѣчали выше, было очень далеко отъ правильной оцѣнки нашего положенія, поэтому еще 15 Февраля, то-есть за три дня до катастрофы, ледоколы: «Канада», «Мининъ», «Русановъ» и «Сибиряковъ» были отправлены въ Мурманскъ для перевозки туда рабочихъ и доставки намъ оттуда продовольствія. Такимъ образомъ Архангельскъ остался при одномъ малосильномъ ледоколѣ «Сусанинъ». Хорошо еще, что передъ уходомъ ледоколовъ адмиралъ предунредилъ капитановъ ихъ, что

возможно ихъ экстренное возвращеніе по радіо въ Архангельскъ, въ силу чего наиболѣе опытный и лояльный изъ нихъ, капитанъ З., всю дорогу чамѣчалъ себѣ обратный путь во льдахъ на случай экстреннаго вызова обратно въ Архангельскъ. Получивъ распоряженіе о возвращеніи, онъ, благодаря намѣченному имъ заранѣе пути, на сутки раньше появился въ Архангельскѣ, что намъ спасло жизнь.

Сразу же послѣ подхода «Минипа» къ пристани, на него вошли морскіе офицеры и заняли все машинныя и кочегарныя отдѣленія, взявъ подъ самый строгій контроль команду, часть которой была явно неблагопадежна и чрезвычайно подозрительно отнеслась къ требованію возвратиться въ Архангельскъ, такъ что капитану З. пришлось прибѣгнуть къ обману: онъ сказалъ, что ледоколы вызываются для принятія дополнительнаго груза и рабочихъ. вмѣстѣ съ «Мининымъ» возвратилась и «Канада», которая пристала къ такъ-называемой Экономіи, находящейся въ шестидесяти верстахъ отъ Архангельска, гдѣ производилась обычно погрузка угля на суда и куда пролетала особая желѣзнодорожная вѣтка. Тамъ же стоялъ и «Сусанинъ», который долженъ былъ вмѣстѣ съ «Канадой» принять на себя часть направленныхъ туда больныхъ и бѣженцевъ.

Со вступленіемъ на «Ярославу» мы все разбился на группы для несенія караульной службы около орудій и пулеметовъ, причемъ на меня, какъ на бывшаго артиллериста, выпало дежурство у носовой 75 миллиметровой пушки, на которое я и вступилъ отъ 4 до 6 часовъ утра.

Никогда въ жизни не забыть мнѣ этого караула, какъ въ силу той сложной гаммы самыхъ разнообразныхъ настроеній и переживаній, нахлынувшихъ въ душу разомъ волной, такъ и благодаря той красивой панорамѣ, которая въ теченіе двухъ часовъ невольно отвлекала мое вниманіе отъ вихремъ проносившихся въ головѣ мыслей. Усталость и моментами охватывавшая дремота придавали всему переживаемому странный и фантастическій отблескъ. Какимъ-то призрачнымъ, воздушнымъ, казался въ полумракѣ городъ, блиставшій передъ разлукой какой-то особой красотой. За выдвинутою впередъ приставью дальняго плаванія выдѣлялись во мракѣ высокіе валы начинающагося бульвара, напоминавшіе по своимъ контурамъ бастионы Петропавловской крѣпости, а за ними золотились высокіе купола собора. Гдѣ мы? Не на Невѣ ли? И мысль, радостно оторвавшись отъ жестокой дѣйствительности, несется къ далекому прошлому. Холодный порывъ вѣтра, дующаго съ Двины изъ необъятнаго покрытаго полнымъ мракомъ пространства, разгоняетъ миражи и возвращаетъ къ реальнымъ переживаніямъ момента. Въ городѣ царитъ таинственная, зловѣщая тишина, несмотря на то, что онъ не спитъ, а живетъ. Онъ притаился и съ трепетомъ ожидаетъ, что ему принесетъ грядущій день. Вдругъ издалека начинаютъ долетать скорбные и размѣренные звуки церковнаго звона, какъ будто хоронятъ кого-то близкаго, дорогого. Звонятъ въ подворьи Сурскаго женскаго монастыря на почное богослуженіе... Послѣднія молитвы передъ предстоящими тяжкими испытаніями... Опять уносишься мыслями куда-то въ безконечность, пока холодный порывъ вѣтра или рѣзкій свѣтъ отъ яркаго рефлектора на носу яхты не возвратитъ къ суровой дѣйствительности. Начинаетъ свѣтать, появляется смѣна и благодатный сонъ погружаетъ утомленный мозгъ въ полное безбытіе.

Когда я около восьми часов утра проснулся, то миѣ сообщили, что Главнокомандующій уже прибылъ на «Мишинъ». Онъ все стремился на фронтъ и состоявшимъ при немъ нѣсколькимъ офицерамъ едва удалось отговорить его отъ этого, такъ какъ фронта уже не существовало, а его по дорогѣ могли лишь схватить и арестовать пачавшіе уже шевелиться злопамѣренные элементы. По пути изъ споей квартиры Главнокомандующій зашелъ въ зданіе Присутственныхъ мѣсть въ свой служебный кабинетъ, а оттуда отправился на ледоколъ. На площади произошла встрѣча съ матросами, которые шли откуда-то съ узлами награбленныхъ вещей. Узвавъ Главнокомандующаго, они забурлили и слышались угрозы, но бросившійся на нихъ съ револьверомъ полк. Г. обратилъ ихъ въ бѣгство.

Городъ еще наканунѣ былъ переданъ въ руки исполнительнаго комитета рабочихъ. Не только Городская Дума, но даже Земское Собраніе, горделиво заявлявшее до того, что оно является единственнымъ законнымъ выразителемъ народной воли, отказались отъ принятія власти отъ Главнокомандующаго, заявивъ, что они не будутъ достаточно авторитетны для населенія. Пришлось обратиться къ рабочимъ въ лицѣ профессиональныхъ союзовъ, причемъ во главѣ исполнительнаго комитета сталъ предсѣдатель совѣта этихъ союзовъ рабочій Петровъ, только-что возвращенный съ Юкарги, который, между прочимъ, заявилъ Главнокомандующему, что онъ самъ боится большевиковъ и предпочелъ бы ихъ встрѣтить на Юкаргѣ, а не во главѣ исполнительнаго комитета. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ состоялось соглашеніе о передачѣ власти, причемъ комитетъ выразилъ пожеланіе, чтобы возможно болѣе офицеровъ покинуло городъ, гарантируя, что къ этому не будетъ чиниться никакихъ препятствій, а также заявилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить эксцессовъ въ отношеніи офицеровъ, если послѣдніе удержатся отъ какихъ бы то ни было активныхъ выступленій. Оговорено было также, что не будетъ произведено никакой порчи имущества и продовольствія. По просьбѣ исполнительнаго комитета въ качествѣ Начальника гарнизона былъ оставленъ полковникъ Геп. Штаба К., который заранѣе вошелъ по этому поводу въ соглашеніе съ исполнительнымъ комитетомъ, давно уже подготовивъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ почву для приведенія этого плана въ исполненіе.

Благодариміе диктовало покинуть городъ еще до разсвѣта, но этого никакъ сдѣлать было нельзя, такъ какъ опоздали съ доставкой раненыхъ, которые прибыли только къ утру, когда уже было совершенно свѣтло. Запозданіе съ уходомъ вызвало притокъ къ судамъ частной публики, просившей взять ее съ собой. По возможности просьбы удовлетворялись, но всѣхъ ковечно взять было невозможно, такъ какъ суда были уже переполнены до предѣловъ. На этой почвѣ происходили крайне тяжелыя сцены, оставшія во мнѣ на всю жизнь неизгладимо тяжелое впечатлѣніе.

Между тѣмъ, страсти въ городѣ разгорались. Уже были выпущены изъ тюрьмы на свободу арестанты и по улицамъ города ходили толпы рабочихъ и матросовъ съ красными флагами; они нападали на офицеровъ и срывали съ нихъ кокарды и погоны.

По дорогамъ черезъ Двину тянулись въ городъ крестьянскія подводы очевидно съ цѣлью поживиться чѣмъ-нибудь въ случаѣ разгрома имущества буржуевъ, а на встрѣчу имъ какъ группами, такъ и въ одиночку шли солдаты и матросы съ винтовками и безъ винтовокъ, во обязательномъ съ узлами,

спѣшившіе въ порядкѣ самовольной демобилизаціи удрать домой. Особенно сильное паломничество наблюдалось между берегомъ и бронепосцемъ «Чесмой», съ котораго при дружномъ единеніи гражданъ и «красы и гордости революціи» началось хищеніе казеннаго имущества и гдѣ шли бурные митинги въ явно большевистскомъ духѣ. Около 10 часовъ утра на «Чесмѣ» взвился красный флагъ и велико было наше счастье, что онъ не имѣлъ снарядовъ къ своимъ крупнымъ орудіямъ.

Обстановка диктовала поспѣшный уходъ, такъ какъ въ концѣ концовъ могла быть сдѣлана попытка атаковать стоявшіе у пристани суда, что могло бы имѣть весьма печальные результаты, но пришлось ожидать прибытія датчанъ-добровольцевъ, которыхъ Штабъ забылъ забрать съ собой. Возмущенный прибѣжалъ состоявшій при нихъ полк. Ц. и въ рѣзкой формѣ доложилъ, вѣрнѣе, прокричалъ съ «Ярославны» на «Минина» Начальнику Штаба ген. К., что мы покроемъ позоромъ себя передъ всей Европой, если бросимъ датчанъ на полный произволь судьбы и предадимъ ихъ въ руки большевиковъ. Пришлось ждать датчанъ, а затѣмъ и забытыхъ кѣмъ-то доблестныхъ танкистовъ. Послѣдвіе на танкѣ вмѣстѣ съ рядомъ слѣдовавшей командой преданныхъ солдатъ черезъ весь городъ прибыли къ самой пристани и, испортивъ орудіе и снявъ пулеметы, взошли на бортъ «Ярославны».

Передъ своимъ отъѣздомъ Начальникъ Штаба ген. К. принялъ еще одну послѣднюю мѣру къ укрѣпленію (?) Мурманскаго редюнта. Въ послѣдней телеграммѣ Командующему войсками Мурманскаго района ген. С. онъ скрылъ отъ него паденіе Архангельскаго фронта, сообщивъ, что Главнокомандующій выѣхалъ къ войскамъ. Ген. С. и войска его узнали объ этомъ какъ изъ большевистскихъ радіо, такъ и по телеграфу черезъ Александровскъ, откуда на Мурманъ была передана телеграмма Архангельскаго Губернскаго Земскаго Собранія съ призывомъ къ войскамъ Мурманскаго района сложить оружіе, такъ какъ борьба прекращена.

Такимъ образомъ Скомороховъ успѣлъ приложить свою руку и къ развалу Мурманскаго фронта. Отъ него другого и ждать было нельзя, но насъ интересуетъ другой вопросъ. Почему Начальникъ Штаба ген. К. не выполнилъ своего долга и не предупредилъ ген. С. сначала о надвигавшейся катастрофѣ, а затѣмъ о томъ, что она уже насъ постигла, лишивъ его тѣмъ возможности принять спѣшныя мѣры; какъ къ парализованію проникновенія этихъ печальныхъ извѣстій извнѣ, такъ и къ удержанію въ связи съ этимъ своего фронта до подхода архангельскихъ войскъ.

Глава VI

Отходъ «Минина» и «Ярославны» и обстрѣлъ ихъ. Морской бой съ «Канадой». Судьба бойцовъ Архангельскаго фронта

Около 11 часовъ утра мы тронулись на буксирѣ у «Минина», безъ всякихъ усилій раскалывавшаго ровный рѣчной ледъ. Спокойно мы прошли мимо «Чесмы», откуда не рѣшились въ насъ стрѣлять изъ пулеметовъ и ружей, видя приготовленныя къ дѣйствию два нашихъ 75 миллиметровыхъ орудія. Но какъ только мы поровнялись съ гнѣздомъ красныхъ, Соломбалой — предметемъ Архангельска, населеннымъ рабочими и гдѣ находились казармы

флотскаго полуэкипажа, какъ началась пулеметная и ружейная стрѣльба, которая сопровождала насъ и дальше при прохожденіи узкаго рукава Двины — Маймаксы, съ обѣихъ сторонъ которой расположены громадныя лѣсопильныя заводы. Въ стрѣльбѣ принимали участіе рабочіе и матросы, причемъ въ одномъ мѣстѣ стрѣлявшіе дошли до такой наглости, что бросились къ берегу съ винтовками въ рукахъ, крича «сдавайтесь» и сопровождая эти крики площадной бранью. Двумя выстрѣлами изъ кормового орудія «Ярославны» они были разсѣяны и обращены въ паническое бѣгство. Стрѣльба не имѣла для насъ серьезныхъ послѣдствій, былъ раненъ въ руку контръ-адмиралъ П. и получилъ легкое поверхностное раненіе въ область живота командиръ автомобильнаго дивизиона полк. К. Къ нашему счастью, измѣнники не располагали орудіями, замки съ которыхъ были своевременно сняты благодаря предусмотрительности завѣдывавшаго артиллерійскимъ снабженіемъ подполк. Я.

Къ 2¹/₂ часамъ дня мы подошли къ Экономіи для взятія дополнительно угля и соединенія съ «Кападой» и «Сусаниномъ», по здѣсь ожидалъ насъ новый сюрпризъ: на «Кападѣ» и «Сусанинѣ» развѣвались красныя флаги. Прибѣжавшіе вскорѣ оттуда по льду морскіе офицеры сообщили о происшедшей на Экономіи измѣнѣ. Оказалось, комендантъ Экономіи, какой-то прапорщикъ, напился пьянъ и никакихъ мѣръ къ предотвращенію мятежа не принялъ, занятія судовъ офицерскими командами по примѣру «Ярославны» и «Минина» почему-то произведено не было и въ результатѣ мы лишились возможности погрузиться углемъ, а также лишились перевозочныхъ средствъ въ видѣ двухъ ледоколовъ, что было особенно печально, такъ какъ мы были перегружены сверхъ предѣла. По принятіи доклада отъ прибѣжавшихъ съ Экономіи офицеровъ адмиралъ далъ сигналъ: «Кападѣ спустить красныя флаги и слѣдовать за мной, иначе открываю огонь», послѣ чего мы медленно тронулись впередъ, но несмотря на произведенные 30 выстрѣловъ «Капада» за нами не послѣдовала.

Ночью мы достигли полосы ледяныхъ полей, причемъ состояніе льдовъ было таково, что стало ясно, что «Ярославнѣ» дальше не пройти, а поэтому морскимъ командованіемъ было отдано распоряженіе о переходѣ всѣхъ на «Мининъ».

Незабываемая картина. Темная непроглядная ночь, кругомъ ледяныя поля и среди нихъ два затерявшихся корабля съ потерявшими родину пассажирами. Суда стали рядомъ бокъ о бокъ и при яркомъ свѣтѣ кормового электрическаго фонаря «Минина» началась пересадка. Первыми для запятія караула перешли датчане, и фигуры ихъ часовыхъ въ острокопечныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ винтовками на плечахъ замелькали по палубѣ, бросая на свѣгъ причудливыя тѣни и придавая всей картинѣ еще болѣе фантастическій видъ. Затѣмъ послѣдовала переноска раненыхъ, перешли женщины и дѣти, перегрузили продовольствіе, вещи и уголь и только послѣ всего этого перешли мужчины и команда. Лихорадочно кипѣла работа, продолжавшаяся три часа вмѣсто предполагаемыхъ шести, и ледоколь, вмѣщающій нормально 120 человѣкъ, принялъ болѣе 1100 пассажировъ.

Пересадка подарила насъ еще новыми сильными впечатлѣніями. Вотъ на кормѣ «Минина», какъ разъ подъ мощнымъ электрическимъ фонаремъ, готовятъ основаніе для снятой съ «Ярославны» пушки, а тутъ же рядомъ, недалеко, доктора и сестры милосердія дѣлаютъ перевязку прапорщику П., которому, благодаря несчастной случайности, выстрѣлами изъ

пулемета при переноскѣ его раздробило обѣ ноги. Въмѣсто ногъ какіе-то кровавые куски мяса, а мужественный П. спокойно рассказываетъ мнѣ самъ о своемъ несчастіи, соболѣзнуя лишь о томъ, найдетъ ли онъ работу за границей безъ ногъ... Пересадка закончена и мы трогаемся дальше, оставляя среди льдовъ одинокой красавицу «Ярославну», горящую огнями...

Днемъ 20 Февраля были перехвачены радіо, которыми обмѣнялся красивый Архангельскъ съ находившимися въ морѣ ледоколами «Русановымъ», «Сибиряковымъ» и «Таймыремъ». Они слѣдовали на Мурманъ и имѣли среди пассажировъ офицеровъ и другихъ служащихъ, которыхъ намъ необходимо было снять. Архангельскъ инструктировалъ ихъ не отвѣчать на наши радіо и ночью не поднимать опознавательныхъ огней. Еще до наступленія темноты они были обнаружены нами въ поляхъ такъ-называемыхъ торосовъ, то-есть наиболѣе сжатыхъ льдовъ, причемъ, когда стемнѣло, адмиралъ отдалъ имъ распоряженіе поднять опознавательные огни, что и было ими исполнено. Около 8 часовъ вечера «Мининъ» медленно, имѣя наготовѣ пулеметы, подошелъ къ нимъ и опять эта картина освѣщенныхъ ледоколовъ съ быстро двигающимися на нихъ вооруженными людьми среди окружавшей насъ мертвой ледяной пустыни производила незабываемое впечатлѣніе и могла бы служить прекраснымъ сюжетомъ для кинематографической фильмы.

Ночью началась перегрузка угля съ «Сибирякова» на «Мининъ», имѣвшій весьма ограниченныя запасы, а около 11 часовъ утра, 21 Февраля, намъ пришлось пережить самыя интересныя и яркія по впечатлѣніямъ минуты, которыя въ тотъ моментъ показались долгими и полными драматизма. Вдали показалась «Канада» и скоро было перехвачено ея радіо въ Архангельскѣ: «Вижу на горизонтѣ четыре судна, на предложеніе сдать не отвѣчаютъ. Открываю огонь. Комиссары Дубровскій, Бубновскій и Николаевъ». Вскорѣ послѣ этого съ разстоянія въ 5 верстъ началась стрѣльба по «Минину». Мы занимали очень невыгодное положеніе рядомъ съ «Сибиряковымъ», не имѣя даже возможности открыть огонь. Пришлось спѣшно прекратить погрузку угля и отходить, а тѣмъ временемъ снаряды противника начали ложиться очень правильно и близко отъ «Минина». Первые выстрѣлы «Канады» были очень удачны. Не долетѣть, еще не долетѣть, перелетѣть; мы по выраженію артиллеристовъ были «взяты въ вилку», пристрѣлка была закончена и можно было ожидать «суживанія вилки съ переходомъ на пораженіе». На мостикѣ, гдѣ я находился съ Главнокомандующимъ, и на палубѣ было спокойно, такъ какъ здѣсь находились только солдаты и офицеры, зато внизу въ переполненныхъ каютахъ среди женщинъ царило жуткое настроеніе и кое-гдѣ начиналась истерика. Положеніе было очень серьезное, такъ какъ было ясно, что попаданіе въ незащищенный броней ледоколъ могло вызвать пожаръ, создать панику и поставить командный составъ въ очень тяжелое положеніе, ибо на суднѣ, кромѣ военныхъ, находились женщины и дѣти. Однако дальнѣйшія событія развились для насъ чрезвычайно благоприятно.

Отойдя отъ «Сибирякова», мы начали отвѣчать изъ нашей кормовой 75 миллиметровой пушки, что видимо было большимъ сюрпризомъ для неприятеля, который очевидно не зналъ, что мы сняли одно орудіе съ «Ярославны». Наша стрѣльба, судя по наблюденіямъ, была очень удачной и скорѣ мы замѣтили, что «Канада» начинаетъ медленно разворачиваться къ намъ своимъ лѣвымъ бортомъ, причемъ во время этого поворота она потеряла направленіе и снаряды ея стали ложиться на четверть версты въ

сторону отъ насъ. Вначалѣ явилось предположеніе, что она имѣетъ другое болѣе мощное орудіе на кормѣ, изъ котораго имѣетъ въ виду обстрѣлять насъ, но затѣмъ стало ясно, что она совсѣмъ уходитъ.

Такъ счастливо закончился нашъ морской бой. Какъ я узналъ значительно позже за границей, причиной такого удачнаго исхода послужило попаданіе одного изъ палихъ снарядовъ въ «Канаду».

Мы продолжали медленно продвигаться среди льдовъ, а остальные ледоколы, хотя и тронулись по приказу адмирала за нами, по постепенно стали отставать и къ вечеру мы ихъ потеряли изъ вида. Ночью пришлось остановитъ машины. Сжатіе льдовъ достигло такой силы, что даже могучій «Мининъ», лучшій изъ русскихъ ледоколовъ, не могъ съ ними справиться. Когда же утромъ 22 Февраля мы проснулись, то стали свидѣтелями поваго милосердія, проявленнаго къ намъ Всевышнимъ: вѣтеръ перемѣнился, льды разошлись и мы выбрались на чистую воду.

Днемъ 21 Февраля, около 5 часовъ, было перехвачено сообщеніе по радіо о возстаніи въ Мурманскѣ. Извѣстіе это произвело крайне тягостное впечатлѣніе, вызвавъ основательное опасеніе, что Мурманскому фронту не удастся продержаться до подхода архангельскихъ войскъ. Особенно тяжело было смотрѣть на Главнокомандующаго, который со времени нашего отбытія изъ Архангельска только и жилъ надеждою понасть на Мурманъ для встрѣчи тамъ нашихъ отступавшихъ войскъ.

Было ясно, что намъ придется слѣдовать прямо въ Норвегію и, такъ какъ былъ перехваченъ цѣлый рядъ радіо Архангельска Мурманску о томъ, чтобы были высланы суда для нашего задержанія, а въ Мурманскѣ имѣлся даже миновосецъ, то былъ принятъ цѣлый рядъ предосторожностей: «Мининъ» держался дальше отъ берега и огни ночью были потушены.

Въ ночь съ 23 на 24 февраля мы благополучно миновали меридіанъ Мурманска, 24 прошли Варде, а 25 утромъ вошли въ норвежскіе фіорды, гдѣ встрѣтили пароходъ «Ломовосовъ», на которомъ изъ Мурманска спаслось, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ, 25 бельгійцевъ добровольцевъ и двое авглійскихъ офицеровъ летчиковъ. Часть пассажировъ съ «Минина» была переведена на «Ломовосовъ» и 25 февраля въ 4 часа дня мы подошли къ небольшому портовому городку Гаммерфесту. Еще когда мы были въ морѣ, съ «Минина» была дана депеша на норвежскую радіо-станцію Инге съ просьбой оказать намъ пріютъ въ Тромзе, наиболѣе крупномъ изъ сѣверныхъ норвежскихъ портовыхъ городовъ. Мы просили принять въ лазаретъ больныхъ и раненыхъ, а также дать возможность выйти на берегъ для отдыха жевщинамъ и дѣтямъ, измученнымъ путешествіемъ, совершеннымъ въ невѣроятныхъ условіяхъ скученности при недостаткѣ продовольствія и прѣсовой воды; кромѣ того необходимо было почистить ледоколъ и дать передохнуть мужчинамъ, большая часть которыхъ должна была спать на палубѣ. Еще въ пути возникали опасенія, какъ то встрѣтятъ насъ въ Норвегіи, причемъ почему то большинство придерживалось пессимистическихъ взглядовъ на предстоящія намъ перспективы, считая, что въ странѣ доминируютъ симпатіи къ краснымъ.

Однако, этимъ опасеніямъ суждено было очень скоро разсѣяться: намъ былъ оказанъ такой радушный братскій пріемъ, котораго никто изъ насъ не могъ даже предполагать. Какъ только мы подошли къ Гаммерфесту и городъ узналъ о нашемъ прибытіи, па пароходъ были присланы въ

громадномъ количествѣ продовольствіе, фрукты и шоколадъ, для чего многіе торговцы очистили положительно все свои магазины, причемъ все это было предоставлено безвозмездно, такъ какъ норвежцы отказались принять какую бы то ни было плату. Вскорѣ на «Мининъ» прибыли бургомистръ, врачъ и полицеймейстеръ, причемъ бургомистръ на французскомъ языкѣ привѣтствовалъ Главнокомандующаго въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, высказавъ радость и увѣренность, что со вступленіемъ «Минина» въ норвежскія воды все несчастія для насъ кончились, такъ какъ мы находимся среди дружественнаго намъ норвежскаго народа. Къ этому бургомистръ добавилъ, что онъ очень сожалѣетъ, что мы не остановились въ Гаммерфестѣ и слѣдуемъ въ Тромзе, который уже готовъ принять насъ и гдѣ насъ конечно устроятъ съ большими удобствами, такъ какъ Тромзе куда больше Гаммерфеста.

Какъ Главнокомандующій, такъ и все пассажиры «Минина» выразили горячую благодарность бургомистру Гаммерфеста за сердечный приемъ, причемъ отъ пассажировъ сейчасъ же былъ составленъ благодарственный адресъ городу, опубликованный въ мѣстныхъ газетахъ. Одновременно съ этимъ была получена телеграмма городского самоуправления Тромзе, что на экстренномъ засѣданіи единогласно, при участіи представителей рабочихъ, было рѣшено оказать намъ самый радушный приемъ.

26 вечеромъ мы прибыли въ Тромзе, гдѣ тотчасъ же на «Мининъ» прибыли докторъ съ санитарнымъ персоналомъ и городскія власти. Раненые и больные были высажены на берегъ сразу же, а женщины и дѣти на слѣдующій день утромъ. И тѣ, и другія были окружены такою заботливостью, такимъ вниманіемъ, такимъ уходомъ, что мы архангельскіе бѣженцы не только что сами этого никогда не забудемъ, но нашъ нравственный долгъ заставляетъ насъ передать эти воспоминанія потомству, дабы будущая великая Россія никогда не забыла тѣхъ братскихъ чувствъ, которыя были проявлены къ ней въ дни павшаго на ея вѣрныхъ сыновъ бѣдствія, маленькой численно, но великой своей нравственной красотой и благородствомъ Норвегіей.

Все высаженные на берегъ были расположены въ отличныхъ помѣщеніяхъ, кормили ихъ великолѣпно, дѣтей засыпали фруктами и сладостями и всехъ снабдили двумя, тремя комплектами бѣлья и одежды. Когда матери уходили въ городъ за покупками, норвежскія дамы заботливо нянчили ихъ дѣтей. Въ воскресенье помѣщенія бѣженцевъ украсились присланными горожанами живыми цвѣтами. На вечернемъ богослуженіи въ мѣстной церкви пасторъ произнесъ проповѣдь на тему: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть», призывая жертвовать для русскихъ бѣженцевъ. Всюду въ магазинахъ и лавкахъ насъ встрѣчали особо привѣтливо, дѣлая намъ громадныя скидки и иногда отказываясь отъ принятія денегъ.

Когда на предложеніе Норвежскаго Правительства устроиться съ бѣженцами въ Трондѣмѣ Главнокомандующій отвѣтилъ согласіемъ, то оттуда немедленно послѣдовалъ запросъ, сколько потребуется для бѣженцевъ одежды и бѣлья.

На свѣтломъ фонѣ оказаннаго намъ братскаго приема въ Норвегіи нельзя не отмѣтить непристойнаго поведенія представителей «союзныхъ намъ вооруженныхъ силъ» въ лицѣ англійскихъ и бельгійскихъ офицеровъ на «Ломоносовѣ». Вступивъ добровольцами на русскую военную службу и, слѣдовательно, войдя въ составъ нашей арміи, они, спасшись изъ Мурманска на

захваченномъ ими для этого русскомъ пароходѣ, позволили себѣ объявить его своимъ призомъ и вошли по этому поводу въ пререканія съ Главнокомандующимъ. Руководителями въ этомъ дѣлѣ были двое англійскихъ офицеровъ. Главнокомандующему стоило большихъ хлопотъ уладить инцидентъ «съ союзниками» въ нейтральныхъ водахъ и путемъ сношенія съ Лондономъ, гдѣ находилась дирекція Мурманскаго пароходства, которому принадлежалъ «Ломоносовъ», добиться того, чтобы при посредствѣ норвежскихъ властей этимъ авантюристамъ было предложено покинуть пароходъ, который и былъ переданъ въ полное распоряженіе Главнокомандующаго.

28 февраля я покинулъ «Мишинъ» и черезъ два дня выѣхалъ изъ гостеприимной Норвегіи въ Финляндію къ своей семьѣ. Одновременно съ этимъ «Мишинъ» отправился въ Трондъемъ, гдѣ его пассажировъ ожидало такое же гостеприимство норвежцевъ, но только на болѣе продолжительный срокъ.

Архангельская эпопея закончилась, но не совсемъ. На пути изъ Архангельска на Мурманъ агонизировала горсть отборнѣйшихъ борцовъ...

Мнѣ остается очень немного добавить къ той картинѣ разложенія фронта, которая уже была описана выше. Необходимо только отмѣтить, что эксцессы въ отношеніи офицеровъ на фронтѣ почти не было. Лишь на Средь-Михреньгѣ, благодаря своей неуравновѣшенности, погибъ подполковникъ Ч., понуждавшій солдатъ, вопреки сложившейся обстановкѣ, къ дальнѣйшему сопротивленію большевикамъ. Въ общемъ солдатская масса разсталась съ офицерами дружелюбно. Въ одномъ изъ полковъ прощаніе носило дружескій характеръ. «Вы домой и мы домой», говорили солдаты и даже иногда старались добыть для офицеровъ подводы, желая имъ счастливаго и благополучнаго пути. Несомнѣнно во взаимоотношеніяхъ былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ и солдаты не видѣли въ офицерахъ «бѣлогвардейцевъ и золотопогонниковъ», посягающихъ отнять у народа свободу.

Пинежскій, Мезенскій и Печерскій районы, какъ то уже было предусмотрено въ эвакуаціонномъ планѣ, были предоставлены своей участи. Начальникъ Штаба К. падѣлилъ по этому поводу Командующаго Пинежско-Мезенскимъ райономъ ген. П. правами командира отдѣльнаго корпуса, «для обезпеченія ему необходимыхъ широкихъ полномочій на предметъ самостоятельныхъ дѣйствій». Конечно, старикъ П. со всѣми своими чрезвычайными полномочіями, а также, къ сожалѣнію, и съ войсками попалъ въ руки большевиковъ. Войска Двинскаго района, вопреки планамъ Штаба, не успѣли присоединиться при отступленіи къ войскамъ Желѣзнодорожнаго района и принуждены были отойти на Архангельскъ, гдѣ и капитулировали, причемъ командовавшій ими ген. Д. попалъ вмѣстѣ съ офицерами въ тюрьму, гдѣ онъ навѣрно не разъ вспоминалъ добрымъ словомъ ген. К., ибо онъ всегда упорно твердилъ, что войскамъ Двинскаго района ни въ какомъ случаѣ не успѣть во время отойти съ боемъ на соединеніе съ войсками Желѣзнодорожнаго района.

Послѣднія съ 19 февраля начали свой крестный путь на Голгофу. Имъ пришлось на пути ликвидировать возстаніе въ гор. Онегѣ, что конечно потомъ тяжело отозвалось на ихъ участи. Они слѣдовали въ трехъ группахъ, причемъ послѣднюю составляли вышедшія изъ Архангельска части во главѣ съ ген. Б., бывшимъ Начальникомъ снабженія, а авангардъ шелъ подъ командой Командующаго войсками Желѣзнодорожнаго района ген. В.

Когда 27 февраля они подошли къ Сорокамъ — станціи на Мурманской желѣзной дорогѣ, то уже Мурманскаго фронта не существовало. Еще 23 февраля для высшаго военнаго командованія на Мурманѣ стало ясно, что больше медлить съ отходомъ въ Финляндію нельзя. Въ войскахъ, подъ вліяніемъ большевистскихъ радіо о развалѣ фронта, призыва Архангельскаго Губернскаго Земскаго собранія къ прекращенію вооруженной борьбы и возстаній въ тылу, въ Мурманскѣ и Александровскѣ, началось разложеніе. Вслѣдствіе этого, оставшіеся вѣрными долгу въ количествѣ около 1500 человекъ, перешли финляндскую границу, сдѣлавъ двухнедѣльный тяжкій переходъ черезъ полузамерзшія карельскія болота (ламбушки), гдѣ люди и лошади на каждомъ шагу проваливались по горло въ снѣгъ и воду. Временами имъ казалось, что нѣтъ никакой надежды выбраться и только нежеланіе попасть въ кровавыя руки врага толкало на новыя сверхчеловѣческія усилія, благодаря которымъ намѣченная цѣль была достигнута.

Войска Архангельскаго фронта были встрѣчены въ Сорокахъ красными бронепоездами и двумя красноармейскими полками. Предстояло послѣ тяжелаго пути принять бой, послѣ котораго продѣлать тотъ же походъ, что и мурманскимъ войскамъ, но при возможности и въ дальнѣйшемъ натолкнуться на новыя красныя силы. Послѣ военнаго совѣщанія рѣшено было капитулировать, для чего вошли въ переговоры съ Сорокскимъ совдепомъ, въ результатѣ чего въ руки красныхъ попало около полутора тысячи отборныхъ бойцовъ. Небольшая группа въ 11 человекъ ушла на лыжахъ и пробралась въ Финляндію. Изъ среды ея раздавались обвиненія, что капитуляція была произведена безъ достаточныхъ основаній и что шансы на успѣхъ въ случаѣ боевого столкновенія были, а также была возможность и уйти. Что касается ухода, то конечно этой группѣ въ нѣсколько человекъ только потому и удалось уйти, что главная масса сдалась и большевики занялись ею, но позволительно усумниться и въ возможности продолженія борьбы, имѣя за собой столько понесенныхъ уже лишеній и страданій и при томъ безъ увѣренности, что эта борьба послѣдняя. Если бы хоть какіе нибудь шансы на успѣхъ были, то очевидно, что они склонили бы къ принятію боя тѣхъ, кто до атого момента былъ образцомъ мужества и чуть ли не въ каждомъ очередномъ бою подвергалъ себя смертельной опасности, находясь всегда впереди атакующихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, если это была ошибка, то за нее заплачено кровью, которая въ данномъ случаѣ была пролита за спасеніе остальныхъ, такъ какъ взявшіе на себя разрѣшеніе вопроса о сдачѣ были впоследствии разстрѣляны большевиками.

Мое глубочайшее убѣжденіе, что вопросъ долженъ идти не о тѣхъ, кто сдался, а о томъ, кто поставилъ этихъ доблестныхъ героевъ въ условія, которыя закончились сдачей, — кто зарывшись въ бумагу и оторвавшись отъ жпвой дѣйствительности, упорно проводилъ въ жизнь свои неосуществимые планы. Когда такіе господа въ условіяхъ мирной обстановки проливали въ порывахъ административнаго экстаза потоки чернилъ, то это вызвало въ большинствѣ случаевъ только скромный расходъ на послѣднія, не имѣя за собой обыкновенно никакихъ особенно серьезныхъ послѣдствій, но вѣдь тутъ пролились не чернила, а настоящая человѣческая кровь лучшихъ сыновъ родины. Какая гарантія, что и въ будущемъ участь новыхъ самоотверженныхъ бойцовъ не попадетъ опять въ такія же руки.

Этотъ вопросъ волновать какъ тѣхъ, кто уже разстрѣлянь или испытываетъ тяжкія муки въ плѣну, такъ и тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, но потерявъ еще разъ Родину, желаетъ чтобы въ будущей борьбѣ его руководителями были лица, которыя давали бы ему хоть слабую надежду, что, вступивъ подъ ихъ руководство въ борьбу, онъ не будетъ въ рѣшительную минуту брошенъ на полный произволъ судьбы.

Отъ многихъ изъ нихъ я имѣлъ пастойчивыя просьбы разсказать всю правду о томъ, какъ они боролись, какъ старались спасти Родину и почему изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Только во исполненіе этого дружескаго завѣта я и взялъ на себя смѣлость взяться за перо и привлечь вниманіе русскаго общѣства къ этимъ строкамъ, порой можетъ быть сухимъ и неуклюжимъ, по которыя могутъ быть цѣнны для каждаго русскаго чело-вѣка не по литературнымъ своимъ качествамъ, а потому, что содержаніемъ ихъ является не фантазія и романъ, а самая настоящая суровая русская быль.

Я бы считалъ свой трудъ не законченнымъ, не сдѣлавъ изъ него тѣхъ выводовъ, которые напрашиваются самъ собой при безпристрастномъ анализѣ всего изложеннаго выше фактическаго матеріала. Необходимо устано-вить точно причины гибели бѣлаго фронта на Сѣверѣ для того, чтобы использовать скромный опытъ имѣвшей тамъ мѣсто борьбы и въ будущемъ не повторять завѣдомыхъ ошибокъ прошлаго.

Собственно говоря, главной причиной паденія нашего фронта послужила ликвидація всѣхъ остальныхъ, ибо Сибирская и Сѣверо-западная арміи къ моменту паденія нашего фронта уже не существовали, а на югѣ Деникин-ская армія тоже уже развалилась. Другихъ союзниковъ въ это время у насъ тоже не было, такъ какъ, хотя Финляндія, Польша и нѣкоторыя окраин-ныя государства находились еще въ состояніи войны съ совѣтскою Россіей, но никакихъ активныхъ операцій не вели, а Эстонія какъ разъ въ этотъ моментъ приступила къ мирнымъ переговорамъ. Такимъ образомъ, мы были совершенно изолированы въ борьбѣ съ могучимъ врагомъ, что и дало ему возможность ликвидировать насъ. Правда, если бы мы были единодушны и защищали наши лѣсныя дефиле съ героизмомъ спартанцевъ при Термопи-лахъ, то можетъ быть большевики и оставили бы насъ въ покоѣ, считая, что «игра не стоитъ свѣчъ» и предоставивъ намъ тѣмъ возможность досидѣть до того момента, когда у насъ появился бы болѣе активные союзники въ лицѣ Врангеля и Польши, но, увы, единодушія у насъ какъ разъ и не было и въ связи съ этимъ прискорбнымъ обстоятельствомъ необходимо пе-рейти къ другимъ причинамъ нашего пораженія, неразрывно связаннымъ съ главной:

1) Отсутствие въ народнои массѣ идей здоровой государственности и недостаточное изжитіе ею большевизма.

Въ разрѣшеніи нашей участи въ неблагопріятномъ смыслѣ главная роль принадлежала народнои массѣ, часть которой, благодаря преступной пропа-гандѣ какъ изнутри, такъ и извнѣ, стала на путь прямой измѣны и открытія фронта, а остальные, повѣривъ лозунгамъ немедленнаго мира, разошлись по домамъ. Тщетны были указанія, что мира они не получаютъ и что вмѣсто

того, чтобы защищать родные деревни будут посланы бороться за торжество третьего интернационала на западный фронт и на Кавказ, где большевики в это время сосредоточивали свои силы: произошло то, что и в национальную войну, победили шкурнические инстинкты и штык был воткнут в землю. Могучее влияние на такого рода поведение оказало неужитие некоторой частью населения Области большевизма, так как за время своего первого кратковременного пребывания в Области большевики не успели до конца произвести свои опыты, да и террор не имел в то время широкого применения. Крестьяне мало верили в то, что до них доберутся, и перемена режима в их представлении сводилась к тому, что вместо волостной управы появится вывеска волостного совдепа, где будут сидеть те же свои люди, что и в земстве. Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что большая часть народной массы еще не достаточно испытала большевистский режим, была мало проникнута идеями здоровой государственности, и лишняя политического руководства стала довольно легкой жертвой искусной пропаганды, веденной как самими большевиками, так и их пособниками у нас. Не малую роль сыграл также страх ответственности перед сплывшим врагом, который грозил жестокими репрессиями за продолжение борьбы и требовал немедленной капитуляции.

2) Неудовлетворительная постановка агитации и пропаганды.

Как я уже отметил при изложении фактической части своего труда, наши руководящие правительственные круги не дооценивали всего значения этого могучего средства борьбы в смысле его исключительного влияния на психологию масс. Между тем у противника это дело было в руках ответственных коммунистических деятелей и насколько важное значение они придавали ему, видно из того, что в критические моменты они на фронт вместе с броневыми поездами двигали агитационные поезда имени Троцкого и Ленина. Достаточно припомнить последний фазис нашей борьбы на Севере, чтобы понять, какого успеха они достигли в этой области.

3) Отсутствие единого национального противобольшевистского фронта.

Внутри Области все время шла ожесточенная политическая борьба, целью которой одно время был захват власти со стороны эсеровских кругов. Других поводов к борьбе с Правительством у них не было, ибо в основу аграрной реформы был положен принцип национализации земли с передачей ее в полное распоряжение волостных земств, а рабочий вопрос также не имел характера остроты, в виду удовлетворения материальных требований и предоставления свободного развития профессиональному движению. Конечно, Правительство не могло допустить открытой пропаганды большевистских идей и призывов к передаче всей власти советам и, если эсеровские круги собирались после выступления к власти предоставить у нас рабочим свободу действий в этом направлении, то они конечно в кратчайший срок достигли бы тех же результатов, что и Временное Правительство в период его руководства Керенским. Ужасно было то, что правые эсеры, видимо придерживавшиеся искренно оборонческих тенденций, служили обыкновенно только ширмой для пораженческих кругов той же партии, которые пользовались ими как прикрытием для захвата власти, преследуя при этом совсем другие цели, чем их правые со товарищи. Это особенно рельефно сказалось в

періодъ нашего послѣдняго политическаго кризиса, когда сформированное изъ право-эсеровскихъ круговъ Правительство національной обороны существовало всего нѣсколько дней, ибо почва для паденія власти и торжества большевизма была подготовлена ихъ лѣвыми товарищами, стремившимися къ захвату власти не для продолженія борьбы, а для заключенія мира съ большевиками, и развалившими пропагандой на эту тему фронтъ. Плохо также обстояло дѣло и въ другихъ политическихъ партіяхъ, объединившихся у насъ въ правый буржуазный блокъ, не выдвинувшей изъ своей среды яркихъ лицъ и склонной къ мелкимъ партійнымъ дрызгамъ и препирательствамъ, съ нескрываемою тенденціей торгово-промышленныхъ круговъ охранять только свои спеціальные интересы.

4) Слабость Правительства и диллетантизмъ его членовъ.

Правительство, имѣя въ своемъ составѣ демократическихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ среды Союза Возрожденія Россіи, большая часть которыхъ принадлежала съ Н. В. Чайковскимъ къ народно-соціалистической партіи, старалось въ своей политической дѣятельности идти по равнодѣйствующей указаннымъ выше двухъ враждебныхъ теченій, что сказывалось въ компромиссномъ, половинчатомъ рѣшеніи многихъ вопросовъ, не удовлетворявшемъ ни ихъ правыхъ, ни лѣвыхъ политическихъ противниковъ и создававшимъ вокругъ Правительства общую враждебную атмосферу. Отсутствие определенности и твердости въ проведеніи своей программы и слабая тенденція къ самозащитѣ при несомнѣнномъ диллетантизмѣ большинства членовъ Правительства еще болѣе создавало впечатлѣніе непрочности временной власти и, когда населеніе въ критическій моментъ было поставлено передъ выборомъ между нею и другой, которая вовсе не была популярна и скорѣе наводила страхъ и ужасъ, но зато импонировала своей одерживающей побѣды силой, — оно, скрѣпя сердце, ввѣрило свою участь послѣдней.

5) Неспособность и бюрократизмъ высшаго военнаго командованія.

Отсутствие напряженной планомѣрной работы и заботливости о войскахъ до ухода союзниковъ имѣло своимъ послѣдствіемъ непрерывные беспорядки въ войскахъ и подрывъ въ глазахъ союзнаго командованія нашего престижа, а наступившая послѣ ухода союзниковъ полоса упорной работы, къ сожалѣнію, носила на себѣ клеймо бюрократизма, рутинны и косности при полной оторванности отъ реальной дѣйствительности, что имѣло своимъ послѣдствіемъ: а) веденіе военныхъ операцій въ масштабѣ, не соответствовавшемъ нашимъ скромнымъ силамъ, съ захватомъ отдаленныхъ отъ главнаго театра войны безлюдныхъ колоссальныхъ пространствъ, что привело къ удлиненію фронта и коммуникаціонныхъ линій и обостренію продовольственнаго вопроса и б) оставленіе наше послѣ ухода союзниковъ въ Архангельскомъ районѣ безъ принятія какихъ либо разумныхъ мѣръ для обезпеченія эвакуаціи, что повлекло за собой гибель нашихъ лучшихъ бойцовъ, предоставленныхъ въ рѣшительный моментъ собственными силами выполнять неосуществимый планъ штаба по отходу на Мурманъ.

Перечисленными причины, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и особенно всѣ онѣ вмѣстѣ, несомнѣнно сыграли свою роль при ликвидаціи нашего фронта, однако, онѣ не имѣли бы рѣшающаго значенія, если бы мы въ отношеніи необходимыхъ для борьбы ресурсовъ — физической силы и прочаго, такъ не отставали отъ противника, или будь у насъ союзники, въ

видѣ ли другого фронта, или въ лицѣ дѣйствующихъ активно иностранныхъ державъ, хотя бы и не крупныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что все перечисленные нами факторы, оказавшіе воздѣйствіе на неудачный исходъ борьбы на Сѣверѣ, являются тяжелымъ наслѣдіемъ нашего прошлаго, знакомство съ которымъ, одного изъ нашихъ талантливыхъ государственныхъ дѣятелей, покойнаго С. Ю. Витте дало ему возможность еще въ періодъ заключенія портсмутскаго договора предсказать, что «слѣдующая война для Россіи — ея политическая катастрофа» («Былое» за 1918 годъ. Записки Коростовца).

На Сѣверѣ эти факторы гораздо меньше выявили свою силу, чѣмъ на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, и для парализованія ихъ была произведена большая работа усиліями простыхъ русскихъ гражданъ безъ участія видныхъ политическихъ лидеровъ. Если бы такая работа въ соответствующемъ масштабѣ была произведена на другихъ бѣлыхъ фронтахъ, то врядъ ли мы были бы свидѣтелями ихъ катастрофы.

Произведенная на Сѣверѣ работа, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказала полную возможность государственнаго строительства на началахъ, положенныхъ въ основаніе бытія западно-европейскихъ демократій, несмотря даже на тяжелое наслѣдіе прошлаго, опровергая установившійся въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ взглядъ, что у насъ успѣхъ можетъ имѣть только режимъ организованнаго насилія, источникомъ котораго должна быть власть, стоящая внѣ организованной народной воли.

Правда, и у насъ были допущены крупныя ошибки, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.
